

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 9 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Цифровизация объектов
гражданского оборота:
от трансформации
к новым правовым режимам

Криминальные риски
в метавселенной
и возможные стратегии
их минимизации

Возникновение и развитие
защиты информации
о частной жизни в российском
уголовном судопроизводстве

Методы и формы
регулирования режимов
самоуправления
в многосоставных
государствах при реализации
права на самоопределение

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 9 (226)
сентябрь 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 18.09.2025
Объем 19,53 усл. печ. л. (15,89 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 9 (226)
September 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

18.09.2025
Volume: 19,53 conventional printer's sheets (15,89 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Василевская Л. Ю.** Цифровизация объектов гражданского оборота:
от трансформации к новым правовым режимам 9
- Гринь О. С.** Эволюция судебной практики
применения норм о залоге и удержании вещи 24
- Демидов Н. В.** Истоки современного трудового
законодательства России в послепетровскую эпоху (1725–1785) 33

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Клепицкий И. А.** Мелкое хищение: уместна ли административная ответственность? 44
- Карпов К. Н.** Дифференциация оснований отмены
условного осуждения и освобождения от наказания 60
- Корнакова С. В.** Возникновение и развитие защиты информации
о частной жизни в российском уголовном судопроизводстве 71
- Шутова А. А.** Уголовно-правовое обеспечение безопасности критической
цифровой инфраструктуры Российской Федерации (на примере учреждений здравоохранения) 81

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Бурла В. М.** Феноменология идентичности в социально-политических
и конституционно-правовых исследованиях 95
- Каграманов А. К.** Методы и формы регулирования режимов самоуправления
в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение 108
- Трошев Д. Б.** Недружественные и враждебные действия иностранных государств
как основания применения мер административно-правовой защиты государственного суверенитета 119

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / *JUS GENTIUM*

- Ильинская О. И.** Денонсация международных договоров: теоретические и прикладные аспекты 131

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

- Титова Е. В.** Организационно-правовая модель функционирования
университетского кампуса: вопросы теории и практики 143

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Дунмэй Пан.** Криминальные риски в метавселенной и возможные стратегии их минимизации 154

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Vasilevskaya L. Yu.** Digitization of Objects of Civil Law Relationships:
From Transformation to New Legal Regimes 9
- Grin O. S.** The Evolution of Judicial Practice
in the Application of Pledge and Lien Provisions 24
- Demidov N. V.** The Origins of Modern Russian
Labor Legislation in the Post-Petrine Era (1725–1785) 33

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Klepitskiy I. A.** Petty Theft: Is Administrative Responsibility Appropriate? 44
- Karpov K. N.** Differentiation of the Grounds for Revocation
of a Suspended Sentence and for Release from Punishment 60
- Kornakova S. V.** The Emergence and Evolution of the Protection
of Private Life Information in the Criminal Procedure of the Russian Federation 71
- Shutova A. A.** Criminal Law Measures to Ensure the Security of the Russian Federation's
Critical Digital Infrastructure (the Case Study of Healthcare Institutions) 81

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Burla V. M.** Phenomenology of Identity in Socio-Political and Constitutional Legal Studies 95
- Kagramanov A. K.** Methods and Forms of Regulation of Self-Government
Regimes in Plural States during the Implementation of the Right to Self-Determination 108
- Troshev D. B.** Unfriendly and Hostile Actions of Foreign States
as Grounds for Applying Measures of Administrative and Legal Protection of State Sovereignty 119

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Ilinskaya O. I.** Denunciation of Treaties: Theoretical and Applied Aspects 131

IMPROVEMENT OF LEGISLATION / NOVUS LEX

- Titova E. V.** Organizational and Legal Model for the Functioning
of a University Campus: Issues of Theory and Practice 143

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Pan Dongmei.** Criminal Risks in the Metaverse and Possible Strategies for Their Minimization 154

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

Л. Ю. Василевская
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам

Резюме. Опираясь на методологию научного познания и фундаментальные положения цивилистики, автор анализирует правовые последствия цифровой трансформации в гражданском обороте и приходит к выводу, что различные цифровые объекты (цифровое право, цифровой рубль, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, искусственный интеллект и его технологии) — идеальные по своей природе инновационные продукты, — благодаря используемому процессором компьютера машинному языку, то есть материальной по своей природе системе знаков, воплощаются в объективной цифровой форме, становясь объектами гражданского оборота. На основе проведенной классификации цифровых объектов рассмотрены их видовые особенности и различия в правовом режиме. Выявлены тенденции развития имущественного оборота, связанного с эффектом мультиплицирования цифровых объектов в условиях трансформации. Проанализированы правовые последствия изменения объективной формы и заменяемости материальных носителей новых цифровых объектов. Отмечено, что проблемно-практические вопросы трансформации взаимосвязи содержания, формы и материального носителя цифровых объектов актуализируют проблему разработки и законодательного закрепления тех правовых конструкций, с помощью которых можно не только устранить пробельность и сложности в регулировании отношений с новыми инновационными продуктами, но и предусмотреть механизм надлежащей правовой охраны цифровых объектов и защиты субъективных прав на них.

Ключевые слова: цифровизация; гражданский оборот; цифровой объект; цифровая форма; материальный носитель; результат интеллектуальной деятельности; искусственный интеллект; цифровые права

Для цитирования: Василевская Л. Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 9–23. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

Digitization of Objects of Civil Law Relationships: From Transformation to New Legal Regimes

Lyudmila Yu. Vasilevskaya
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Drawing upon the methodology of scientific inquiry and the foundational tenets of civil law theory, the author explores the legal consequences of digital transformation in the sphere of civil law relationships. The analysis leads to the conclusion that a variety of digital phenomena — including digital rights, the digital ruble, digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, artificial intelligence, and associated technologies — constitute, by their essential nature, ideal-type innovative products. Through the use of computer processor-based machine language that represents a materially grounded system of signs these intangible constructs acquire an objective digital embodiment, thereby attaining the status of objects of civil law relationships. Based upon the

© Василевская Л. Ю., 2025

proposed classification of digital objects, the author examines typological characteristics and distinctions of such objects in legal regulation. The study further identifies emerging trends in the evolution of property turnover, particularly in relation to the multiplier effect of digital objects under conditions of systemic transformation. The author addresses the legal consequences arising from alterations in the objective form and the interchangeability of the material carriers of new digital objects. The author argues that the theoretical and practical challenges associated with the transformation of the nexus between the content, form, and material substrate of digital objects underscore the necessity for the development and legislative codification of legal constructs capable not only of remedying existing lacunae and complexities in the regulation of relations involving innovative digital products, but also of establishing effective mechanisms for the legal protection of such objects and the enforcement of subjective rights in relation thereto.

Keywords: Digitalization, civil law relationships, digital object, digital form, tangible medium, result of intellectual activity, artificial intelligence, digital rights.

Cite as: Vasilevskaya LYu. Digitization of Objects of Civil Law Relationships: From Transformation to New Legal Regimes. *Lex russica*. 2025;78(9):9-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

Введение

Развитие IT-технологий и цифровизации привело к существенным изменениям, повлекшим процессы трансформации гражданского оборота, связанного не только с динамикой имущественных отношений, но и с появлением новых цифровых объектов, то есть переводом гражданского оборота в цифровой формат. Возникновение и распространение в имущественном обороте таких цифровых объектов, как цифровые права, криптовалюта, цифровые финансовые активы, искусственный интеллект (ИИ), технологии ИИ и пр., породили немало проблем, касающихся как надлежащей правовой квалификации цифровых объектов и установления для них соответствующих юридической природе режимов, так и защиты прав на них в условиях распространения мошенничества в цифровой среде. Поэтому в целях минимизации рисков экзистенциального масштаба, как справедливо отмечает Е. В. Вавилин, важно оперативно сформировать правовую базу для эффективного регулирования отношений по поводу создания и оборота высокотехнологических объектов¹.

Очевидно, не все цифровые объекты можно отнести по установленным в ГК РФ критериям к результатам интеллектуальной деятельности (РИД). Например, цифровые права, цифровой рубль, криптовалюта, цифровые финансовые активы не относятся к РИД, но, являясь идеальными по своей природе инновационными продуктами, созданными человеком посредством кодирования информации в цифровой форме, представляют собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе². В отличие от них такие технологические продукты, как ИИ и технологии ИИ, следует отнести к РИД, гражданско-правовая квалификация и правовой режим которых до сих пор не определены в законе³. Правовая характеристика ИИ и технологий ИИ в качестве РИД в новой объективной форме их выражения — цифровой форме — ставит перед цивилистикой ряд концептуальных вопросов, один из которых — выявление специфики цифровой формы РИД и критериев ее отграничения от материального носителя РИД.

Безусловно, технические достижения, связанные с цифровизацией, не означают слома

¹ См.: Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.

² См. определения понятий цифрового рубля, цифровой валюты и цифрового финансового актива: Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 12–13; Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206; Он же. Принцип сочетания частных и общественных интересов в законодательстве о цифровой валюте // Юрист. 2022. № 9. С. 54–57.

³ См.: Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146; Он же. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

остова существующей правовой системы, но порождают неизбежность трансформации определенных устоявшихся в доктрине воззрений и известных правовых институтов. Применительно к правовой характеристике цифровых объектов гражданского оборота это касается прежде всего объектов интеллектуальной собственности. Здесь уместно напомнить известную позицию Верховного Суда РФ, изложенную в п. 80 постановления Пленума от 23.04.2019 № 10⁴, а именно: пока не доказано иное, предполагается, что РИД созданы творческим трудом. Указанная презумпция не означает, что любой идеальный по своей природе результат, созданный человеком с помощью технических средств, является, например, объектом авторского права. Как отмечалось, такие новые цифровые объекты имущественного оборота, как цифровой рубль, криптовалюта, цифровые права, цифровые финансовые активы, — результат технологической инновации, но не творческого интеллектуального труда человека.

Нетрудно заметить, что общий признак для всех новых цифровых объектов оборота — их объективация в цифровой форме, которая по-разному понимается авторами исследований. Различная правовая квалификация цифровых объектов обуславливает не только их различающийся правовой режим, но и отличия в арсенале средств гражданско-правовой охраны цифровых объектов и способах защиты прав⁵ на них.

Теоретико-методологические проблемы квалификации цифровых объектов в условиях трансформации гражданского оборота

Процессы всеобъемлющей цифровизации привели к тому, что существующий в реальной жизни имущественный оборот стал перемещаться в digital-среду и осуществляться в информационной системе в соответствии с ее правилами. Объектами нового digital-оборота стали не реально существующие вещи, а цифровые объекты, принципиально отличающиеся по своим субстанциональным онтологическим признакам (существование этих объектов не в окружающем нас и независимом от нас мире,

а в digital-среде — оцифрованном субъективном мире, созданном человеком). Большинство исследователей-юристов придерживается позиции, согласно которой цифровой мир — многообразии цифровых объектов в виде цифровых прав, цифровой валюты, цифровых финансовых активов, технологических продуктов (ИИ и технологий ИИ), информационных систем, цифровых платформ и пр. — это сфера идеального как противоположность материальному, поэтому удвоение гражданского оборота в виде параллельного существования не только в материальном, но и в идеальном мире требует иного регулирования отношений с виртуальными объектами. Отдельные авторы заговорили даже о сломе классических представлений и базовых постулатов в цивилистике, о необходимости тотальной трансформации правовых институтов, приводящей, по существу, к пересмотру основных положений нашей правовой системы. С такой логикой авторов сложно согласиться, поскольку ими допускаются с методологической точки зрения грубейшие ошибки, провоцирующие механицизм в праве.

Возникает вопрос: какие методологические ошибки стали допускать многие авторы, занимающиеся «цифровой» проблематикой? Известно, что методологические ошибки — это нарушения правил и исходных начал (принципов) в методологии научного познания, которые порождают неверные результаты исследования. Ошибкой в рассуждениях юристов стала терминологическая путаница в важнейших дихотомических и противоположных по своей сути понятиях «объективное — субъективное» и «материальное — идеальное». Первые два понятия с точки зрения методологического подхода раскрывают основное отличие объективного и субъективного в *онтологическом аспекте*, то есть они рассматриваются с точки зрения бытия, существования: объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, есть антипод реальности субъективной как проявления сознания в виде ощущений, восприятий, чувственных образов, научных открытий, идей, взглядов, концепций и т.п. Онтологический аспект в анализе явлений и процессов не следует путать с *гносеологическим (познавательным) аспектом*, когда тот

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁵ См.: *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 174–178.

или иной феномен объективной или субъективной реальности анализируется с точки зрения его природы: либо материальной сущности (вещественности, телесности объектов окружающего нас природного мира и овеществленного физического труда человека), либо ее противоположности — идеальной сущности, выраженной в информации в качестве сведений в различных видах знания (обыденного, научного, религиозного и др.) и его формах (различных способах хранения, представления и передачи знания).

Информацией (знанием, являющимся продуктом мыслительной деятельности человека) можно поделиться, если она интерпретирована посредством языка в той или иной объективной форме, доступной:

- для восприятия другими людьми;
- хранения, обработки, поиска и передачи ее третьим лицам.

В условиях цифровизации хранение, представление, обработка, поиск и передача информации осуществляются сложными компьютерными устройствами и техническими системами. В результате интерпретации информация становится данными, оформленными в том или ином виде. Для восприятия человеком эти формы могут быть визуальными (текст, картинки), звуковыми, вкусовыми, тактильными. Для технических устройств и их систем (компьютер, планшет, смартфон, плеер, сервер и пр.) формы иные, позволяющие воспринимать ее как поток цифр. Часто под формой интерпретации информации понимают и компьютерную, и машинную, и электронную, и цифровую информацию⁶.

Таким образом, субъективная реальность (в гносеологическом аспекте ее анализа) идеальна по своей природе, она недоступна другому человеку для восприятия и понимания без особого средства — материального по своей природе языка, с помощью которого происходит общение людей. Язык как знаковая система (система жестов, образов, букв, символов и т.п., а в условиях цифровизации — это система цифр) дает возможность осуществлять не только функцию общения между людьми, но и функцию хранения, представления и передачи информации как идеального по своей природе явления.

Следовательно, выход субъективного мира — мира образов, научных идей и концепций, результатов творческого интеллектуального труда вовне — в сферу объективного возможен только через выражение его в определенной материальной оболочке — через язык, то есть определенную знаковую систему, в том числе и цифровую. Значит, объективное — это не только физически воспринимаемый мир, существующий вне и независимо от нашего сознания, но и объективированная субъективная реальность, обретшая посредством языка в онтологическом смысле качество объективного, хотя по природе (в гносеологическом смысле) субъективная реальность является идеальным явлением. В философской методологии это единство объективного и субъективного, переход субъективного посредством языка в объективное выражается в базовом фундаментальном принципе *единства языка и мышления*.

Итак, новые объекты имущественного оборота (РИД: ИИ, технологии ИИ, а также созданные с помощью цифрового языка и особого криптографического кода такие цифровые объекты, как цифровая валюта, цифровой рубль, криптовалюта, цифровые финансовые активы) стали воплощаться в *цифровой форме, объективной по своей сути и представляющей собой способ структурирования идеального содержания с помощью буквенно-цифровых символов, то есть с помощью цифрового языка, являющегося, как отмечалось выше, исключительно материальным образованием, посредством которого и происходит взаимодействие субъектов в созданной человеком новой цифровой реальности, объективной по форме и существующей для всех нас и независимо от нас*. То есть цифровой объект в гносеологическом аспекте идеален, а в онтологическом — объективен.

Без знания философской методологии юристу разобраться в этом очень сложно, поэтому и происходит недопустимая терминологическая путаница в разграничении объективного и субъективного, материального и идеального и, как следствие, возникают непозволительные методологические ошибки, заключающиеся прежде всего в рассмотрении цифровой формы как формы идеальной, цифровых объектов

⁶ Подробнее об этом см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. С. 29–33.

имущественного оборота как идеальных объектов и т.п.

Объясним это на примере феномена права. У юристов, как известно, не вызывает сомнений суждение о том, что право объективно, но оно идеально по своей природе, по своему происхождению. Оно как объективное явление (право в объективном смысле) существует в виде совокупности норм, созданных человеком и закрепленных в кодифицированных и некодифицированных нормативных актах на различных (материальных по своей сути) языках народов, населяющих нашу планету. Если бы язык был нематериален, то общения и тем более регулирования общественных отношений также не было бы. Никто же из юристов не отвергает эту азбучную истину! На методологическом уровне этот пример с правом показывает, как работает в правовой сфере единство объективного и субъективного: созданные в человеческом обществе правила поведения (субъективное) посредством правового языка (материального) воплощаются в объективной форме нормативных правовых актов. Таким образом, результаты юридического мышления в виде создаваемых правовых понятий и конструкций, например договоров, сделок, их классификаций и пр. (идеальное), благодаря специализированному языку (материальное), используемому для формулирования норм, регулирующих общественные отношения, воплощаются в объективной форме, становятся объективным правом (право в объективном смысле).

Приведем два примера наиболее распространенных и часто встречаемых в публикациях ошибок. Так, К. М. Мефодьева, признавая цифровые данные новым объектом гражданских прав, пишет о том, что «цифровые данные приобретают самостоятельную действительную или потенциальную коммерческую ценность вне привязки к их материальному или электронному носителю (выделено нами. — Л. В.)»⁷. Рассматривая признаки цифровых данных как объекта гражданских прав, автор в качестве первого и основного их признака выделяет «нематериальную цифровую форму —

программный код в числовом виде (выделено нами. — Л. В.)»⁸. Обратим внимание на две допускаемые ошибки. Первая ошибка: автор противопоставляет материальный носитель электронному, очевидно, считая его идеальным. Вторая неточность: автор указывает, что программный код в числовом виде является цифровой формой и эта цифровая форма нематериальна.

Приведенный пример не единичен. В вопросе объективации новых объектов гражданского оборота в виде особой объективной формы — цифровой формы (цифровые права, цифровые деньги и др.) в правовой литературе допускаются неточности и путаница. Например, А. В. Турбанов утверждает, что деньги имеют «материальную субстанцию (наличную форму) или идеальную (безналичную форму)»⁹ и объясняет это следующим образом: «Безналичные деньги в виде записей на банковских счетах клиентов не перестают быть безналичными, если электронная платежная система не требует наличия банковских счетов. Эта особенность не означает, что появилась новая форма денег. Она как была идеальной (безналичной), так и осталась (выделено нами. — Л. В.), только появилась новая разновидность безналичных денег»¹⁰. С позицией уважаемого автора трудно согласиться. С гражданско-правовой точки зрения речь идет о безналичных денежных средствах («безналичные деньги» — экономическое понятие) как разновидности имущественных прав, обязательственных по своей правовой природе и существующих в виде записей на счетах. В условиях цифровизации банковской деятельности фиксация записей на счетах осуществляется не в бумажной, а в электронной (цифровой) форме, при этом вовсе не происходит смены материальной формы на идеальную, о чем пишет автор¹¹. Нетрудно заметить, что здесь смешивается онтологическая проблема субстанции денег (проблема их объективности или субъективности) с гносеологическим вопросом происхождения денег, их природы (вопрос материальности или идеальности денег по природе).

⁷ Мефодьева К. М. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 125.

⁸ Мефодьева К. М. Указ. соч. С. 129.

⁹ Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73–90.

¹⁰ Турбанов А. В. Указ. соч. С. 73–90.

¹¹ Подробнее см.: Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. С. 9–19.

Более того, объективная форма выражения идеального по природе объекта гражданского оборота (безналичных денежных средств) отождествляется с идеальной природой самого объекта. Форма как способ выражения содержания объекта, идеального по своей природе, не может быть идеальной. В противном случае замысел о цифровом рубле так бы и остался нереализованным, а цифровой рубль не смог бы стать объектом гражданского оборота, поскольку идеальный по природе объект в идеальной форме — это нонсенс, не воспринимаемое другими лицами некое аморфное проявление сознания, которую человек еще не выразил посредством языка в объективной форме, доступной для восприятия и понимания другими лицами. Не следует забывать о единстве языка и мышления как основном принципе методологии научного познания. Это во-первых.

Во-вторых, форма идеального по природе объекта всегда объективна и существует, как уже упомянуто, в многообразии объективных проявлений: визуальных (текст, картинки, рисунки), звуковых, вкусовых, тактильных и, наконец, в условиях цифровизации, в разнообразии цифровых форм. Только благодаря объективной форме идеальный по природе объект может восприниматься другими людьми. Следовательно, безналичные деньги существуют не в идеальной, а в объективной форме, выражаемой в виде записи (системы знаков) на банковских счетах, воспринимаемых субъектами.

На первый взгляд, акцентирование внимания на допускаемых авторами неточностях и ошибках, заключающихся в искажении сути трансформации идеального посредством материального (языка) в объективную форму, можно расценить как придирки, как неуместные замечания. Тем не менее понимание того, что цифровую среду, цифровой мир, цифровую форму нельзя рассматривать как нематериальные субстанции, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В условиях цифровой трансформации это важно прежде всего:

— для уточнения классификации цифровых объектов, их юридической квалификации и правового режима в целях недопущения правовых ошибок в виде смешения гражданско-правовых режимов объектов;

— разграничения таких понятий, как материальный носитель и объективная форма цифровых объектов (РИД) в целях конкретизации различных юридических действий, совершаемых

либо с материальными носителями РИД, либо с исключительными правами на РИД;

— выбора соответствующих средств гражданско-правовой охраны цифровых объектов и способов защиты прав на них.

Классификация цифровых объектов: видовые особенности в правовой характеристике

Идеальные объекты по своей природе, в том числе и цифровые, как правило, ассоциируются с результатами творческой деятельности. Классификация объектов интеллектуальной собственности по ГК РФ проведена на основании общеизвестного критерия — наличия творческой составляющей (творческого характера интеллектуального труда) при их создании. В соответствии с подходом законодателя классификацию цифровых объектов имущественного оборота, идеальных по своей природе и существующих в объективной форме, следует проводить также на основании данного критерия. Это обусловлено, как уже отмечалось, тем, что не все объекты умственной деятельности человека можно подвести под квалификацию РИД.

Среди них можно выделить группу цифровых объектов, которые созданы посредством криптографического кодирования, производимого с помощью современных прорывных компьютерных технологий, в частности ИИ, поэтому утверждать, что такие объекты, как цифровая валюта, цифровой рубль, цифровые финансовые активы, криптовалюта, являются результатом исключительно творческого интеллектуального труда человека, вряд ли допустимо, поскольку функции цифрового кодирования (перевода информации посредством машинного языка в объективную цифровую форму, удобную для ее передачи, обработки и хранения) и шифрования (защиты информации от вмешательства третьих лиц) реализуются главным образом с помощью ИИ — результата сложного программирования.

Таким образом, указанный выше подход позволяет классифицировать цифровые объекты на две группы с различными правовыми режимами:

- 1) цифровые объекты, не относящиеся к РИД;
- 2) цифровые объекты, подлежащие охране в качестве РИД.

Первая группа цифровых объектов относится к оборотоспособным объектам гражданского

оборота. В этой группе такие цифровые объекты, как цифровое право и цифровой рубль, включены в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Несмотря на то что их правовая квалификация определена законодателем, в доктрине до сих пор не умолкают споры по вопросам их юридической природы и способов устранения пробельности в регулировании отношений с новыми объектами гражданского оборота.

Например, в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ при определении цифрового права закреплено, что «осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Значит, если в законе говорится о распоряжении цифровым правом в информационной системе, то очевидно, что речь идет о юридических действиях с цифровым правом в информационной системе. Вместе с тем законодатель не дает ответа на ряд принципиальных вопросов, среди которых важно выделить следующие. В чем специфика этих юридических действий в отличие тех, что установлены законом для их совершения в реальной действительности? Как распознать, какие лица стоят за процессами идентификации, аутентификации и авторизации? Как решать вопрос о дееспособности лиц, участвующих в трансакции? Правил по совершению этих сделок с цифровыми правами законом не установлено. Как справедливо отмечает Е. В. Вавилин, «в рамках права отношения с использованием цифровых технологий также требуют разноотраслевого регулирования: гражданско-правовыми, уголовными, административными нормами. По сути, нормы о цифровых правах должны представлять собой структурированные включения в сложившуюся правовую систему, формирующие индивидуа-

лизированные (с учетом особенностей объектов и специфических правовых режимов) механизмы правового регулирования»¹².

Что касается рассмотрения цифрового права как субъективного гражданского права, то, несмотря на множество различных трактовок этого понятия в доктрине, подчеркнем: однозначно сказать, что цифровые права — это новый вид субъективных гражданских прав, нельзя. Новый вид прав должен обладать уникальным набором характеристик, отличающих его от известных субъективных прав. По мнению С. А. Сеницына, моделирование нового типа субъективных прав должно отвечать критериям индивидуальности, требует фиксации определяющих характеристик (свойств) права¹³, чего законодателем сделано не было.

Нами уже неоднократно высказывалась позиция по вопросу трактовки цифровых прав и их толкования. Полагаем, что цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к использованию цифрового способа их фиксации¹⁴.

Если анализировать цифровой рубль, то он как безналичное денежное средство (ст. 128 ГК РФ) в цифровой форме выступает обязательственным правом и, вне сомнения, подпадает под гражданско-правовую квалификацию цифрового права, его разновидности (ст. 141.1 ГК РФ). Имеются в виду безналичные денежные средства — права требования, возникающие на основании договора об открытии и ведении цифрового кошелька и выступающие элементом содержания правоотношения между банком и клиентом — держателем цифрового кошелька по осуществлению денежных расчетов в безналичном порядке¹⁵.

Цифровой рубль и другие цифровые объекты имущественного оборота (цифровая валюта,

¹² Вавилин Е. В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режимы // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 62–64.

¹³ См.: Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ИЗиСП, 2017. С. 52.

¹⁴ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). Т. 1. С. 91–98 ; Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 3–14.

¹⁵ См.: Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. С. 15, 16 ; Вавилин Е. В. Правовой режим цифрового рубля // Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. С. 58–65.

криптовалюта, цифровой финансовый актив) обладают одним общим свойством — существуют только в информационной системе на основе распределенного реестра и визуализируются в человекочитаемой форме в виде числа, фиксирующего количество определенных расчетных единиц, представляя собой цифровую запись (цифровой код), но они принципиально различаются между собой по правовой природе¹⁶ и особенностям введения в имущественный оборот.

В отличие от первой группы, которую образуют оборотоспособные цифровые объекты, во второй группе юридическое качество оборотоспособности присуще не самим объектам, а исключительным правам на цифровые объекты. Здесь следует выделить прежде всего ИИ и технологии ИИ. Как известно, в ст. 1225 ГК РФ предусмотрен закрытый перечень РИД, которым законодатель предоставил правовую охрану. В этом перечне отсутствуют такие объекты интеллектуальной собственности, как ИИ и его технологии, хотя если исходить из определения понятия ИИ, приведенного в пп. 2 ч. 1 ст. 2 Закона № 233-ФЗ¹⁷, то он как комплекс технологических решений, безусловно, должен относиться к РИД. Ранее нами обосновывалась позиция, согласно которой из указанного определения понятия ИИ вытекает вывод, что речь идет о сложном объекте гражданских прав — едином, неделимом объекте, в состав которого могут входить различные охраняемые РИД. Творческое соединение и использование различных по своей юридической природе объектов интеллектуальных прав в составе сложного объекта возможно только в их единстве, являющемся важным признаком любого сложного объекта, в том числе и ИИ¹⁸. В этой связи отметим, что предписания законодателя в ст. 1240

ГК РФ о закрытом перечне сложных объектов не учитывают динамики и изменчивости объектов оборота в условиях цифровой трансформации, в частности в решении правовой квалификации ИИ в качестве сложного объекта интеллектуальной собственности. Учитывая прикладную значимость ИИ, его, несомненно, необходимо либо включить в предусмотренный статьей 1225 ГК РФ перечень охраняемых РИД, либо подвести под соответствующую квалификацию объекта интеллектуальной собственности с определенным в разд. VII ГК РФ правовым режимом.

На наш взгляд, можно выделить по крайней мере следующие структурные элементы ИИ:

— программный продукт, программа как результат машинного творчества, который следует квалифицировать *в качестве программ для ЭВМ*;

— программное обеспечение компьютера как *совокупность программ*, позволяющих осуществить на компьютере автоматизированную обработку информации и создать необходимый программный продукт;

— алгоритмы и программное обеспечение в качестве *ноу-хау*;

— технические решения как *изобретения*;

— базы данных как *сложные* (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) или *составные объекты* (п. 2 ст. 1260 ГК РФ) и др.

Набор перечисленных элементов в структуре сложного объекта может быть различным, очевидно только одно, как считают программисты, IT-специалисты: структурообразующим элементом ИИ являются программы для ЭВМ, без них не может быть ИИ¹⁹. Значение этого структурного инновационного объекта заключается в том, чтобы служить основой развития так называемых сквозных технологий — пер-

¹⁶ См.: Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 55–65.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”». С 1 сентября 2025 г. были внесены изменения в дату и номер Закона, ранее это был Закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ.

¹⁸ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. С. 74–75, 77–95.

¹⁹ Подробнее см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование). Т. 3. С. 77–80.

спективных технологий, радикально меняющих все сферы жизнедеятельности человека. Подразумеваются квантовые, производственные технологии, технологии беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности и др. Эту задачу не способен выполнить ни один объект, входящий в структуру ИИ.

Именно обозначенными обстоятельствами объясняется востребованность нового технологического продукта, а также включенность ИИ и его технологий в гражданский оборот. Поэтому проблема создания ИИ и перехода его к третьим лицам не может быть решена без надлежащего правового оформления посредством совершения определенных юридических действий, то есть установления правового режима ИИ и его технологий. При решении этого вопроса, как показывает практика, возникает немало концептуальных проблем. Например, в соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ право на сложный объект сводится к праву использования РИД, включенных в его состав, что вряд ли следует признать верным. Полагаем, что право на сложный объект не должно сводиться к праву использования отдельных элементов, поскольку ИИ как сложноструктурный объект обладает не только иной качественной определенностью, в отличие от РИД, входящих в его состав, но и целостностью с единым исключительным (имущественным) правом. Правовая неопределенность по вопросу квалификации ИИ в качестве объекта интеллектуальной собственности создает не только сложности в раскрытии содержания единого права на ИИ, но и затруднительность в легализации конструкции «доля в праве» — доли в исключительном праве на ИИ. Проблема доли в праве до сих пор не решена на законодательном уровне, хотя в создании ИИ, как правило, задействованы разные лица — правообладатели различных РИД (элементов структуры ИИ), с которыми организатор создания ИИ должен заключить соответствующий договор и приобрести, следуя логике

В. А. Дозорцева, право использования объекта в целом (право на сложный объект)²⁰.

Суть исключительного права на ИИ сводится к возможности правообладателя изменить юридическую судьбу этого права посредством совершения различных юридических действий, например путем отчуждения его третьему лицу либо путем его ограничения — предоставления другому лицу права использования и передачи исключительного права в залог²¹. Таким образом, контрагенты по договору могут предусмотреть различные способы распоряжения исключительным правом на ИИ: договор отчуждения права, лицензионный и сублицензионный договоры, договоры коммерческой концессии и доверительного управления исключительным правом на ИИ, включая и допускаемый переход исключительного права в порядке универсального правопреемства.

И все-таки на законодательном уровне до сих пор остается нерешенной проблема, касающаяся правовой квалификации ИИ и его гражданско-правового режима. В связи с этим возникает ряд вопросов. В чем специфика правового режима цифровых объектов, несомненно относящихся к РИД, но не включенных в перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности? Можно ли признать права на эти объекты исключительными? Если дать отрицательный ответ на последний вопрос, то что это за права и как они передаются третьим лицам?

Во избежание проблем с контрагентами по договору из-за правовой неопределенности квалификации его предмета неохранный результат умственного труда следует подводить под правовой режим документированной информации (документа). Такое предложение ранее было высказано Н. И. Соловяненко в отношении неохранных РИД в составе единой технологии²². Подход автора может быть применен к ИИ и технологиям ИИ до момента законодательного признания их в качестве охраняе-

²⁰ См.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. С. 153, 154.

²¹ См.: Василевская Л. Ю. Особенности правовой конструкции залога по российскому и германскому законодательству // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 107–117 ; Она же. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 90–98.

²² См.: Соловяненко Н. И. Особенности правового режима неохранных результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии // Colloquium-journal. 2020. № 16 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/osobennosti-pravovogo-rezhima-neohranyaemyh-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti-v-sostave-edinoj-tehnologii.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

мых РИД. Реализация его на практике отвечает и нормативным предписаниям законодателя.

Прежде всего обратим внимание на определение документа в ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «Об обязательном экземпляре документов»²³: «Документ — материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания (выделено нами. — Л. В.), который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать». Это означает, что документ, содержащий в определенной форме интеллектуальный продукт, может быть создан по различным гражданско-правовым договорам²⁴: договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (§ 4 гл. 37 ГК РФ), по которому подрядчик (проектировщик) обязуется по заданию заказчика разработать техническую документацию на создание ИИ (ст. 758 ГК РФ); договору на выполнение научно-исследовательских работ (гл. 38 ГК РФ), по которому исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования в области ИИ (п. 1 ст. 769 ГК РФ); договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ (гл. 38 ГК РФ), по которому исполнитель обязуется разработать образец нового изделия или новую технологию и (или) конструкторскую документацию на них (п. 1 ст. 769 ГК РФ). Эти научные результаты творческой деятельности передаются заказчиком по правилам соответствующих договоров, а не по предписаниям, предусмотренным для объектов интеллектуальной собственности. По указанным выше гражданско-правовым договорам передаются документы — материальные носители с зафиксированной на них в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, то есть материальные носители с результатом соответствующих работ по договорам.

В условиях цифровизации классические варианты создания РИД на бумажном носителе

кардинально изменяются: материальным носителем (вместо документа на бумаге), на котором IT-специалист разрабатывает ИИ, выступает компьютерное устройство, где с помощью машинного (цифрового) языка создается ИИ. Речь идет о работающем компьютере (либо системе компьютеров, связанных в «традиционную» сеть (Ethernet или Wi-Fi), либо кластере, либо искусственной нейронной сети), то есть на компьютере с выполняемой на нем специальной программой происходит сложное программирование, результатом которого выступает ИИ²⁵.

В соответствии с ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁶ «право собственности и иные вещные права на материальные носители, содержащие документированную информацию, устанавливаются гражданским законодательством», а следовательно, переход вещных прав на документы осуществляется по иным правилам, нежели распоряжение исключительными правами на РИД. Это означает, что гражданско-правовая неопределенность квалификации ИИ, отсутствие в законе норм о режиме ИИ как охраняемого РИД дают возможность при совершении сделок с ИИ обходить договорное регулирование отношений с исключительными правами на РИД, сводя юридические действия с ИИ к механизму передачи информации по вещно-правовому режиму — к передаче вещей, включая и материальные носители ИИ.

Таким образом, ИИ передается посредством передачи его материального носителя по вещно-правовым правилам. О какой защите прав на ИИ здесь можно говорить? Эта пробельность в праве ловко и агрессивно используется мошенниками в цифровой среде. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 6 указанного Закона обладатель информации вправе: использовать информацию, в том числе распространять ее по своему усмотрению; передавать информацию другим лицам по договору и пр. Нетрудно заметить, что в этом случае передается не ис-

²³ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 1.

²⁴ Подробнее см.: Подузова Е. Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 67–116.

²⁵ Подробнее см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование). Т. 3. С. 33–35.

²⁶ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

ключительное право, а сама информация как сведения независимо от формы их представления (ст. 2 Закона), поскольку именно она рассматривается как объект правовых отношений (ст. 5 Закона).

На наш взгляд, распространение установленного в Законе режима информации на ИИ несет в себе колоссальный заряд негативных последствий в виде мошенничества, невозможности обеспечения должной правовой охраны ИИ и защиты прав его правообладателей. Более того, это выгодно для крупного бизнеса, связанного с производством материальных носителей ИИ, поскольку юридическая судьба высоколиквидного и дорогостоящего продукта (ИИ) на материальном носителе фактически сведена к действиям титульного владельца самого материального носителя, действующего на практике по принципу: «это мое — что хочу, то и делаю». Это означает, что договорная практика при пробелах в праве, по сути, основана на отступлении, отходе от базовых положений цивилистики о различиях в механизме передачи вещей и прав, что находит отражение в масштабировании таких негативных процессов, как нарушение интеллектуальных прав на ИИ, мошенничество в различных его видах (несанкционированный доступ к персональным данным, захват учетных записей на электронных платформах, жульничество с возвратом платежей, фишинговые атаки, голосовые боты, поддельные веб-сайты и пр.).

Очевидно, цифровизация актуализирует проблематику правовой охраны РИД, в том числе и ИИ — нового цифрового объекта, агрессивно используемого преступниками в цифровой среде при отсутствии запретительного механизма передачи ИИ на материальном носителе без учета необходимости решения вопроса о правообладателе ИИ и его ответственности.

Эффект мультиплицирования цифровых объектов и его правовые последствия

В условиях цифровизации особенно остро встает проблема трансформации взаимосвязи идеального содержания, объективной формы и материального носителя цифровых объектов.

Имеется в виду трансформация, связанная с эффектом мультиплицирования объектов оборота, то есть многократное воспроизведение (тиражирование) цифровых объектов в выпускаемых товарах — материальных носителях, являющихся объектами вещных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 1227 ГК РФ интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором воплощены (выражены) соответствующие РИД. Однако в доктрине существует определенная путаница и смешение понятий материального носителя и формы идеального по содержанию объекта, в том числе и цифрового объекта.

Под материальным носителем РИД, по мнению В. П. Мозолина, «понимаются не какие-либо бесформенные материальные предметы, а материализованные целевым образом предметные образования (структуры), одухотворенные интеллектуальной деятельностью человека. Соответственно, материальный носитель не просто бумага для написания и опубликования литературного произведения, гипс для лепки скульптурного изображения, металл для изготовления созданного изобретателем устройства, а книга, скульптура, техническое устройство»²⁷.

М. А. Рожкова указывает на то, что «в большинстве случаев объективация предполагает именно материализацию — *воплощение нематериального объекта в материальном носителе* (закрепление на материальном носителе — если речь идет, например, о товарном знаке). Так, литературное произведение может воплотиться (материализоваться) не только в виде рукописи, но и в виде машинописного документа; программа для ЭВМ — в виде цифровой записи (выделено нами. — Л. В.) на жестком диске компьютера или флеш-накопителе; изобретение — в виде чертежей, описания и формулы изобретения... Таким образом, рукопись является материальным носителем литературного произведения... флеш-накопитель — материальным носителем программы для ЭВМ, чертеж на ватманском листе — материальным носителем изобретения и т.д.»²⁸

Обратим внимание на фразу М. А. Рожковой о материальном носителе программы для

²⁷ Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // Современная доктрина и гражданское законодательство. М. : Юстицинформ, 2008. С. 73.

²⁸ Рожкова М. А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права : монография // СПС «КонсультантПлюс».

ЭВМ (это цифровая запись). С точки зрения методологического подхода, рассмотренного нами ранее, вопрос касается не материального носителя (им является компьютерное устройство), а объективной формы цифрового продукта (программа для ЭВМ), созданного с помощью машинного языка. Среди авторов, анализирующих эту проблему, М. А. Рожкова, пожалуй, единственная, кто делает правильный вывод об объективности цифровой среды, поскольку, как отмечалось, для абсолютного большинства авторов цифровая среда, цифровая форма, цифровые объекты нематериальны в онтологическом смысле. Эта позиция ошибочна, поскольку о нематериальности цифровых объектов можно говорить только в гносеологическом аспекте их анализа.

Если говорить о предметах, предметных образованиях, «одухотворенных интеллектуальной деятельностью человека», то есть о единстве материального носителя и идеального по своей природе РИД (о чем красноречиво свидетельствует пример В. П. Мозолина со скульптурой), то материальный носитель РИД неотличим от формы выражения РИД. Понимается трансформация материального носителя в форму, например глины в скульптуру, холста в картину и пр. Единство материального (носителя) и объективного (формы РИД как идеального по природе объекта) благодаря творческой интеллектуальной деятельности приводит к одухотворению материального носителя, которое является одной из основных особенностей индивидуально определенных вещей, в отличие от вещей, определяемых родовыми признаками. Применительно к объектам патентного права В. П. Мозолин выделял такие материальные носители, как технические устройства, штаммы микроорганизмов, породы животных²⁹, являющиеся, по логике автора, в единстве с объективной формой результатом своего преобразования — одухотворения в результате творческого умственного труда человека.

Таким образом, чтобы программа для ЭВМ (п. 1 ст. 1259 ГК РФ) получила правовую охрану в качестве объекта интеллектуальной собственности, объекта авторского права, она должна быть объективирована, выражена в объективной форме, в противном случае она как идеальное по своей природе явление не может быть доступна для восприятия другими лицами.

Вместе с тем такой вывод (о совпадении материального носителя и объективной формы РИД) нельзя сделать применительно к цифровым продуктам, новым цифровым объектам имущественного оборота. В условиях цифровизации ситуация иная: для большинства цифровых объектов материальным носителем являются родовые вещи — различные технические устройства, которые находятся в постоянном массовом производстве для потребителя и в которые благодаря новым технологиям сохранения, копирования и передачи цифровых продуктов можно интегрировать, встроить новые РИД в цифровой форме. Это и позволяет говорить о заменяемости материального носителя при сохранении цифровой формы РИД и тиражировании самого РИД.

Об уникальности, «одухотворенности» материального носителя, о которой писал В. П. Мозолин, в условиях цифровизации говорить вряд ли допустимо, хотя, безусловно, можно изготовить по заказу клиента эксклюзивную вещь (материальный носитель) с уникальной идеальной интеллектуальной «начинкой», придав ей цифровую форму. Тем не менее цифровизация, активно обслуживающая общество потребления и рассчитанная на массового потребителя, ориентирована на масштабирование производства именно родовых вещей (заменяемых материальных носителей) — разнообразных по функциональному назначению технических средств и устройств, в которые встроены идеальные продукты (результаты интеллектуального творческого труда) в объективной цифровой форме.

На эту особенность (о заменяемости материального носителя) обращает внимание А. А. Иванов: «Сначала в вещи воплощалось произведение творчества, которое не имело цифрового измерения, например изменялись физические характеристики вещи (холст и краски превращались в картину, камень — в скульптуру, виниловая пластинка — в аудиозапись и т.д.). Потом на вещи накладывались машиночитаемые цифровые символы, неразрывно присоединяясь к ним (CD- и DVD-диски). Через некоторое время появились заменяемые материальные носители (флеш-карты), но без них всё равно произведение не могло существовать. Наконец, интеллектуальные права начали предлагаться в отношении произведений, находящихся в облаке, то есть *на чужих материальных носителях* (выделено нами. —

³⁰ См.: Мозолин В. П. Указ. соч. С. 73.

Л. В.), которые доступны одновременно многим лицам»³⁰.

Мультиплицирование цифровых объектов и закрепление объектов в цифровой форме на чужих материальных носителях не только означали разрыв связи «цифры» (цифрового объекта) и «железа» (материального носителя), но и повлекли за собой трансформацию правоотношений: юридическая формализация вещных прав в виде особых правил и их соблюдение в гражданском обороте не отвечали духу времени общества массового потребления в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) и финансовым интересам крупных корпораций в условиях капитализации рынка. Поэтому одно из последствий цифровой трансформации — это лоббирование интересов крупного бизнеса, облаченное в позицию авторов об упрощении правовой регламентации прав, то есть характерном для англо-американского права смещении режимов вещных и обязательственных прав, что выразилось в предложении об установлении права собственности на цифровое имущество³¹. На наш взгляд, предложения авторов об уравнивании прав приобретателей аналоговых и цифровых продуктов и предоставлении последним дополнительных воз-

можностей, в частности переноса объектов на другой носитель³², следует считать преждевременными без проработки юридических механизмов правовой охраны цифровых объектов и защиты прав на них.

Заключение

Обозначение теоретико-методологических проблем квалификации новых цифровых объектов гражданского оборота, анализ их видовых особенностей на основе проведенной классификации объектов и рассмотренной специфики правового режима позволили выявить не только определенные тенденции развития имущественного оборота, связанного с эффектом мультиплицирования цифровых объектов в условиях трансформации, но и порожденные процессами цифровизации негативные правовые последствия. Поднятые вопросы о мультипликации цифровых объектов и заменяемости материальных носителей актуализируют проблему разработки и законодательного закрепления тех правовых конструкций, с помощью которых можно было бы устранить пробельность и сложности в регулировании отношений с цифровыми объектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вавилин Е. В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режимы // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 62–64.

Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146.

Вавилин Е. В. Принцип сочетания частных и общественных интересов в законодательстве о цифровой валюте // Юрист. 2022. № 9. С. 54–57.

Вавилин Е. В. Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 174–178.

Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.

Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206.

³⁰ Иванов А. А. Цифровизация и вещные права. Фрагмент из цикла лекций «Гражданское право и цифровизация» // Закон. 2023. № 7. С. 43–52.

³¹ См.: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29; Он же. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского права. 2025. № 1. С. 37–52.

³² Подробнее о предложениях в доктрине см.: Иванов А. А. Указ. соч. С. 43–52.

- Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 9–19.
- Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. 2019. № 5. С. 3–14.
- Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 288 с.
- Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 288 с.
- Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 5. С. 55–65.
- Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. 416 с.
- Иванов А. А. Цифровизация и вещные права. Фрагмент из цикла лекций «Гражданское право и цифровизация» // *Закон*. 2023. № 7. С. 43–52.
- Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. 416 с.
- Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // *Современная доктрина и гражданское законодательство*. М. : Юстицинформ, 2008. 176 с.
- Подузова Е. Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 336 с.
- Рожкова М. А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права : монография. М. : Статут, 2018. 271 с.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. 2021. № 6. С. 7–29.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // *Вестник гражданского права*. 2025. № 1. С. 37–52.
- Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 5. С. 73–90.

REFERENCES

- Dozortsev VA. Intellectual Property Rights: Concept, System, and Codification Challenges. Collection of articles. Private Law Research Centre. Moscow: Statut Publ.; 2005. (In Russ.).
- Gabov AV. A digital ruble of the central bank as a civil rights object. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;5:55-65. (In Russ.).
- Ivanov AA. Digitalization and property. Fragment of a lecture course «Civil Law and Digitalisation». *Zakon*. 2023;7:43-52. (In Russ.).
- Mozolin VP. The Concept of Intellectual Rights. In: Mozolin VP. The Modern Doctrine and Civil Legislation. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2008. (In Russ.).
- Poduzova EB. «Artificial Intelligence» and Artificial Intelligence Technologies in Contract Law: A Civil Law Concept. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Rozhkova MA. The Civil Law Concept of Intellectual Property in the Russian Legal System. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
- Sukhanov EA. On civil law issues of digitalisation. *Civil Law Review*. 2025;1:37-52. (In Russ.).
- Sukhanov EA. On the civil legal nature of «digital property». *Civil Law Review*. 2021;6:7-29. (In Russ.).
- Turbanov AV. A digital ruble as a new form of money. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;5:73-90. (In Russ.).
- Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of Civil Turnover: Problems and Development Trends (Civil Law Study). In 5 vols. Vol. I. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of Civil Turnover: Problems and Development Trends (Civil Law Study). In 5 vols. Vol. III. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Vasilevskaya LYu. A digital ruble: a civilist's view of the problem. *Lex Russica*. 2023;1:9-19. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification. *Business and Law*. 2019;5:3-14. (In Russ.).

Vavilin EV, Vasilevskaya LYu (eds.). Modernization of Civil Legislation: Legal Experience and Development Trends. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Vavilin EV. Artificial intelligence as a participant in civil relations: the transformation of law. *Tomsk State University Journal of Law*. 2021;42:135-146. (In Russ.).

Vavilin EV. Digital ruble: formation of the mechanism of legal regulation. *Tomsk State University Journal of Law*. 2023;489:201-206. (In Russ.).

Vavilin EV. NFT tokens: civil and procedural regime. *Herald of Civil Procedure*. 2023;1:62-64. (In Russ.).

Vavilin EV. Problemy zashchity grazhdanskikh prav. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2009;1:174-178. (In Russ.).

Vavilin EV. The principle of combination of private and public interests in laws on the digital currency. *Yurist*. 2022;9:54-57. (In Russ.).

Vavilin EV. The status of artificial intelligence: from object to the subject of legal relations. *Tomsk State University Journal of Law*. 2022;45:147-158. (In Russ.).

Vavilin EV. Transformation of Civil-Law and Procedural Relations through the Use of Artificial Intelligence: Formation of New Legal Regimes. *Problemy grazhdanskogo protsessa*. 2021;6:13-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василевская Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

liudmila.vasilevskaya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila Yu. Vasilevskaya, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

liudmila.vasilevskaya@gmail.com

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 августа 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 17.11.2024.

Revised 13.08.2025.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.024-032

О. С. Гринь

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Эволюция судебной практики применения норм о залоге и удержании вещи

Резюме. В статье сделан акцент на влиянии правовых позиций судов на формирование доктринального осмысления и правоприменительной практики в отношении ряда пореформенных норм о залоге и удержании. Рассмотрено расширение объема залогового права на доходы от использования имущества, страховое возмещение и иные трансформации предмета залога. Отмечено ограничительное толкование Верховным Судом РФ: объем права определяется на дату возникновения залога, а не автоматически. Проанализированы унифицированные в 2025 г. подходы к пониманию спорной конструкции залога в силу ареста с учетом последовательного отрицания высшей судебной инстанцией предоставления соответствующим кредиторам приоритета в банкротстве (в том числе по налоговым арестам). Применительно к последствиям передачи вещи в залог неуправомоченным лицом обращается внимание на уменьшение негативных последствий для собственника, который не несет в такой ситуации дополнительных договорных обязательств. Отмечена дискуссионность позиции Верховного Суда РФ: истечение срока давности по требованию о взыскании позволяет залогодателю требовать погашения записи о залоге, — равно относящейся к ситуации пропуска срока на предъявление исполнительного листа для принудительного исполнения. Детализированы последствия возмездного приобретения заложенного имущества лицом, не знавшим об обременении, в частности на примере прерывания цепочки отчуждений на добросовестном приобретателе. Применительно к удержанию вещи систематизированы условия его правомерности: законное владение, связь требования с вещью, недопустимость неправомерного завладения. Подчеркнуто, что удержание не может быть бессрочным: при потере интереса должника к вещи ретентор обязан обратить взыскание в разумный срок.

Ключевые слова: обеспечительная сделка; обеспечительное правоотношение; вещное обеспечение; залог; ипотека; удержание вещи; судебная практика

Для цитирования: Гринь О. С. Эволюция судебной практики применения норм о залоге и удержании вещи. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 24–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.024-032

The Evolution of Judicial Practice in the Application of Pledge and Lien Provisions

Oleg S. Grin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The study emphasizes the influence of judicial determinations on the evolution of doctrinal interpretation and the development of enforcement practice concerning a number of post-reform provisions governing pledge and lien. Particular attention is given to the judicial recognition of an expanded scope of pledge rights, encompassing revenues generated from the use of the encumbered property, insurance compensation, and other instances of «transformation» of the pledged asset (a collateral). The analysis underscores the restraining construction adopted by the Supreme Court of the Russian Federation, whereby the scope of the pledgee's right is fixed at the moment of its creation and does not automatically extend to subsequently acquired assets or proceeds. Furthermore, the paper examines the approaches, unified in 2025, to construing the contested legal concept of a pledge arising by virtue of attachment. This examination is undertaken with due regard to

© Гринь О. С., 2025

the Supreme Court's consistent refusal to accord the respective creditors priority in insolvency proceedings, including in cases involving tax-related attachments. With regard to the consequences of a pledge established by an unauthorized party, the author draws attention to the mitigation of adverse effects for the owner, who, in such circumstances, does not assume any additional contractual obligations. The standing of the Supreme Court of the Russian Federation on this matter is noted to be subject to scholarly debate: the expiration of the limitation period for a claim to recover a debt entitles the pledgor to demand the removal of the pledge record, and this approach is likewise extended to situations involving the lapse of the time limit for presenting an order of execution for compulsory enforcement. The analysis further specifies the legal implications of an onerous acquisition of pledged property by a purchaser who was unaware of the encumbrance, with particular reference to the interruption of the chain of transfers at the good-faith acquirer. In relation to the right of retention, the author systematizes the conditions for its lawful application as follows: legitimate possession of the item; a direct connection between the creditor's claim and the retained item; and the inadmissibility of unlawful possession. It is emphasized that retention cannot be indefinite: once the debtor loses interest in the item, the lienor is obliged to initiate enforcement within a reasonable period.

Keywords: secured transaction, secured legal relationship, property security, pledge, mortgage, retention of property, judicial practice

Cite as: Grin OS. The Evolution of Judicial Practice in the Application of Pledge and Lien Provisions. *Lex russica*. 2025;78(9):24-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.024-032

Введение

Как известно, залог — классический и распространенный на практике способ обеспечения исполнения обязательств, который направлен на предоставление кредитору дополнительных гарантий на случай нарушения его имущественных интересов при реализации известного принципа «верю не лицу, а вещи», демонстрирующего различия сущности вещного обеспечения и личных обеспечительных сделок. Обновленные нормы о залоге в рамках реформы гражданского законодательства вступили в силу 1 июля 2014 г., наиболее актуальный акт судебного толкования, обобщающий многие правовые позиции судов по рассмотрению споров в сфере залога, — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей»¹. Конструкция удержания также получила свое развитие в рамках реформы, в частности сделан акцент на возможности ее использования исключительно в отношении вещей.

Эволюция институтов залога и удержания отражает динамику взаимодействия законодательных норм, судебной практики и экономических реалий, формируя сложный баланс между интересами кредитора, должника и лица, предоставившего обеспечение. Современная правоприменительная практика демонстрирует сближение функциональных возможностей залога и удержания. Например,

удержание имущества в порядке ст. 359 ГК РФ нередко трансформируется в залоговое требование, обеспечивая ретентору преимущества при распределении конкурсной массы. Такая конвергенция обусловлена экономической целесообразностью: в условиях нестабильности и роста рисков неплатежеспособности контрагентов залог остается приоритетным обеспечением благодаря реальной осязаемости предмета и независимости от финансовой состоятельности должника. Параллельно расширяется сфера удержания, которое в коммерческих отношениях (п. 2 ст. 359 ГК РФ) обеспечивает даже требования, не связанные непосредственно с удерживаемой вещью.

Как известно, сущность залога, закрепленная в абз. 1 п. 1 ст. 334 ГК РФ, заключается в предоставлении залогодержателю приоритета на удовлетворение своих требований за счет стоимости заложенного имущества перед иными кредиторами залогодателя.

В рамках реформы гражданского законодательства данная конструкция была дополнена специальным механизмом (*lex commissoria*), предусмотренным абзацем 2 п. 1 ст. 334 ГК РФ. В установленных законом случаях это позволяет залогодержателю прекратить обязательство путем перехода предмета залога в его собственность (либо оставления имущества у него). Указанный порядок применяется исключительно к залогодателям-предпринимателям (п. 2 ст. 350.1 ГК РФ) и при приобретении иму-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

щества через публичные торги. Как верно отметил Б. М. Гонгало, «введение в Гражданский кодекс данного правила можно считать очередной сменой вех»².

В рамках реформы норм о залоге в ГК РФ были включены многие нормы, реализация которых в большей степени определяется особенностями их судебного толкования.

Развитие практики применения отдельных норм о залоге

Согласно п. 2 ст. 334 ГК РФ, объем права залогодержателя распространяется не только на стоимость предмета залога, но и на дополнительные имущественные источники, за счет которых кредитору гарантируется преимущественное удовлетворение требований. Речь идет о целом ряде иных трансформаций предмета залога (в том числе страхового возмещения, возмещения при изъятии имущества для государственных нужд, доходов от использования имущества).

Такой подход к определению объема права залога получил ограничительное толкование в практике Верховного Суда РФ. Ключевой тезис Верховного Суда РФ (Обзор практики № 1 за 2018 г.³, п. 20) сводится к тому, что объем обеспечительного права фиксируется моментом установления залога (ст. 341 ГК РФ). Для ипотечного договора, заключенного 1 июня 2012 г., это означает невозможность применения нормы абз. 2 п. 1 ст. 340 ГК РФ (действовавшей редакции) об обращении взыскания на доходы от заложенного имущества, отсутствие прямого указания на возможность распространения приоритета на иные трансформации предмета залога в условиях договора.

Вместе с тем указанная конструкция залога является крайне полезной при недобросовестной трансформации предмета залога. Так, по

одному из дел рассматривалась ситуация, при которой два ипотечных должника (супруги) переустроили одну квартиру (предмет ипотеки) в две, образовав между ними коридор. Решением суда общей юрисдикции новым квартирам присвоены номера (40а и 40б). Государственной регистрации осуществлено не было. Когда супруги ожидаемо инициировали процесс банкротства, суды отказали во включении банка как залогового кредитора, поскольку заложенная квартира перестала существовать. Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ⁴ судебные акты по данному делу были отменены, Коллегия приняла решение самостоятельно: признала требования банка обеспеченными залогом двух квартир.

Еще одна существенная новелла — введение конструкции *залога в силу ареста*. На основании п. 5 ст. 334 ГК РФ, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (ст. 174.1), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования такого кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены. Приоритетность удовлетворения данных требований устанавливается статьей 342.1 ГК РФ по моменту возникновения обременения.

Сама конструкция залога в силу ареста вызывает полярные оценки в юридической науке. По словам В. В. Витрянского, речь идет о «наглядном образце необоснованного вмешательства материального (гражданского) права в чисто процессуальные отношения»⁵. В некоторых научных исследованиях, напротив, приводятся аргументы в поддержку законодательного закрепления этой конструкции⁶.

Именно благодаря высшей судебной инстанции в практике сформирован и системно

² Гонгало Б. М. Развитие кодификации о залоге: трансформация понятий // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. С. 158.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 марта 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.02.2019 № 305-ЭС16-20992(8) (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018.

⁶ См.: Сайфуллин Р. И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 34–78.

поддерживается обоснованный подход, в соответствии с которым *зalog в силу ареста не предоставляет кредитору приоритета при удовлетворении его требований в процедурах банкротства*.

В определении Верховного Суда РФ по делу № А11-9381/2015 указано, что в п. 5 ст. 334 ГК РФ законодатель лишь приравнял права взыскателя к правам залогодержателя, не указав на то, что в связи с введением запрета на распоряжение имуществом возникает полноценный залог. Более того, как следует из буквального смысла указанной нормы, правила о возникновении прав залогодержателя действуют, если иное не вытекает из существа отношений залога. Судебная коллегия считает, что иное (отсутствие прав залогодержателя) вытекает из существа отношений залога в ситуации несостоятельности (банкротства) должника⁷.

В практике Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ сформирована последовательная доктринальная правовая позиция, отрицающая предоставление кредиторам преимущественных прав в банкротстве при залоге, возникшем из ареста имущества. Данная позиция основывается на ограничительном толковании п. 5 ст. 334 ГК РФ и выражается в следующем:

1) в норме устанавливается лишь частичная отсылка к залогу — законодатель ограничился приравниванием статуса взыскателя к залогодержателю без создания полноценного залогового обременения;

2) буквальное толкование исключает автоматическое применение норм о залоге к данным отношениям — правила о возникновении прав залогодержателя применяются subsidiarily, если это не противоречит природе обеспечительных отношений;

3) специфика банкротства как *lex specialis* — Судебная коллегия обоснованно признала, что конкурсные процедуры, по существу, исключают действие данного института.

В то же время в 2019 г. в Налоговом кодексе нашли отражение нормы о возникновении залога в силу закона на имущество, в отношении

которого налоговым органом был применен арест как способ обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов (п. 2.1 ст. 73 НК РФ)⁸.

Это во многом вновь обусловило формирование различных подходов в судебной практике к квалификации правового значения налоговых арестов применительно к делам о банкротстве.

В июле 2025 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ сформировала базовые позиции по этому вопросу: исключений для налогового ареста по сравнению с арестом на основании судебного решения быть не должно. В качестве обоснования такого решения высшая судебная инстанция указывает на то, что предусмотренный статьей 73 НК РФ залог является разновидностью залога по смыслу гражданского законодательства, в связи с чем и залог, возникший из ареста на основании п. 2.1 указанной статьи, является частным случаем залога, возникшего из ареста в силу п. 5 ст. 334 ГК РФ. По этой причине к залогу из налогового ареста применимы все те же выводы, которые ранее были сформированы в судебной практике применительно к иным видам арестных залогов. Судебная практика по вопросу о получении кредитором в процедуре банкротства залогового приоритета, вытекающего из судебного ареста, сформирована с учетом указанного правового подхода, согласно которому такой приоритет отсутствует⁹.

Значимую законодательную новеллу представляет собой конструкция *добросовестного залогодержателя* (абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ). Ее суть заключается в следующем: если имущество передано в залог лицом, не обладающим надлежащими полномочиями (не собственником или не уполномоченным субъектом), а залогодержатель действовал добросовестно (не знал и не должен был знать о дефекте полномочий залогодателя), собственник такого имущества приобретает статус залогодателя со всеми сопутствующими правами и обязанностями. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 (п. 43) существенно модифицирует данное правило, ограничивая объем

⁷ См.: определение Верховного Суда РФ от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015. Аналогичная позиция изложена в определении Верховного Суда РФ от 31.07.2019 № 305-ЭС19-11383 по делу № А41-4613/2018.

⁸ Федеральный закон от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5375.

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.07.2025 № 306-ЭС24-23083(2) по делу № А72-19547/2022.

ответственности собственника. В частности, на него не распространяются:

— условие о внесудебном порядке обращения взыскания;

— обязанность по предоставлению дополнительного обеспечения при недостаточности суммы, вырученной от реализации предмета залога;

— требование о замене предмета залога или его страховании.

Впервые этот институт нашел свое отражение в практике ВАС РФ: категория добросовестного залогодержателя использовалась в ряде постановлений Президиума ВАС РФ¹⁰.

Упомянутый институт является важной гарантией интересов кредиторов. Как известно, действующая система государственной регистрации прав на недвижимость не создает для участников оборота полных гарантий наличия титула в отношении имущества у лица, которое указано в ЕГРН.

По одному из дел банк как ипотечный кредитор столкнулся с ситуацией, когда физическое лицо, которому был выдан кредит под залог квартиры, в дальнейшем через суд общей юрисдикции признало сделку — основание приобретения права на квартиру недействительной с одновременным исключением записи о переходе права собственности из ЕГРН. Судебная коллегия по экономическим спорам при таких условиях обоснованно признала банк добросовестным залогодержателем¹¹.

Одно из дискуссионных решений, имеющих очень широкий потенциал для распространения на иные договорные отношения, было принято высшей судебной инстанцией именно в отношении *формы договора залога*. Верховный Суд указал, что подложность подписи на договоре залога не является безусловным основанием недействительности. Суд обоснованно применил принцип эстоппеля: сторона, конклюдентными действиями подтвердившая

действительность соглашения (например, принятием обеспечения), утрачивает право оспаривать его из-за формальных дефектов, включая отсутствие регистрации перехода права, нарушение формы или порядка совершения¹².

Ряд существенных судебных правовых позиций связан с *обращением взыскания на заложенное имущество*. Так, одна из серьезных проблем толкования ст. 78 Закона об ипотеке¹³ — неоднозначность условий прекращения права пользования жильем при обращении взыскания. Согласно этой норме основанием для прекращения права пользования является обращение взыскания на заложенные жилой дом/квартиру и их реализация, а ключевым условием — то, что имущество должно быть заложено в обеспечение целевых кредитов/займов (приобретение, строительство, капремонт жилья или погашение ранее предоставленных целевых кредитов), предоставленных юридическими лицами, в том числе банками или иной кредитной организацией.

Позиция Верховного Суда РФ устранила правовую неопределенность: данная норма не устанавливает ограничений для обращения взыскания по требованию физических лиц, выступающих залогодержателями. Дифференциация прав кредиторов в зависимости от их статуса (физическое или юридическое лицо) нарушила бы конституционный принцип равенства (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ) и равной защиты всех форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Поэтому нормы обращения взыскания на жилые помещения не должны дифференцироваться в зависимости от субъектного состава кредиторов¹⁴.

При этом Верховный Суд последовательно отстаивает точку зрения о необходимости нотариального удостоверения договоров об ипотеке, содержащих условия о внесудебном порядке обращения взыскания на предмет залога, иное влечет ничтожность таких условий¹⁵.

¹⁰ См.: постановления Президиума ВАС РФ от 26.07.2011 № 2763/11, от 07.06.2013 № 16513/11.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2017 № 310-ЭС16-14179 по делу № А64-5745/2015.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.09.2020 № 49-КГ20-11-К6, 2-5320/2018.

¹³ Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.09.2018 № 5-КГ18-149.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.07.2023 № 305-ЭС23-3388 по делу № А40-275554/2021.

Прекращение залога. Удержание вещи

Одно из ярких проявлений влияния судебной доктрины на законодательное регулирование норм о залоге — решение вопроса о прекращении залога в ситуации, когда заложенное имущество *возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога*. Такого приобретателя можно также именовать добросовестным приобретателем заложенной вещи, с той лишь оговоркой, что необходимо различать правовой статус данного лица и добросовестного приобретателя по ст. 302 ГК РФ.

Современное регулирование прекращения залога при добросовестном возмездном приобретении закреплено в пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, устанавливающим, что залоговое обременение прекращается, если имущество приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать о его залоговом статусе.

Исторически эта проблема впервые получила разрешение в постановлении Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 (п. 25), где суд применил аналогию права. Исходя из принципов добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), ВАС РФ запретил обращение взыскания на имущество, приобретенное у залогодателя добросовестным возмездным приобретателем.

Верховный Суд РФ впоследствии уточнил временные пределы действия нормы: она применяется исключительно к сделкам отчуждения, совершенным после 1 июля 2014 г., независимо от даты заключения договора залога¹⁶.

Ключевой критерий добросовестности приобретателя — факт внесения сведений о залоге в нотариальный реестр уведомлений о залоге движимого имущества на момент совершения сделки.

Ряд правовых позиций высшей судебной инстанции по данной категории споров заслуживают особого внимания.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.09.2019 № 18-КГ19-65 указано, что обстоятельства добросовестного приобретения необ-

ходимо исследовать независимо от заявления лиц, участвующих в деле.

В рамках определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.10.2019 № 83-КГ19-11 сформирован подход об особых требованиях к уведомлению о наличии обременений при заключении договоров о перемене лиц в обязательстве при долевом участии в строительстве. Если в договоре содержится соответствующее заверение о том, что спорная квартира свободна от прав третьих лиц и данный договор проходит регистрацию, то залог подлежит прекращению.

На интересный вопрос о том, каковы последствия приобретения имущества лицом, которое могло знать о его залоге, у того лица, которое об этом знать не могло (приобретение «недобросовестным» у «добросовестного»), высшая судебная инстанция ответила в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.05.2021 № 53-КГ21-1-К8, 2-2569/2020. Обстоятельства дела свелись к следующему. Автомобиль, находящийся в залоге, был отчужден первому приобретателю при отсутствии записи в реестре уведомлений о залоге движимого имущества. После регистрации обременения по инициативе банка новый собственник перепродал транспортное средство третьему лицу, которое действовало при наличии публичной записи о залоге.

Судебная коллегия по гражданским делам отметила, что при возмездном переходе права собственности к добросовестному приобретателю залог прекращается *ipso jure*. Имущество утрачивает статус предмета залога, включая случаи последующей регистрации в реестре уведомлений о залоге движимого имущества. Последующие владельцы не наследуют обязанности залогодателя, независимо от осведомленности о первоначальном обременении. Суд сформировал позицию, сходную с решением по прерыванию цепочки отчуждений на добросовестном приобретателе вещи, отраженном в совместном постановлении пленумов Верховного Суда РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22¹⁷.

Большое значение для целей определения срока действия залога имеет законодательное решение о распространении на отношения в

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г. (вопр. 4) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (п. 3).

сфере залога, предоставленного третьим лицом, правил о поручительстве.

Так, по одному из дел судами было установлено, что срок действия залога сторонами по договору об ипотеке не согласован, следовательно, кредитор обязан был обратиться с иском к залогодателю в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного обязательства исходя из его первоначальных условий, а по истечении данного срока залог прекращается¹⁸.

Конечно, в судебной практике сформированы и весьма дискуссионные подходы к решению практических задач в сфере прекращения залога. В частности, в постановлении Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23 (п. 19) содержится указание на то, что в случае истечения срока исковой давности по требованию об обращении взыскания на предмет залога залогодатель вправе потребовать от залогодержателя совершения действий, направленных на исключение сведений из ЕГРН или реестра уведомлений, а также возврата предмета залога, если он находится у залогодержателя. Если залогодержатель не удовлетворит это требование в добровольном порядке, залогодатель вправе предъявить иск к залогодержателю о погашении записи о зарегистрированном залоге, возврате вещи. Приведенные разъяснения применимы и в случае пропуска залогодержателем срока для предъявления исполнительного листа об обращении взыскания на заложенное имущество к исполнению.

По отдельным делам высшая судебная инстанция уже обращает внимание на недопустимость формирования иных выводов по этому вопросу — и отменяет судебные акты¹⁹.

Вместе с тем классический цивилистический подход свидетельствует об обратном, особенно в отношении исковой давности. Ее пропуск не говорит о прекращении обязательства. Оно теряет свойство судебной защиты, может быть охарактеризовано как натуральное обязательство. В части последствий пропуска срока для предъявления исполнительного листа об обращении взыскания на заложенное имущество к

исполнению требуется специальное нормативное решение.

В отношении конструкции *удержания вещи должника* судебное толкование также дает ответы на неурегулированные в законе вопросы.

Президиум ВАС РФ указал, что арендодатель вправе удерживать принадлежащее арендатору оборудование, оставшееся в арендовавшемся помещении после прекращения договора аренды, в обеспечение обязательства арендатора по внесению арендной платы за данное помещение.

При этом суд подчеркнул, что право на удержание вещи должника возникает у кредитора лишь в том случае, когда спорная вещь оказалась в его владении на законном основании. Возможность удержания не может быть следствием захвата вещи должника помимо его воли²⁰.

Ограничения в предмете удержания прямо следуют из пореформенного наименования этой конструкции — «удержание вещи». Такое переименование (§ 4 гл. 23 ГК РФ) было вызвано практической необходимостью: ранее суды ошибочно применяли ст. 359 ГК РФ к различным объектам, включая акции (постановление Президиума ВАС РФ № 7226/06 по делу № А76-26298/05). В этом деле констатируется: удержанию подлежит лишь материальная вещь, принадлежащая должнику, тогда как непременные акции продавца не образуют предмета удержания.

Право удержания вещи может существовать лишь при наличии обязательства между ретентором и должником. По одному из дел суд указал, что по смыслу ст. 359 ГК РФ изложенные в ней правила применяются при наличии между должником и кредитором вытекающих из сделки обязательственных правоотношений. По данному делу между спорящими субъектами таких отношений не было²¹.

Сущностные особенности конструкции удержания вещи отмечены в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.06.2019 по делу № А82-25746/2017, где сказано, что с экономи-

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2023 № 305-ЭС22-25581 по делу № А40-105318/2021.

¹⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.12.2024 № 5-КГ24-113-К2.

²⁰ См.: п. 14 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

²¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 20.04.2010 № 17811/09 по делу № А51-13785/20082-340/27.

ческой точки зрения смысл удержания как способ обеспечения исполнения обязательства заключается в том, что отстранение собственника от владения вещью должно побудить его к наиболее оперативному погашению долга перед кредитором в целях возврата имущества. Это обусловлено тем, что в период, пока вещь удерживается, отсутствует возможность пользования ею, извлечения из нее доходов и выгоды. Если становится очевидно, что цель склонить должника к скорейшим расчетам не может быть достигнута (например, должник не проявляет интереса к возврату имущества), действующему добросовестно ретентору в разумный срок следует обратиться взыскание на имущество в порядке, предусмотренном для удовлетворения требований, обеспеченных залогом (ст. 360 ГК РФ). Таким образом, при нормальном обороте удержание не может длиться бессрочно, оно должно быть ограничено разумно достаточным периодом для реализации кредитором своих прав²².

Этой позицией суд сформировал общий подход к модели определения срока удержания вещи.

Выводы

Эволюция практики применения норм о залоге и удержании вещи в российском гражданском праве демонстрирует динамичное взаимодействие законодательных новаций, судебного толкования и экономических реалий. Реформа гражданского законодательства, в рамках которой были реализованы многие серьезные новеллы, в частности конструкции залога в силу ареста и статус добросовестного залогодержателя, стала

катализатором для формирования сбалансированных подходов к обеспечению обязательств. Однако, как показал анализ, эффективность этих институтов во многом зависит от их интерпретации судебной практикой, особенно Верховным Судом РФ.

Важное направление правоприменительной практики — тенденция к обеспечению приоритета защиты добросовестных участников оборота: защиты добросовестного залогодержателя; прекращения залога при возмездном приобретении вещи лицом, не знавшим об обременении (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ); неприменения последствий залога к последующим приобретателям, если цепочка отчуждений прервана добросовестным приобретателем.

Безусловно, в практике остаются дискуссионные вопросы, например о судьбе залога в силу ареста, который не предоставляет кредитору преимущества в банкротстве, что подтверждено единообразной практикой Верховного Суда РФ, квалификации истечения срока исковой давности и срока для предъявления исполнительного листа к исполнению залоговых требований, требующей законодательного уточнения.

Перспективы развития рассмотренных институтов связаны с необходимостью дальнейшей систематизации судебной практики по залого и удержанию: пока такая систематизация охватила преимущественно обеспечительные права в отношении вещей, но при этом залоговые отношения по поводу иных объектов остаются без должного внимания.

Дальнейшее совершенствование норм о залоге и удержании должно опираться на опыт правоприменения и создавать условия для обеспечения защиты прав всех участников обеспечительных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер Х. Обеспечение обязательств. М. : Волтерс Клувер, 2009. 451 с.
- Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018. 528 с.
- Гонгало Б. М. Развитие кодификации о залоге: трансформация понятий // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. С. 158.
- Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М. : Статут, 2004. 222 с.
- Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Категории науки гражданского права : в 2 т. Т. 1. М. : Статут, 2005. 492 с.

²² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.06.2019 № 301-ЭС19-2351 по делу № А82-25746/2017.

Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / под ред. Е. Е. Богдановой. М. : Проспект, 2018. 416 с.

Сайфуллин Р. И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 34–78.

REFERENCES

Bogdanova EE (ed.). The Reform of the Law of Obligations in Russia: Problems and Prospects. Moscow: Prospekt Publ.; 2018. (In Russ.).

Gongalo BM. The Development of Codification on Pledge: Transformation of Concepts. In: Medvedev DA (ed.). *Codification of Russian Private Law 2019*. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Gongalo BM. The Doctrine of Securing Obligations: Issues of Theory and Practice. Moscow: Statut Publ.; 2004. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Civil Organizational and Legal Relations. In: Categories of Civil Law Science. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2005. (In Russ.).

Saifullin RI. Non-consensual lien: Optimal regulation model. *Herald of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;10:34-78. (In Russ.).

Veber Kh. Securing Obligations. Moscow: Walters Kluwer Publ.; 2009. (In Russ.).

Vitryanskiy VV. The Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация
osgrin@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law; Director of the Center for Legislative and Law Enforcement Monitoring, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
osgrin@msal.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 августа 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 17.11.2024.

Revised 13.08.2025.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.033-043

Н. В. Демидов

Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
г. Томск, Российская Федерация

Истоки современного трудового законодательства России в послепетровскую эпоху (1725–1785)

Резюме. Средствами историко-правового, сравнительно-исторического, формально-юридического анализа исследовано формирование основ современного трудового права России в послепетровский период 1725–1785 гг. При известной временной отдаленности послепетровская эпоха важна выработкой ранних институтов, конструкций, подходов в сфере наемного подчиненного труда. В качестве методологической новации законодательства о труде XVIII в. названа позитивизация предписаний. Другой тенденцией стало укоренение публично-правовых начал в сфере труда. Допетровская государственность не вмешивалась в отношения нанимателя и нанятого, поддерживала цивилистическую конструкцию найма по соглашению сторон. В политике послепетровского периода утверждались черты актуального трудового права России, сущностью которого является соединение принципов частного и публичного права. Законодатель XVIII в. закреплял конкретные институты, которые стали элементами законодательства XXI в. Таковы гарантии в области оплаты труда, ограничение рабочего времени, нормы о безопасности работников, запрет на нелимитируемое применение наказаний, правила о денежных взысканиях (удержаниях), регламентация дисциплины труда, локальное нормотворчество. Сделан вывод о наличии родственных для двух эпох недочетов регламентации отношений по труду: таковы неудовлетворительная эффективность реализации закрепленных норм, невысокий уровень массового отраслевого правосознания, слабость механизмов надзора и контроля за соблюдением норм о труде.

Ключевые слова: история трудового права; эволюция трудового права; законодательство XVIII в.; сравнительный историко-правовой анализ; послепетровская эпоха; основы трудового права России; трудовые отношения; источники трудового права; реализация норм трудового права; генезис законодательства о труде

Для цитирования: Демидов Н. В. Истоки современного трудового законодательства России в послепетровскую эпоху (1725–1785). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 33–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.033-043

The Origins of Modern Russian Labor Legislation in the Post-Petrine Era (1725–1785)

Nikolai V. Demidov

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
Tomsk, Russian Federation

Abstract. This study employs historical-legal, comparative-historical, and formal-legal analysis to investigate the formation of the foundations of modern Russian labor law during the post-Petrine period (1725–1785). Although separated in time from the present, this era was pivotal in establishing early institutions, legal constructs, and regulatory approaches governing hired subordinate labor. 18th-century labor legislation introduced notable methodological innovations, foremost among them the *positivization* of legal norms, whereby prescriptive rules acquired binding statutory form. A parallel development was the entrenchment of public-law principles in the regulation of labor relations. Pre-Petrine statehood largely refrained from intervening in the contractual relationship between an employer and an employee, maintaining a civil-law model of consensual hiring. In contrast, the post-Petrine legal landscape began to embody the defining characteristic of contemporary Russian labor law — a synthesis of private- and public-law principles. Key legal institutions codified in this period

© Демидов Н. В., 2025

foreshadowed present-day labor protections, including guarantees for wages, limits on working hours, safety standards, prohibitions on arbitrary punishment, rules on wage deductions, formalized workplace discipline, and the recognition of localized norm-setting authority. The analysis reveals structural continuities between the 18th century and the present, particularly in enduring regulatory weaknesses: ineffective enforcement of enacted norms, inadequate labor-law awareness among the workforce, and deficient mechanisms of oversight and compliance control.

Keywords: History of labor law; evolution of labor law; 18th-century legislation; comparative historical and legal analysis; post-Petrine era; foundations of Russian labor law; labor relations; sources of labor law; implementation of labor law provisions; genesis of labor legislation

Cite as: Demidov NV. The Origins of Modern Russian Labor Legislation in the Post-Petrine Era (1725–1785). *Lex russica*. 2025;78(9):33-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.033-043

Введение

Трудовое право России как системно организованная отрасль, обеспеченная суммой соответствующих признаков (предмет регулирования, особенности метода, доктрина, гарантийные механизмы, кодекс), относится ко второй четверти XX в., раннесоветскому периоду отечественной истории. Однако было бы неверным утверждать, что обретение нормами о труде состояния отрасли права произошло одновременно. Как любой исторически закономерный процесс, формирование системы взаимосвязанных правил о добровольном подчиненном труде имело длительный срок исторической подготовки. Диалектическая логика перехода от количества к качеству требовала для юридических норм о труде масштабных предшествующих наработок. В 1920–1930-е гг. произошел лишь резкий качественный скачок, объективация длительно копившегося опыта науки, законодательства и практики. Важное значение в становлении трудового законодательства и права имела эпоха интенсивного фабрично-заводского законотворчества последней четверти XIX — начала XX в.

Она предложила обществу целый ряд прогрессивных нормативных актов по основным направлениям социально-трудовых отношений. Были детально урегулированы наем, увольнение, трудовой договор, рабочее время, охрана труда, государственная надзорная деятель-

ность, объединение в профсоюзы, страхование, ответственность и т.д. По этой причине значительное число как историков, так и правоведов относит зарождение законодательства России о труде именно к указанному периоду¹. Этой точки зрения придерживались и некоторые дореволюционные ученые². Но общепринятое воззрение выделяет эту стадию в связи с очевидной внешней выраженностью законодательства о труде, его близостью к современным образцам юридической техники.

Между тем ключевым для всей эволюции трудового права России является еще более ранний период — время формирования первичных, фундаментальных начал современного трудового права. Такое формирование происходило в XVIII в., осуществлялось методом проб и ошибок, ситуативным перебором, переплеталось с деструктивными подходами, не имело теоретического осмысления. Однако именно в Петровскую и послепетровскую эпохи вновь созданная Российская империя искала пути к организации «регулярного», методически организованного государства и общества. Средством для этого могла служить только нормативная правовая регламентация, в отличие от предыдущей эпохи главенства неписаных обычаев.

Эта логика характеризует как право в целом, так и генезис норм о наемном труде. В XVIII в. мы наблюдаем дискретную, фрагментарную, но всё более нарастающую практику внедре-

¹ Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование : учеб. пособие. М. : Норма, 2001. С. 5 ; Аколова Е. М. Правовое опосредование отношений найма труда в России // Государство и право. 2001. № 9. С. 29 ; Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900–1917 гг. М. : Госюриздат, 1952. С. 8 ; Роцин Б. Е. Инкорпорация фабрично-заводского законодательства Российской империи (к 100-летию принятия Устава о промышленном труде) // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2013. № 3. С. 168.

² Балицкий Г. Какая должна быть фабричная инспекция. М. : Труд и воля, 1907. С. 4 ; Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. С. 27 ; О-в Н. Русская жизнь // Жизнь. 1897. № 36. С. 336.

ния конструктивных юридических начал в упорядочение отношений по труду. Они пройдут проверку временем на протяжении более чем двух столетий, станут основой современных подходов к общественной организации труда — и потому должны быть признаны ранними подходами, институтами и конструкциями современного трудового права России. В этой связи следует обратить внимание на редкую в отечественной науке позицию С. А. Соболева, который делает вывод о зарождении трудового законодательства именно в начале XVIII в.³ Исходя из понимания современного трудового права России представляет интерес опыт юридизации отношений по труду в Российской империи XVIII в.

Ранние акты послепетровской эпохи

Первые акты о труде послепетровского периода обращались к конкретным элементам отношений по труду и не предполагали системного разностороннего регулирования. Очевидно, что избранные властью области отношений на практике в наибольшей степени нуждались в упорядочении: прагматичный законодатель того времени не тратил сил на малоактуальные вопросы. Такими сферами приоритетной регламентации в сфере труда стали рабочее время, оплата труда, охрана жизни и здоровья, дисциплинарная ответственность. Один из первых актов в сфере наемного подчиненного труда — Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся 1722 г.⁴

Принятый еще при Петре I, он применялся преимущественно в послепетровскую эпоху. Здесь впервые закреплялись детали внутреннего трудового распорядка — то, что в наши дни станет обязанностью работодателя согласно ст. 189, 190 Трудового кодекса РФ. Прорывным для юридической техники XVIII в. стал подход законодателя к формализации рабочего времени. Если ранее это было предметом хозяйской власти нанимателя и имело произвольный

характер, то теперь мы наблюдаем общеобязательное закрепление норм о рабочем времени и времени отдыха. Так, среди разнообразных правил о деятельности Адмиралтейства и судостроительстве в § 32 гл. XII предписывалось колокольным звоном оповещать работников о начале и конце рабочего дня. В зимний период (с 10 сентября по 10 марта) звонить в колокол надлежало утром за час до восхода, а вечером — спустя час после захода солнца. С 10 марта по 10 сентября применялся иной принцип расписания, безотносительного к световому дню. Работа начиналась в 4:30, а заканчивалась в 19:00. В июне и июле работа продолжалась до 20:00. Дифференцировался труд на улице и в помещениях («избной»). Последний осуществлялся в осенний период до 19:00, в зимний — до 20:00. В изложенных правилах важен не конкретный хронометраж, а сама новация метода. В нем проявилась революция юридизации правил о наемном подчиненном труде, их возведение в писаную нормативную форму.

От традиционных практик трудовых отношений, основанных на общепринятых устоях, Россия совершала движение ко всё более подробному регулированию отношений по труду. Несмотря на слабую реализуемость, гипотетически предполагалась прозрачная система правил, известная обеим сторонам договора найма и не подлежащая произвольному изменению. Начав с выборочного упорядочения рабочего дня, законодатель в дальнейшем будет распространять этот методологический подход и на иные сферы социально-трудовых отношений. Необходимо констатировать внедрение в сферу труда публично-правовых начал вместо прежнего примата договорных отношений между нанимателем и работником. Важно отметить: именно утверждение принципов публичного права заложит фундамент современного трудового права как гибридной по своему методу отрасли права на границе административизма и цивилистики.

Примечательным актом, впервые закрепившим дифференцированную выплату заработной платы работникам в России, стал Указ

³ Соболев С. А. Становление трудового права в период развития горнозаводского дела в России XVIII в. // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 2-1. С. 161 ; Он же. Значение социальных наук в изучении истории трудового законодательства // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 3. С. 195.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 7. № 3937.

Правительствующего сената от 14 июня 1725 г.⁵ Имея по преимуществу хозяйственную и административную направленность, он среди прочего предписывал: «На заводах мастеровым людям и прочим служителям жалованье давать смотря по их искусствам, и которые в мастерствах будут превосходить, таким прибавлять, а у других за нерачение и ленивство убавлять, по рассмотрению его, только чтобы таким прибавкам на сделанные материалы в цене отягощения не было и в штате не прибавлялось». Документ носил специальный характер по сфере действия, не предполагал механизмов реализации норм, имел ограниченное воздействие на реальность трудовых отношений.

Сама попытка регламентировать отношения на столь значительном удалении от столичного надзора вряд ли могла быть успешной. Но в Указе мы сталкиваемся с исторически первым закреплением будущей нормы о равной оплате за равный труд и о выплате заработка «в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы». Актуальным воплощением этой идеи станут нормы ст. 2, 129, 132 ТК РФ о справедливой выплате вознаграждения за труд. Не вызывает сомнений, что оплата труда и в предшествовавший Указу период носила дифференцированный характер, поскольку это базовый принцип эффективного менеджмента независимо от исторической эпохи. Но Указ 1725 г. впервые нормативно закрепил соответствующее правило и заложил идейную основу одного из принципов трудового права современной России — оплаты по труду (ст. 2 ТК РФ). Примечательно, что советские кодексы законов о труде 1918 и 1922 гг. не содержали положений о критериях начисления заработной платы. Лишь КЗоТ РСФСР 1971 г. вновь, как и за 246 лет до того, закрепил правило об оплате по труду. Достаточно показательна связь дореволюционного законодательства эпохи становления рынка и норм о труде эпохи послесоветского становления рынка.

Регламент и Работные регулы 1741 г. — акты, опередившие время

Вехой разработки современного трудового права в XVIII в. стал утвержденный Анной Леопольдовной 2 сентября 1741 г. Регламент или работные регулы на суконные и каразейные фабрики⁶. Разработанный Х. А. Минихом в последние месяцы власти правительницы-регента, документ состоял из двух частей: «Регламент суконным и каразейным фабрикам» и «Работные регулы и должности и заработная плата надзирателям и мастеровым и работным людям на суконных и каразейных фабриках». Следует заранее констатировать, что Регламент и Регулы — абсолютно прорывной документ. Его положения по своему содержанию и юридической технике намного опередили потребности, а главное — возможности времени. Располагая в некоторых случаях нормами, сравнимыми лишь с Трудовым кодексом РФ, он не получил должной механики реализации. Российская империя середины XVIII в. не была способна создать систему гарантийных институтов, она обретет данное качество лишь спустя полтора столетия, с созданием фабричной инспекции. Документ стал скорее образцом революционного юридического мышления, отражением высочайшего уровня индивидуального правосознания в эпоху феодальной, сословной, консервативной, индифферентной правовой культуры масс.

По содержанию Регламент и Регулы преимущественно упорядочивали хозяйственный оборот фабрик и отношения по поставкам для государственных нужд. Среди прочего в его содержание были включены обширные предписания трудового характера. В массе своей они являлись новаторскими и для того времени крайне продуманно разграничивали интересы государства, нанимателей и рабочих. Так, впервые в отечественной истории получила писаное воплощение своеобразная преамбула. В качестве послышки к принятию документа отмечалось упадочное состояние производства и обращения с рабочей силой: «При осмотре оных суконных фабрик отчасти усмотрено, что в оных известные неурядки распространились... Работа на фабриках происходит медленно, для

⁵ Указ Сената от 14 июня 1725 г. «О содержании Сибирских заводов приписными слободами и деньгами капитальными и прибыльными, об охранении оных от нападения Башкирцев, или от разбойников тамошним гарнизонными полками и о учреждении застав для удержания беглецов» // ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 7. № 4736.

⁶ ПСЗ-I. Т. 11. № 8440.

того, что на оных регламентов никаких, по которым работным людям проступать, не имеется, на примере, чтобы не по своей воле на работу и с работы ходить, и тако должны мастеровые и работные люди работу свою в известные часы зачинать и оканчивать; и чтобы всякого по руководелию его принуждать ежедневно и известное что сделать». Указывалось и на укоренившиеся «противные и весьма вредительные непорядки, великое своеволие и чрезвычайную продерзость у мастеровых и работных людей». В сущности, авторами была сформулирована современная идея организационной подчиненности работника работодателю как особого качества трудовых отношений в отличие от гражданско-правовых. Характерно и само заявление о потребности в централизованном законодательстве о труде, которым в известной степени руководствуется и современный отечественный законодатель.

Регламентом 1741 г. впервые провозглашался общий принцип отношений нанимателя и рабочего: «Фабричный содержатель должен фабричных людей своих, когда по должности своей надлежаше исполняют, ни в чем не обижать и не оскорблять, но по всякому христианскому достоинству добро и хорошо содержать» (разд. 11). Помимо идеи закрепления принципов права, следует отметить развитие мысли, приведшее авторов к необходимости защиты трудящихся и вмешательства государства в отношения по труду. В частности, задолго до научного осмысления выражалась концепция разграничения интересов сторон правоотношения Н. М. Коркунова. Таким образом находили свое проявление зачатки будущего конструктивного правосознания политических элит Российской империи. В то же время закрепленный в Регламенте принцип сыграл и известную деструктивную роль. Приведенная норма впервые официально представила концепцию патриархальных ценностей в трудовом правоотношении. При первом взгляде обращает на себя внимание ее наставительный, религиозно-этический характер, что вообще было в духе эпохи. Однако влияние данной правовой нормы на развитие трудовых отношений

в дореволюционный период окажется скорее негативным. Она задаст тенденцию государственного декларативного псевдопопечения, в рамках которой вплоть до последней четверти XIX в. продолжится застой трудового нормотворчества. Его обоснованием послужит якобы особый христиански-доверительный уклад отношений в отечественной сфере наемного труда. На протяжении XIX и начала XX в. власть, промышленники, их лоббисты будут пользоваться подобными декларациями как прикрытием для нежелания искать социальный компромисс в регулировании отношений по труду. Фабриканты и отдельные государственные деятели дореволюционной эпохи неоднократно утверждали, что «отеческое» отношение нанимателя к рабочим устраняет саму необходимость государственного правового вмешательства в сферу труда⁷.

Совершенно новаторским для отечественного законодательства был раздел, выступивший прообразом современного института охраны труда. Регламентом предписывались детальные правила пожарной безопасности (разд. 3 Регул), а также надлежащего освещения и отопления фабричных зданий, с тем чтобы «работники при совершенном дневном свете ни от стужи, ни от дождя или течи свое дело добро, честно и удобно исполнять могли» (разд. 1 Регламента). Нормировалось расположение механизмов: «Фабрикантам станы в работных покоех ставить не очень близко друг от друга, дабы возможно было кругом способно к оным проходить и работу по надлежашему осматривать». Предъявлялись требования к хранению инструмента и материалов (разд. 3 Регламента и разд. 2 Регул). В качестве общеобязательных правил поведения исключались игра на деньги и появление на улице в «непристойном злочинстве пьянства». Нельзя не признать передового характера и этих разработок, которые также не найдут практического воплощения и не будут пользоваться вниманием законодателя вплоть до 1880-х гг.

Х. А. Миних вписал в Регламент первые в истории России правила трудоустройства и аттестации: «Никого из мастеровых и работ-

⁷ О стачке рабочих на Невской бумагопрядильной фабрике, бывшей барона Штиглица, и о высылке четырех из них из Санкт-Петербурга на родину под надзор полиции. Архив III Отделения // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 155. Д. 64. Л. д. 2 ; *Безобразов В. П.* Наблюдения и соображения В. П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1888. С. 115 ; *Успенский В.* Одна из нужд верующего рабочего люда // *Гражданин*. 1902. 7 марта. № 17 ; Русское обозрение: литературно-политический и научный журнал. Г. 4. 1893. Т. 23. С. 1087–1106.

ных людей с других фабрик без обязательства и паспорта не принимать... и никогда никого в надзиратели, мастера, или подмастерья не допускать, или определять, ежели по подлинному свидетельству к тому не удостоен и аттестатом, либо от самой Коммерц-коллегии, или от определяемых впредь шаумейстеров (кои сукны осматривают, или свидетельствуют) в том исправно не аттестован; також и никому из тех людей в должность свою прежде не вступать, пока по написанному в конце сего формуляра присягу подлинно не учинит». Риторическим является вопрос о применимости таких правил на практике в условиях бесконтрольности и нехватки рабочих, но важен и сам факт законодательных новелл.

На полтора столетия опередили свое время правила Регламента о штрафовании рабочих, определении вины в проступке, премировании и больничных кассах: «ежели в оной (работе. — Н. Д.) какое повреждение, или худоба явится, то оценить того ж часа, и при работнике, кто сделал, и положенный в работных регулах штраф именно в особливую чистую книгу надлежаще записать; и за те худобы, которые явятся после того, когда оная работа в другие руки уже отдана, работнику в штраф не впадать, для того, чтобы фабричный содержатель и кто к тому определен, в начале лучше смотреть могли. Между тем о штрафных деньгах, или товарах в такой силе находится, что оных фабричному содержателю по всякой справедливости брать столько, сколько он подлинно убытков имел, а все остальные за тем ему частью на призрение больных в госпитале своем, частью же на награждение достойных и прилежных мастеровых рабочих людей, кои дела свои надлежаще исправляют, для наивысшего приохочивания оных, по усмотрению и совести своей употреблять и разделять» (разд. 11). Нет сомнений, что приведенные правила среди прочего массива норм Регламента не могли получить воплощения на практике. Однако налицо крайне прогрессивная, гуманистичная законотворческая мысль, во многом не получившая надлежащего закрепления и в действующем законодательстве о труде, — таковы, например, нормы об обязательном выделении фонда стимулирования работников.

В условиях общеукорененных многомесячных задержек вознаграждений вполне авангардный характер носили и наставления Регламента 1741 г. о своевременных выплатах за труд: «заслуженную плату, когда ни в какую

вину не впали, немедленно исправно платить». В области расчетов предполагалась максимальная прозрачность: наниматель обязан был вести реестр выплат и удержаний (разд. 11 Регламента и разд. 10 Регул). Особым заключительным разделом тарифицировались выплаты за конкретные виды работ по отдельным должностям. Последнее преследовало двоякую цель: избежать понижения платы для рабочих и одновременно уклониться от ее повышения, что отвечало средневековым цеховым практикам Западной и Центральной Европы. Следует помнить, что государственные и переданные во временное частное управление (посессионные) предприятия составляли основной сегмент промышленного хозяйства XVIII в. Престол, таким образом, ограждал казну от повышения бюджетных расходов на оплату труда. Важной обеспечительной мерой служило обязательное ознакомление рабочих с правилами внутреннего распорядка (разд. 12 Регламента). Последнее в полной мере отвечает предписанию современных ст. 22 и 68 ТК РФ.

Уход с фабрики нормативно не регулировался. Регламент институционально не рассматривал увольнение — ни как возможную санкцию, ни как акт добровольного прекращения правоотношения. Раздел 5 впервые в российской истории давал характеристику прогула и закреплял соответствующие негативные последствия лишь в виде штрафования: «Ежели кто в обыкновенные работные дни, без законной причины, а именно для болезни и других тому подобных случаев, в фабрику на работу не будет, за то в первый раз вычесть у него из заслуженной платы на столько дней, сколько он гулял, а в третий раз вычесть же против прогульных дней вдвое, и сверх того бить его батожем; ибо никому без нужды от вседневной фабричной работы не отбывать». Прекращение отношений регламентировалось для вольнонаемных рабочих обычаем и устными соглашениями с нанимателем.

До известной степени положительно значение норм Регламента о мерах наказания рабочих. При всей жестокости (с точки зрения начала XXI в.) закрепленных санкций они воплощали попытку ограничить еще большее самоуправство хозяев. В частности, за непослушание и грубость предписывалось «смотря по вине наказывать телесным наказанием или сбавкой заработных денег по тех мест, пока исправясь в прежнее послушание прийти могут; а кнутом не бить, на каторгу отнюдь не посылать,

для того, что могут художество свое забыть и в вящую шалость и в непотребство прийти, да и другим через то охоты не будет и легко причина к побегу подастся. А ежели кто начальников своих дерзнет рукою, то при всех фабричниках наказать жестоко кошкою и полгода кормить одним хлебом с водой, а на каторгу не посылать». Учитывая распространенную в России того времени практику членовредительских наказаний, причинения увечий, наказаний со смертельным исходом и ничем не ограниченных штрафов, новеллы Регламента можно трактовать как прогрессивные для своего времени.

В Регламенте и Работных регулах имелись и нормы о рабочем времени, которые пользовались наибольшим вниманием законодателя XVIII в. (разд. 11 Работных регул). Так, предписывалось в летнее время (с 1 марта по 1 октября) являться на работу в 4:00 утра, в 10-м часу идти на обед, а в 12-м возвращаться с обеда на работу. Окончание работ приходилось на 21:00. В зимние месяцы (с 1 октября по 1 марта) на обед полагался один час, а прекращение работ происходило в 20:00. Данные нормы выступили общими по отношению к цитируемому выше Регламенту о управлении Адмиралтейства 1722 г. и, что наиболее важно, стали продолжением практики систематического упорядочения отношений в сфере рабочего времени.

Уникальным для той эпохи образом предусматривался даже порядок разрешения трудовых споров. В случае конфликта между мастеровыми, надзирателями или рядовыми работными людьми в качестве первой инстанции надлежало обратиться к фабричному содержателю (разд. 7 Регул), затем, в устном порядке, в Коммерц-коллегию. Фабрикант со своей стороны также обязан был осуществить доюрисдикционные мероприятия, предварительно предъявить свои требования рабочим и лишь затем обращаться во властные инстанции.

Регламент и Работные регулы 1741 г. — важнейший трудово-правовой акт XVIII в. Его следует признать первым в истории России специализированным нормативным актом о наемном подчиненном труде. С учетом сводного, полиинститутного характера можно назвать его протокодексом в области трудового законодательства. Речь, несомненно, не идет о действительной реализации всех положений данного

акта и его значимом влиянии на жизнь общества. Государственность XVIII в. еще не выработала конструкции надзора и контроля в сфере труда, эти функции принадлежали полиции. Тем не менее, отмечают исследователи, Работные регулы применялись на деле, на них ссылались как власти в распорядительных актах, так и предприниматели в ходе трудовых споров в 1820-е гг., т.е. спустя почти 80 лет после их принятия⁸.

Работные регулы важны не только как акт реальной правореализации. Они прежде всего ценны тем, что стали вехой в развитии правосознания: в них впервые нашло закрепление значительное количество правил о наемном труде, пусть и исключительно в сукноделии. Обращает на себя внимание большой объем предписаний, их разносторонность, новаторская продуманность. Следует отметить уникальный характер содержания документа, представлявшего собой первую в отечественной истории попытку учета интересов трудящихся, а также попытку разграничения прав и обязанностей в трудовом правоотношении с точки зрения публичного интереса — поддержания трудоспособности населения, отбора квалифицированных кадров, развития национального хозяйства.

Вопрос реализуемости Регламента не вызывает затруднений — на практике все эти передовые конструкции нашли лишь самое ограниченное воплощение. Отчасти причиной этому послужил политический факт: спустя менее двух месяцев после утверждения Регламента Анна Леопольдовна была низложена. В неформальных обычаях эпохи это означало свободу и в обращении с актами свергнутой власти. В рамках той же люстративной традиции был репрессирован и инициатор Регламента Х. А. Миних, что только подкрепляло неофициальную денонсацию документа.

Несомненно, что социальный и экономический уклад Российской империи ни в 1740-е гг., ни в следующие полтора столетия не предполагал действительного внедрения трудово-правовых гарантий. Действительного, полного соблюдения законодательства о труде российское государство не способно добиться и сегодня. Нереализуемость писанных норм о наемном труде в XVIII в. обуславливалась совокупностью факторов: фактическим отсутствием правосубъект-

⁸ Дюбюк Е. Ф. К вопросу о практическом значении работных регул регламента суконным фабрикам 1741 г. // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. М. : Melanare, 2007. Т. 18. С. 5–6.

ности наемных промышленных рабочих, феодальной природой национального хозяйства, аристократическим политическим строем, отсутствием системы государственных контрольных и юрисдикционных органов, всеобъемлющей неюридичностью мышления. Отчасти эти факторы сохраняются и в наши дни, что также роднит два временных периода. Для генезиса отечественного трудового права и его современного состояния важно иное. В согласии с парадигмальной концепцией, носителями авангардной цивилизаторской мысли выступают поначалу единичные представители общества, слабо влияющие на его действительную жизнь. Такими культуртрегерами выступили Х. А. Миних и его коллеги по законотворческой комиссии. Несмотря на отсутствие социального отклика, они продемонстрировали идею зрелой, сбалансированной нормативной регламентации отношений по труду, которая в дальнейшем будет получать всё большую поддержку в политических верхах и в массовом сознании. Феномен постепенного преодоления инерции массового сознания также будет сопровождать регламентацию отношений по труду последующих эпох.

Укрепление хозяйской власти нанимателя

Параллельно с неудавшейся попыткой сбалансированной регламентации отношений по труду разворачивался закономерный социальный и хозяйственный процесс. К середине XVIII в. в России сложился выраженный олигархический феодальный политико-экономический строй. Интересы аристократического капитала и земельных латифундистов в этой системе отношений главенствовали над общенациональными интересами. Трудовые отношения конструировались под влиянием доминанты нехватки рабочих рук в промышленности. Верховная власть, диффузно соединенная с крупными землевладельцами и высшим служилым дворянством, ожидаемым образом стремилась удовлетворить потребности элит.

В результате устанавливались такие частновладельческие полномочия, которые превалировали даже над юрисдикцией государственных органов. В области наемного труда данная

закономерность прослеживается в Указе императрицы Елизаветы Петровны от 24 июля 1744 г.⁹, который гласил: «Известно Нам учинилось, что действительному статскому советнику Акинфию Демидову, не только в том месте, где он по заводам своим ведом, но и в прочих правительствах чинят обиды, и недельными приметками волокиту и разорение, паче же в его делах помешательство и остановку приключают; а понеже он, Демидов, кроме настоящей трудами своими государственной и народной пользы, особливо и собственно Нам многие и верные свои службы показал, того ради повелеваем Мы... ежели где до него, Акинфия Демидова, будут касаться какие дела, или от кого будет в чем на него челобитье, о том наперед доносить Нам, понеже Мы, за его верные Нам службы, в собственной протекции и защите содержать имеем». Вновь, как и в ранних грамотах Петра I, устанавливалась иммунитетная феодальная система отношений, где даже наемные работники вверялись частному лицу на бесконтрольных началах. Подобные подходы находили существенно большую поддержку, чем разработки Х. А. Миниха. Сказывалось стремление империи к извлечению прибавочного продукта любой ценой, чего требовали и государственные оборонные нужды, и формирование новых инвестиционных фондов, и статусное потребление верхов. Решения такого рода, обусловленные соображениями краткосрочной выгоды, будут сопровождать развитие трудового права России на всех этапах. И на всех этапах они будут знаменовать лишь деструктивные начала, снижая эффективность реализации норм трудового права, нарушая баланс интересов работника, работодателя и государства. Уроки XVIII в. важны и для современного законодателя, реализующего такие проекты, как сокращение перечня работ, запрещенных для женщин (2021 г.), повышение государственных пошлин за обращение в суд (2024 г.), пенсионная реформа 2019–2028 гг.

Акты Екатерины II

В 1782 г. получил утверждение Устав Благочиния, или Полицейский¹⁰. Российская государ-

⁹ Указ Елизаветы Петровны от 24 июля 1744 г. «О доношении Ее Императорскому Величеству о всех делах и челобитных, подаваемых на действительного статского советника Акинфия Демидова, в воздаяние оказанных им государству услуг» // ПСЗ-I. Т. 12. № 8998.

¹⁰ ПСЗ-I. Т. 21. СПб., 1830. № 15379.

ственность стремилась обрести систематические черты: в Уставе впервые регулировался порядок приема вольнонаемных посредством особого маклера. Статьи 185–188 закрепляли: «Всяк услужения или работы ищущий, безопасно прийти может к маклеру ради записания своего имени и желания. Буде кто в городе или находящийся нужду или надобность имеет в слуге, служанке, или работных людях, о том да объявит маклеру слуг и рабочих людей, дабы маклер скорее ему доставить мог по его желанию слугу, служанку или рабочих людей. Договор или условия о служении или работе записать в маклерскую книгу, а именно: 1) кто принимает слугу, служанку, или рабочих людей; 2) в услужение или работу; 3) за какую цену; 4) на сколько времени; 5) в каком месте; 6) с каким условием; 7) кого в услужение или работы». Оговаривалась и специфика доказывания при рассмотрении возможных трудовых споров: «Не запрещается чинить наем и прием слуги, служанки и работного человека, не объявля маклеру; но в таком случае наниматель и нанятый при споре или ссоре между ними о служении, работе, или платеже не могут ожидать никакого пособия от Управы благочиния и ей подчиненных, и просьба о том да не приемлется в Словесном суде» (ст. 189). Из этого же предписания следует диспозитивный характер найма через маклера как орган занятости — бюрократические начала лишь начинали внедряться в старый традиционный уклад.

В правление Екатерины II 21 апреля 1785 г. была издана Грамота на права и выгоды городам Российской империи (Жалованная грамота городам)¹¹. Данный документ отнюдь не задумывался как определяющий начала трудовых отношений. Однако по юридической технике того времени правовой акт не только мог иметь смешанную нормативную и индивидуальную природу, но и с легкостью включал нормы нескольких современных отраслей права: административного, корпоративного, гражданского, уголовного, трудового. Статья 123 Грамоты содержала Ремесленное положение, регламентирующее различные стороны производственной деятельности ремесленников. Среди прочего в разделе нашли отражение и правила о продолжительности работы. В каче-

стве правового норматива рабочего времени учреждались шестидневная рабочая неделя («ремесленных рабочих дней суть шесть дней в неделе») и 10-часовой рабочий день. Пункты 103, 105 ст. 123 Ремесленного положения, озаглавленные «Какие дни работные и какие дни неработные суть» и «Какие часы в сутках работные суть» предписывали: «Ремесленных рабочих дней суть шесть дней в неделе, в день же воскресный и двенадцать праздничные, да не работают без необходимой нужды. Ремесленных рабочие часы в сутках суть от шести часов утра до шести часов вечера, исключая полчаса на завтрак и полтора часа на обед и отдых». Положением предусматривалась ответственность по двум видам прогула: за прогул рабочих дней и прогул рабочих часов. Учитывались степень вины (прогул без необходимой нужды) и наличие частного обвинения, т.е. наличие жалобы на неисполненную работу (п. 104). Санкцией предусматривалось исключительно денежное взыскание (пеня) по решению управного схода. Разграничивался прогул в течение всего рабочего дня и отдельных часов, при этом санкция, да и сама норма в целом воспроизводились почти дословно: предполагалось пропорциональное взыскание пени по «приговору» схода (п. 106). Аналогично наказывался и ночной «прогул» в ночь перед рабочим днем (п. 107), хотя это и предполагалось как свободное для отдыха время.

Нетрудно видеть, что длительный период правления Екатерины II отличался эпизодическим обращением к вопросам трудовых отношений. Регламентации удостоились лишь процедура приема на работу на началах правильного документооборота и рабочее время. Утвердив феодальные начала в области свободного найма труда, государство вновь, как в допетровскую эпоху, предоставило их стечению обстоятельств, положившись на примат хозяйской власти нанимателя. Такой подход обуславливался как невысоким уровнем правосознания элит, так и имперским акцентом государства на внешних войнах, ресурсом для которых служила безграничная эксплуатация низового населения. Закономерным ответом стала активизация рабочих выступлений вследствие невнимания государства к нуждам трудящихся.

¹¹ ПСЗ-И. Т. 22. СПб., 1830. № 16188.

Заключение

XVIII век стал для юридической регламентации отношений наемного подчиненного труда временем нормативного закрепления роста эксплуатации трудящихся. Повышение стандартов потребления среди аристократии, новые потребности государства в связи с выходом на мировой уровень обусловили интенсификацию национального производства. В условиях низкой технологизации средством для форсирования производительных сил стал экстенсивный путь извлечения рабочей силы. Данное явление отвечало контексту эпохи и не подлежит сопоставлению с современностью. Для современного трудового права важны иные явления и процессы, разворачивавшиеся в послепетровскую эпоху. Ключевым феноменом стала позитивизация норм о труде.

На протяжении XVIII в. в России утверждалась новая бюрократическая легистская парадигма имперской государственности. Гибридный характер эпохи (соединение допетровских феодальных традиций и новых институтов управления) нашел выражение в том, что прежние неписанные хозяйственные практики получали формальное закрепление на бумаге. Коснулось это и отношений по вольнонаемному труду. Следует отметить первую закономерность, затронувшую умы и нормотворческую практику в XVIII в.: использование писаного права для регламентации отношений по труду. Нормативизация трудовых отношений в допетровский период отсутствовала прежде всего на уровне идеи. Начиная с самого Петра и в политике его преемников воплощалась концепция официаль-

ного закрепления правил поведения, их обязательности в силу писаного характера, перехода от индивидуальных предписаний к нормативным модельным правилам поведения.

Другой тенденцией стало укоренение публично-правовых начал в сфере труда. Допетровская государственность не вмешивалась в отношения нанимателя и нанятого, поддерживала полностью цивилистическую конструкцию найма по соглашению сторон. Доминирование интересов и прав нанимателя виделось естественным отражением его феодального хозяйского статуса в отношении неблагородного населения. Отныне утверждались черты будущего трудового права, сущностью которого является соединение конструкций частного и публичного права.

Отечественный законодатель в XVIII в. закреплял вполне современные институты трудового права. Таковы гарантии в области оплаты труда, ограничения рабочего времени, безопасности работников, запрет на нелимитируемое применение наказаний в отношении работника. Упорядочивались наем на работу, денежные взыскания, правила дисциплины труда, феномен локального нормотворчества. Всё это так или иначе найдет воплощение в действующем сегодня законодательстве о труде. Родственными предстают и ключевые проблемы двух эпох: неудовлетворительная эффективность реализации закрепленных на бумаге норм, невысокий уровень трудового правосознания, слабость механизмов надзора и контроля за соблюдением норм о труде, недостаточное внимание государственного законодателя к актуальным проблемам регламентации отношений по труду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопова Е. М. Правовое опосредование отношений найма труда в России // Государство и право. 2001. № 9. С. 29–36.

Балицкий Г. Какая должна быть фабричная инспекция. М. : Труд и воля, 1907. 143 с.

Безобразов В. П. Наблюдения и соображения В. П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1888. 127 с.

Дюбюк Е. Ф. К вопросу о практическом значении работных регул регламента суконным фабрикам 1741 г. // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. М. : Melanare, 2007. Т. 18. 27 с.

Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование : учеб. пособие. М. : Норма, 2001. 384 с.

Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. 365 с.

О стачке рабочих на Невской бумагопрядильной фабрике, бывшей барона Штиглица, и о высылке четырех из них из Санкт-Петербурга на родину под надзор полиции. Архив III Отделения // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 155. Д. 64. Л.д. 2.

О-в Н. Русская жизнь // Жизнь. 1897. № 36. С. 336.

Рошин Б. Е. Инкорпорация фабрично-трудоого законодательства Российской империи (к 100-летию принятия Устава о промышленном труде) // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2013. № 3. С. 168–173.

Соболев С. А. Значение социальных наук в изучении истории трудового законодательства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 3. С. 191–197.

Соболев С. А. Становление трудового права в период развития горнозаводского дела в России XVIII в. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2-1. С. 160–163.

Успенский В. Одна из нужд верующего рабочего люда // Гражданин. 1902. 7 марта. № 17.

Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900–1917 гг. М. : Госюр-издат, 1952. 319 с.

REFERENCES

Akopov EM. Legal Framework Governing Employment Relations in Russia. *Gosudarstvo i pravo*. 2001;9:29-36. (In Russ.).

Balitskii G. How the Factory Inspection Should Be Organized. Moscow: Trud i volya Publ.; 1907. (In Russ.).

Bezobrazov VP. V.P. Bezobrazov's Observations and Reflections on the Implementation of the New Factory Laws and the System of Factory Inspection. St. Petersburg; Тип. V. Bezobrazova & Co. Publ.; 1888. (In Russ.).

Dyubyuk EF. On the Practical Importance of the 1741 Labor Regulations for Cloth Manufactories. *Proceedings of the Pereslavl-Zalessky Scientific and Educational Society*. Vol. 18. Moscow: Melanare Publ.; 2007. (In Russ.).

Kiselev IYa. Russian Labor Law: A Historical and Legal Analysis. Moscow: Norma Publ.; 2001. (In Russ.).

Litvinov-Falinskiy VP. Industrial Legislation and Factory Inspection in Russia. St. Petersburg: Тип. A. S. Suvorina Publ.; 1900. (In Russ.).

O stachke rabochikh na Nevskoy bumagopryadil'noy fabrike, byvshey barona Shtiglitsa i o vysylke 4-kh iz nikh iz S. Peterburga na rodinu pod nadzor politzii. Arkhiv III Otdeleniya [On the Strike of Workers at the Neva Spinning Mill, Formerly Owned by Baron Stieglitz, and on the Deportation of Four of Them from St. Petersburg to Their Homeland under Police Supervision. Archive of the Third Section]. GARF. F. 109. Op. 155. D. 64. L.d. 2. (In Russ.).

O-v N. Russian Life. *Zhizn*. 1897;36:336. (In Russ.).

Roshchin BE. Incorporation of the Factory Labor Legislation of the Russian Empire (On the 100th Anniversary of the Adoption of the Statute on Industrial Labo. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2013;3:168-173. (In Russ.).

Sobolev SA. Formation of Labor Law during the Development of the Mining and Metallurgical Industry in Russia in the 18th Century. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2011;2-1;160-163. (In Russ.).

Uspenskiy V. One of the Needs of the Faithful Working People. *Grazhdanin*. 1902;17: March, 7. (In Russ.).

Shelymagin II. Legislation on Factory and Plant Labor in Russia, 1900–1917. Moscow: Gosjurizdat Publ.; 1952. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демидов Николай Вольтович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
Ленина пр., д. 40, г. Томск 634050, Российская Федерация
fra_nickolas@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Demidov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Law Institute, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
fra_nickolas@list.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 9 января 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 17.11.2024.
Revised 09.01.2025.
Accepted 15.08.2025.

И. А. Клепицкий

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Мелкое хищение: уместна ли административная ответственность?

Резюме. Декриминализация мелких хищений частной собственности представляется неоправданной в контексте уголовной политики. Разумной была декриминализация мелких хищений социалистической собственности в СССР, где за хищения социалистической собственности были предусмотрены крайне суровые наказания. Массовые мелкие хищения причиняют серьезный вред экономике, они развращают население и создают неблагоприятную криминогенную ситуацию в стране, способствуя приобщению молодежи к криминальной субкультуре. Отсутствие в КоАП РФ норм о соучастии и покушении препятствует эффективной борьбе с хищениями. При наказании хищений целесообразно учитывать повторение хищения лицом, ранее наказанным за хищение. Институт освобождения от уголовной ответственности целесообразно реформировать, исключив по общему правилу возможность освобождения от ответственности лиц, ранее освобожденных от ответственности за корыстные преступления. Сущность воровства как деяния *malum in se* исключает возможность понимания его в качестве нарушения порядка, административного правонарушения. Лицо, обвиняемое в воровстве, должно иметь право на защиту, характерное для уголовного судопроизводства. В уголовном праве экономически развитых стран континентальной Европы и в Англии цена похищенного не имеет существенного значения. В США, как и в старом английском общем праве, различают мелкое и большое воровство, и то и другое влечет уголовную ответственность. В бывших республиках СССР наметилась тенденция к установлению уголовной ответственности за мелкие хищения.

Ключевые слова: мелкое хищение; административная ответственность; уголовная ответственность; освобождение от ответственности; российское право; германское право; французское право; американское право, право бывших республик СССР

Для цитирования: Клепицкий И. А. Мелкое хищение: уместна ли административная ответственность? *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 44–59. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.044-059

Petty Theft: Is Administrative Responsibility Appropriate?

Ivan A. Klepitskiy

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The decriminalization of petty theft involving private property appears unjustified within the framework of contemporary criminal policy. While the decriminalization of minor theft of socialist property in the USSR was arguably warranted — given the disproportionately severe penalties historically imposed for such offenses — the same rationale does not extend to present-day conditions. Widespread petty embezzlement inflicts tangible harm on the economy, fosters public corruption, and exacerbates adverse criminogenic conditions, thereby facilitating the integration of youth into criminal subcultures. The absence of provisions addressing complicity

and attempted theft in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation significantly undermines the effectiveness of legal measures against theft. In determining sanctions for theft, it is advisable to consider the repeated commission of such offenses by individuals with prior theft-related convictions. Reform of the legal framework governing exemption from criminal liability is also warranted, with a view toward generally excluding the possibility of exemption for individuals previously relieved from liability for acquisitive crimes. Given its inherent nature as an act *mala in se*, theft cannot reasonably be reclassified as a mere violation of public order or an administrative infraction. Individuals accused of theft should be afforded the procedural guarantees characteristic of criminal proceedings. Comparative legal analysis demonstrates that, in the criminal law of economically developed continental European jurisdictions and in England, the monetary value of the stolen property is not a decisive factor in establishing criminal liability. In the United States, consistent with the principles of the historical English common law, both petty and grand theft are subject to criminal prosecution. Notably, in several former Soviet republics, a legislative trend has emerged toward reinstating criminal liability for petty embezzlement.

Keywords: petty theft; administrative responsibility; criminal liability; exemption from liability; Russian Law; German Law; French Law; American Law, law of the former republics of the USSR

Cite as: Klepitskiy IA. Petty Theft: Is Administrative Responsibility Appropriate? *Lex russica*. 2025;78(9):44-59. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.044-059

Введение

В 1999 г. в России декриминализованы мелкие хищения частной собственности. В современных условиях эти деяния приняли массовый характер, они причиняют серьезный ущерб народному хозяйству. Административная ответственность за мелкие хищения неадекватна существу этого правонарушения, что вызывает серьезные проблемы на практике, в частности возникает правовая неопределенность при понимании стадий совершения правонарушения, необходимой обороны и задержания правонарушителя, поэтому такое законодательное решение представляется небесспорным. Безнаказанность развращает население. Этот вопрос заслуживает рассмотрения в историческом, формально-догматическом, эмпирическом (судебная практика и статистика), сравнительно-правовом и уголовно-политическом аспектах.

Исторический аспект

Ненаказуемое в уголовном порядке мелкое хищение появилось в России сравнительно недавно. В первоначальной редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹ наказуемой признавалась кража в любом размере, при этом впервые совершенная кража предмета, цена которого не превышала 30 руб.,

при отсутствии квалифицирующих признаков влекла наказание в виде отдачи в рабочий дом от 3 до 6 месяцев с лишением прав состояния и ссылкой в одну из отдаленных губерний, кроме сибирских. Рабочий дом мог быть заменен розгами. При рецидиве наказание за такую мелкую кражу было более строгим, к примеру, наказание за четвертую кражу, в том числе и мелкую, было в виде розог с лишением свободы на срок от 8 до 10 лет.

После судебной реформы 1864 г. наказание за первую кражу предмета, цена которого не превышала 300 руб., было предусмотрено не Уложением, а статьей 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями², — в виде тюремного заключения на срок от 3 до 6 месяцев. При наличии смягчающих обстоятельств, указанных в ст. 171, например, если цена краденого не превышала 50 коп., наказание могло быть уменьшено до половины. При наличии отягчающих обстоятельств (ст. 170) тюремное заключение могло быть назначено на срок до одного года. При рецидиве и иных отягчающих обстоятельствах, указанных в Уложении 1845 г. (в новых его редакциях), применялись по-прежнему нормы не Устава, а Уложения.

Положения Уголовного уложения 1903 г.³ о краже так и не были введены в России в действие, их введение в действие влекло бы упразднение соответствующих правил Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 20. № 19283.

² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 39. № 41478.

³ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 23. № 22704.

Статья 581 предусматривала за кражу в размере, не превышавшем 500 руб., тюремное заключение сроком от 3 месяцев до 2 лет. Если стоимость похищенного не превышала 50 коп., срок заключения не мог превысить 6 месяцев.

В 1918 г. в РСФСР судам было запрещено ссылаться на законы свергнутых правительств⁴, нужно было руководствоваться революционным, а затем социалистическим правосознанием и декретами новой власти. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 01.06.1921 «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям»⁵ предусмотрел за хищение социалистической собственности лишение свободы на срок не менее 3 лет, а при отягчающих обстоятельствах — смертную казнь.

В УК РСФСР 1922 г.⁶ наказание за это преступление было дифференцировано и немного смягчено в части «простой кражи» социалистического имущества, но оставалось весьма строгим. Государство при этом считалось пролетарским, поэтому суровые кары для рабочих, воровавших по мелочи на производстве, были бы политической ошибкой. В карательной политике нужно было усилить «классовые начала»⁷. В результате в УК 1926 г.⁸ в примечании к ст. 162, предусматривавшей наказание за кражу, впервые появляется понятие мелкого хищения, не влекущего уголовной ответственности: «Кража материалов и орудий, совершенная на фабрике и заводе рабочим или служащим в пределах своего предприятия в первый раз и при стоимости похищенного не свыше пятнадцати рублей, влечет дисциплинарное взыскание по особой, устанавливаемой Народным комиссариатом труда, табели». По мере сворачивания НЭП и упразднения частного бизнеса эта норма превратилась в норму о мелком хищении исключительно социалистической собственности. Значение этой нормы

выросло после сурового постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁹, которое предусматривало за хищение социалистической собственности смертную казнь, лишь при наличии смягчающих обстоятельств можно было назначить лишение свободы на срок не менее 10 лет.

Указом Президиума ВС СССР от 10.08.1940¹⁰ было установлено, «что так называемая “мелкая кража”, независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или в учреждении, карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания», соответствующие изменения были внесены и в УК РСФСР, в итоге мелкое хищение социалистической собственности вновь стало деянием уголовно наказуемым, при этом строгость наказания оставалась несопоставимой с его строгостью по постановлению от 07.08.1932.

Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»¹¹ смягчил наказания за хищения социалистической собственности в сравнении с постановлением от 07.08.1932, при этом Указ от 10.08.1940 и соответствующие положения УК РСФСР оставались в силе. Указом Президиума Верховного Совета от 10.01.1955¹² уголовное наказание за мелкое хищение социалистической собственности было дифференцировано, максимальный срок лишения свободы за первое хищение был снижен до 3 месяцев, предусмотрена альтернатива лишению свободы в виде исправительных работ. За повторное мелкое хищение предусматривалось лишение свободы на срок от одного года до двух лет. Указ этот утратил силу в связи с введением в действие УК РСФСР 1960 г.¹³

⁴ Примечание к ст. 22 Декрета ВЦИК РСФСР от 30.11.1918 «О народном суде РСФСР (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁵ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

⁶ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

⁷ См.: Матюхина Т. И. Уголовная ответственность за мелкие хищения в истории законодательства Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 111–116.

⁸ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁹ СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

¹⁰ Ведомости ВС СССР. 1940. № 28.

¹¹ Ведомости ВС СССР. 1947. № 19.

¹² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М. : Госюриздат, 1959.

¹³ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

УК РСФСР 1960 г. ориентировал на применение за первое мелкое хищение социалистической собственности мер общественного воздействия (товарищеский суд и т.п.), при этом понятие мелкого хищения было уточнено. Статьей 97 было установлено, что мелким хищением может быть не только кража, но и другие хищения (кроме грабежа и разбоя). Предусмотрено, что мелкое хищение влечет уголовное наказание лишь при наличии особых обстоятельств: лицо ранее подвергалось мерам общественного воздействия за мелкое хищение либо совершило мелкие хищения более двух раз, либо по обстоятельствам дела меры общественного воздействия не могли быть применены. Понятие мелкого хищения социалистической собственности было распространено за рамки хищений на производстве, но в этом случае применить меры общественного воздействия было сложно. Наказание было предусмотрено в виде лишения свободы или исправительных работ на срок до одного года.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.01.1965 «Об усилении материальной ответственности за хищения государственного и общественного имущества»¹⁴ товарищеские суды были наделены правом налагать за мелкие хищения штрафы (до 30 руб. за первое, до 50 руб. за повторное).

Указ Президиума ВС РСФСР от 03.07.1965¹⁵ внес изменения в ст. 51 УК РФ, предусмотрев возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд не только за мелкое хищение социалистической собственности, но и за простую (без квалифицирующих признаков) кражу *личного* имущества, малоценных предметов потребления и быта при условии, что виновный и потерпевший являются членами одного коллектива.

Административная ответственность за мелкое хищение социалистической собственности была впервые установлена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13.12.1977¹⁶. В связи с кодификацией законодательства об административных правонарушениях 20 июня 1984 г. административная ответственность за мелкое (не более 50 руб.) хищение социалистической

собственности была предусмотрена статьей 49 КоАП РСФСР¹⁷ (штраф от 20 до 100 руб. или исправительные работы на срок от одного до двух месяцев), в 1986 г. размер штрафа увеличен до 200 руб. Впоследствии понятие мелкого хищения и административная санкция за него неоднократно менялись.

После развала СССР Законом РФ от 29.04.1993 № 4901-1¹⁸ статья 97 была исключена из УК РФ, мелкое хищение социалистической собственности декриминализовано, сохранилась только административная ответственность.

Федеральным законом от 30.01.1999 № 20-ФЗ¹⁹ в ст. 49 КоАП внесены радикальные изменения, административная ответственность была установлена за мелкое хищение уже не только не государственной и общественной, но *любой собственности, в том числе и частной*. Таким образом, мелкие хищения частной собственности впервые в истории России были декриминализованы. Есть мнение, что мелкие хищения личной собственности граждан в СССР не влекли уголовной ответственности ввиду малозначительности. Мнение это неверное. Советская власть, завершив «экспроприацию экспроприаторов», не уклонялась от защиты имущественных прав граждан от воровства разного рода. Действительно, сотрудники правоохранительных органов раньше уклонялись и сейчас уклоняются от регистрации преступлений, если раскрыть преступление сложно или невозможно. Причина этому — оценка эффективности работы подразделения с учетом статистических данных о раскрываемости, от чего мы по сей день не можем отказаться. На практике, если сообщение о краже личного имущества было зарегистрировано, преступление раскрыто, суды крайне редко применяли норму о малозначительности, до 1999 г. «мелкие» хищения личного имущества граждан влекли уголовную ответственность по общим нормам о краже и мошенничестве. Присвоение и растрата личного имущества граждан при этом ввиду упрощения имущественных отношений в СССР между гражданами была декриминализована в УК РСФСР 1960 г. Уголовная ответственность за присвоение вверенного частного

¹⁴ Ведомости ВС РСФСР. 1965. № 4. Ст. 83.

¹⁵ Ведомости ВС РСФСР. 1965. № 27. Ст. 670.

¹⁶ Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1215.

¹⁷ Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

¹⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 22. Ст. 789.

¹⁹ СЗ РФ. 1999. № 5. Ст. 603.

имущества была восстановлена только Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ²⁰, которым устранялась дифференциация норм о преступлениях против социалистической и личной собственности.

Таким образом, появление в СССР нормы о мелком хищении социалистической собственности было обусловлено неадекватной суровостью наказаний за ее хищение. Мелкое хищение личной (на момент декриминализации уже не личной, а частной) собственности было декриминализовано только в 1999 г. Формально это было обусловлено необходимостью приведения норм о хищениях в соответствии с Конституцией РФ, предусматривающей равную охрану всех форм собственности. Но возможно было и другое решение — упразднение понятия мелкого хищения, но практически это было сложно сделать ввиду торжества псевдолиберальной идеи²¹.

Действующее право

По действующему УК РФ мелкое хищение уголовной ответственности при отсутствии административной преюдиции не влечет. В КоАП РФ ответственность за мелкое хищение предусмотрена статьей 7.27. Мелким признается хищение в размере до 2,5 тыс. руб. включительно при отсутствии квалифицирующих признаков хищений, предусмотренных УК РФ. Грабежи и разбои мелкими не признаются. Специальные нормы о мелких хищениях предусмотрены статьями 7.20 и 14.15.3 КоАП (самовольное подключение к централизованным системам водоснабжения и пользование ими; реализация поддельных билетов на матчи чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 г.). Наказание за мелкое хищение дифференцировано в зависимости от размера.

Если размер не превышает 1 тыс. руб. — это штраф до пятикратной стоимости похищенного, но не менее 1 тыс. руб., либо арест до 15 суток, либо обязательные работы до 50 часов. Если размер превысит 1 тыс. руб., минимальный срок ареста составляет 10 суток (хотя альтернатива в виде штрафа в размере до пятикратной стоимости похищенного сохраняется), а обязательные работы могут быть назначены на срок до 120 часов. Протокол об административном правонарушении составляют должностные лица полиции, дело рассматривают судьи районных судов или мировые судьи (если административное расследование не проводилось)²².

Ответственность за административное правонарушение несут лица, достигшие возраста 16 лет. КоАП РФ не предусматривает ответственность за соучастие²³. Поэтому, если взрослое лицо склонит лицо, не достигшее 16 лет, к мелкому хищению, это взрослое лицо не подлежит ответственности ни за мелкое хищение, ни за уголовно наказуемое хищение, ни за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Это обстоятельство вызывает особую обеспокоенность в связи с распространением криминальной субкультуры среди молодежи, речь при этом идет не только о пресловутом движении АУЕ, признанном экстремистским, но и об обучении подростков криминальному ремеслу опытными уголовниками, что способствует формированию криминальных связей, а в итоге и появлению организованных преступных групп. Криминальная романтика в условиях нездоровой бедности значительной части населения привлекает подростков, они могут рассматривать преступный мир в качестве единственного доступного социального лифта.

Законодательство об административных правонарушениях не предусматривает ответ-

²⁰ СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

²¹ Практическое значение понятия мелкого хищения было в начале 90-х гг. на время утрачено без изменения законов ввиду гиперинфляции. Вплоть до вступления в силу Закона РСФСР от 05.12.1991 № 1982-1, определившего размер мелкого хищения с учетом минимального размера оплаты труда, мелким признавалось хищение в размере, не превышавшем 50 руб. (следует при сравнении учитывать отличие от современного рубля, старый рубль в 1998 г. был деноминирован в 1 000 раз). Минимальный размер оплаты труда в это время составлял 200 руб., доллар стоил 27 руб., соответственно, минимальный размер оплаты труда был меньше 2 долл. Бутылка водки, обычный предмет мелкого хищения, стоила уже тогда дороже 50 руб.

²² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 за 2017 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

²³ См.: Морозова Н. А. Соучастие в совершении административного правонарушения // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 113–125.

ственность за приготовление к правонарушению и покушение на него²⁴. Вместе с тем существует объективная потребность в пресечении мелкого хищения на стадии покушения.

Рассмотрим типичные ситуации:

1) гражданин, подвергнутый административному наказанию за мелкое хищение, вынес из магазина «Пятерочка» упаковку варено-копченой свинины и колбасу общей стоимостью 424 руб. 29 коп., он прошел мимо кассы, не оплатив товар, вышел из помещения магазина, был остановлен охранником на улице. Содеянное мелкое хищение правильно квалифицировано по ч. 3 ст. 30, ст. 158¹ УК РФ. Квалифицируя содеянное как покушение, а не оконченное преступление, суд исходил из того, что реальной возможности распорядиться похищенным у похитителя не было. Это типичная квалификация содеянного при типичных обстоятельствах²⁵;

2) гражданка не оплатила на кассе магазина продукты питания, на вопрос кассира, все ли она оплатила, ответила, что оплатила все, была задержана за пределами кассовой зоны, привлечена к ответственности за мелкое хищение, обжаловала постановление, сославшись на то, что «КоАП РФ не предусматривает административную ответственность за покушение, она не имела возможности распорядиться похищенным, а потому правонарушение нельзя считать оконченным». Отказывая в удовлетворении жалобы, судья указала: «С учетом предмета хищения, обстоятельств правонарушения, мелкое хищение считается оконченным в момент, когда товары, выставленные в торговом зале, сокрыты виновным от сотрудников магазина, выполняющих полномочия по расчету с покупателями. П. спрятала похищенный товар, в кассе его не оплатила, была задержана с похищенным за пределами кассовой зоны, а потому в ее действиях имеет место состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.27 КоАП РФ»²⁶.

Таким образом, момент окончания мелкого хищения понимается по-разному в зависимо-

сти от того, рассматривается ли этот вопрос в уголовном судопроизводстве или в производстве по делу об административном правонарушении. Тем не менее на практике и при применении ст. 7.27 КоАП не исключена трактовка момента окончания мелкого хищения, выработанная судами по уголовным делам.

Гражданин пытался вынести чужое имущество с территории предприятия, был задержан на проходной сотрудниками охраны, в его отношении мировым судьей вынесено постановление по ст. 7.27 КоАП РФ. Судья городского суда отменил это постановление в связи с малозначительностью административного правонарушения, но это постановление было отменено председателем областного суда. В итоге по жалобе привлеченного к ответственности лица дело было рассмотрено заместителем председателя Верховного Суда РФ, отменившим постановления мирового судьи и председателя областного суда за отсутствием состава правонарушения, указав, что КоАП не предусматривает ответственности за приготовление и покушение²⁷.

Такой подход соответствует букве и смыслу закона, но делает эффективную борьбу с мелкими хищениями невозможной, ведь практически все мелкие хищения пресекаются на стадии покушения, когда похититель не успел еще уйти с места правонарушения. В противном случае раскрыть и доказать совершение мелкого хищения крайне сложно. Федеральный закон от 03.07.2016 № 326-ФЗ предусмотрел возможность проведения по делам о мелких хищениях административного расследования, что повысило шансы полиции на успех, но повысило незначительно. Возможности административного расследования ограничены в сравнении с уголовным процессом. Выявление и раскрытие административно наказуемых мелких хищений не входит в задачи оперативно-розыскной деятельности. При таком подходе полиция в принципе не будет выезжать для оформления мелких хищений. Если похититель скрылся — оформлять некого. Если он задержан на ме-

²⁴ «Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена возможность привлечения к административной ответственности только за оконченное правонарушение» (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6).

²⁵ Приговор Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 20.12.2024 по делу № 1-309/2024.

²⁶ Решение Кировского районного суда города Ярославля от 07.11.2014 по делу № 12-462/2014.

²⁷ Постановление Верховного Суда РФ от 09.02.2006 № 38-ад05-1.

сте — оформлять нечего, так как покушение не влечет ответственности. В этом случае «у лиц, избежавших ответственности... возникает ощущение безнаказанности и вседозволенности, что толкает их на совершение все новых и новых правонарушений»²⁸. Практика склоняется к решению проблемы путем квалификации покушений в качестве оконченных правонарушений, при этом фактические обстоятельства, при которых пресечено правонарушение, в постановлениях и протоколах часто не раскрываются. Такая практика представляется небесспорной, причем не только в контексте нарушения принципа законности.

В итоге рождается правовая неопределенность, вредная как для административного, так и для уголовного права. Проблему можно было бы решить, указав в ст. 7.27 КоАП, что наказуемо не только мелкое хищение, но и покушение на него, но этого не происходит.

Другая проблема — невозможность необходимой обороны и задержания лица, совершившего мелкое хищение. Административное задержание за мелкое хищение — прерогатива полиции (ст. 27.3 КоАП РФ). К каждой кассе полицейского не поставишь, на практике мелкие хищения пресекают работники магазинов или частные охранники, которые не имеют права применять физическую силу к лицам, совершившим административные правонарушения, не имеют права их задерживать. Даже кратковременное насильственное задержание такого лица до прибытия полиции содержит все признаки преступления, незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ). В подавляющем числе случаев уголовные дела о незаконном лишении свободы в такой ситуации не возбуждаются, что представляется правильным, т.к. задержание за мелкое хищение, по существу, является полезной помощью полиции в ее полезной работе. Такие деяния, хотя и противоречат букве закона, могут не рассматриваться в качестве

преступлений ввиду малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Но не всегда это деяние можно назвать малозначительным; к примеру, лицо, совершившее мелкое хищение, может страдать сердечно-сосудистыми заболеваниями, оно может испытать сильное волнение в результате изобличения совершенного им хищения, последствия чего могут быть сколь угодно тяжкими, вплоть до смерти. При таких обстоятельствах сослаться на малозначительность будет сложно. Причинной связи между задержанием и смертью не будет, причина смерти — болезнь. Но для уголовной ответственности за незаконное лишение свободы не требуется наступления каких-либо последствий.

Строго следуя букве закона, кассир и охранник, изобличив расхитителя, не имеют права его задерживать, если он оставит похищенное даже в случае оконченного мелкого хищения. Только в случае перерастания кражи в грабёж, когда он пытается уйти, унося краденое, возникает право на необходимую оборону (ст. 37 УК РФ) и задержание преступника (ст. 38 УК РФ). При этом работники магазина, как правило, несут коллективную полную материальную ответственность за недостачи, хищения лишают их значительной части заработка.

В отличие от СССР, где часть недостач в магазинах самообслуживания автоматически списывалась с учетом высокой вероятности краж²⁹, в наше время этот вопрос оставлен на усмотрение хозяина магазина, который не заинтересован в таких списаниях (ст. 242–248 ТК РФ). На это его ориентирует и налоговая служба. Хозяину магазина сложно учесть потери от хищений при расчете налога на прибыль, налоговая служба требует подтверждение убытков от хищений, виновники которых не установлены (в составе внереализационных расходов)³⁰, постановлениями о приостановлении или прекращении производства по делу на этом основании³¹. В производстве по делам

²⁸ Долгих И. П., Черняев Г. М. Крупные проблемы мелкого хищения // *Universum: Экономика и юриспруденция*. 2014. № 1 (2). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/828> (дата обращения: 07.02.2025).

²⁹ Приказ Министерства торговли СССР от 23.03.1984 № 75 «Об утверждении дифференцированных размеров списания потерь товаров в магазинах самообслуживания».

³⁰ Пп. 5 п. 2 ст. 265 Налогового кодекса РФ.

³¹ Такое разъяснение было прямо дано в письме Минфина РФ от 06.12.2012 № 03-03-06/1/630. Решением ВАС РФ от 04.12.2013 № ВАС-13048/13 это письмо признано не соответствующим НК РФ в той части, в которой подтверждением факта убытков может быть только постановление следователя органов внутренних дел о приостановлении или о прекращении уголовного дела. Но вопрос так и остался нерешенным. Письмом ФНС от 05.02.2024 № СД-2-3/1529 разъяснено, что убытки не могут быть подтверждены

об административных правонарушениях такие постановления не выносятся. Они выносятся по уголовным делам, но и по уголовным делам органы внутренних дел неохотно их выносят, так как это портит им статистику раскрываемости. В действительности недостатки покрывают работники. Они могут судиться с работодателем, ссылаясь на то, что тот не обеспечил надлежащих условий для хранения имущества, им вверенного (в магазинах самообслуживания такие условия создать сложно, это не окупится экономически). Но реальная жизнь такова, что спорить с работодателем почти всегда невыгодно, проще уволиться по-хорошему, что и объясняет как высокую текучесть кадров в торговле, так и нередкую физическую расправу охранников с мелкими расхитителями на месте и без полиции. Можно компенсировать убытки от хищений повышением цены, но это часто невозможно экономически с учетом конкуренции на рынке. В итоге добросовестному налогоплательщику в условиях конкуренции выжить сложно, что само по себе составляет серьезную экономическую проблему.

В целом ущерб от мелких хищений в России недооценивается. Статистический инструментарий для наблюдения за этим ущербом отсутствует. При этом можно с уверенностью предположить, что мелких хищений совершается не меньше, чем хищений уголовно наказуемых. Можно предположить и то, что ущерб от мелких хищений в масштабах общества не меньше ущерба от уголовно наказуемых хищений. Можно предположить обратное, но пока этого никто не сделал и не обосновал. Совершать мелкие хищения в наше время как никогда просто, повсюду сетевые магазины самообслуживания, торговые центры, склады интернет-магазинов с низкооплачиваемыми работниками, риск ответственности при этом невысокий. Интерес же в совершении мелких хищений для некоторых социальных групп высокий, чаще всего крадут продукты питания и алкоголь. Для лиц, не занятых в народном хозяйстве, в том числе не желающих работать, мелкие хищения могут быть основным средством к существованию. Такое лицо совершает мелкие хищения в виде промысла и становится, по существу, профессиональным похитителем чужого имущества, но при этом в силу закона преступником он

не становится. Для мелких хищений характерен крайне высокий уровень латентности. Как уже отмечено, они оформляются, как правило, только на стадии покушения, когда похититель задержан на месте. Потерпевшие не заинтересованы в том, чтобы обращаться в полицию, так как понимают, что хищение не будет раскрыто. Полиция не заинтересована в оформлении обращений потерпевших по той же причине.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ УК РФ дополнен статьей 158¹, предусмотревшей ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию. Статья эта обоснованно критикуется. Сложно объяснить, почему в основу криминализации положена административная преюдиция, а судимость не положена. Если гражданин украл бутылку коньяка стоимостью 1,5 тыс. руб., оштрафован по ст. 7.27 КоАП, уплатил штраф, после чего до истечения года совершил новое мелкое хищение — он подлежит уголовной ответственности. Если при все тех же обстоятельствах он украл 2 бутылки, оштрафован по ч. 1 ст. 158 УК РФ, уголовная ответственность для него не предусмотрена.

Сложно объяснить и то, почему первое хищение в контексте административной преюдиции должно быть обязательно в отношении предмета ценою более 1 000 руб. Разница между медианными 500 руб. и 1 250 руб. небольшая, она несущественная. Нельзя придавать в уголовном законе существенное значение несущественным обстоятельствам. Существенно то, что человек, будучи наказан за хищение, вновь совершил хищение. По сути, это, хотя формально и не попадает под понятие рецидива, данное в УК РФ, является самым настоящим рецидивом, определяя высокую опасность личности преступника.

Более того, для лиц, не имеющих судимости, уголовная ответственность предусмотрена более мягкая, чем ответственность административная. Закон запрещает применять лишение свободы за преступления небольшой тяжести при отсутствии судимости, в том числе и за мелкое хищение. Наказание в виде ареста не введено в действие и в обозримом будущем введено в действие не будет. Принудительные работы не могут быть назначены, т.к. не может

документами, составленными должностными лицами хозяйственного общества по результатам инвентаризаций, они должны быть подтверждены «уполномоченным органом государственной власти». При этом уполномоченных органов власти, обязанных подтверждать такие убытки, не существует.

быть назначено лишение свободы, альтернативой которого они являются. От советского архаичного наказания в виде исправительных работ просто уклониться — достаточно устроиться за минимальную зарплату садовником к любящей матери. Фактически это наказание назначается нередко, но оно неэффективно. Штраф в размере дохода суды избегают назначать, боясь ошибиться, возможных способов исчисления такого штрафа много, а единообразной методики нет. В итоге по ст. 158¹ УК РФ можно назначить небольшой штраф в размере до 40 тыс. руб. или ограничение свободы (бессмысленное в практическом плане, т.к. нельзя запретить человеку посещать продуктовый магазин). На практике суды назначают по ст. 158¹ УК РФ небольшие штрафы³². В первой половине 2024 г. штрафы по этой статье назначены 205 осужденным, общая сумма штрафов составила 1 679 051 руб., средний размер штрафа составил соответственно 8 153 руб. 65 коп.³³ В тот же период по ст. 7.27 КоАП назначены 23 909 штрафов в общей сумме 39 420 994 руб.³⁴, средний размер административного штрафа составил 1 648 руб. 79 коп. И административный, и уголовный штраф за мелкое хищение небольшой, штрафы эти также не могут рассматриваться в качестве эффективного средства предупреждения корыстного правонарушения. Очевидно, что выгода от правонарушений быстро окупится и в том и в другом случае. При этом в КоАП реальной альтернативой штрафу являются арест (14 454) и обязательные работы (2 694).

Административная преюдиция может быть оправдана, когда она является инструментом декриминализации. Она приемлема, когда противоправность деяния неочевидна, при этом доказать факт совершения преступления просто, не требуются сложные криминалистические методики. В такой ситуации административное наказание служит серьезным

предупреждением для правонарушителя о недопустимости повторения противоправного поведения. Противоправность же краж понятна даже детям, при этом расследование мелких хищений, не пресеченных на месте, на стадии покушения, — работа не простая.

Проблема усугубляется в связи с позицией Верховного Суда РФ, изложенной в п. 16 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»³⁵: «От совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление». Требование установления «одного источника» может трактоваться в том смысле, что квалификация в качестве уголовно наказуемого деяния хищения с использованием информационных технологий у 1 000 потерпевших по 2,5 тыс. руб. у каждого с единым умыслом, направленным на хищение имущества неопределенного круга лиц, становится уголовно ненаказуемым ввиду отсутствия «одного источника». При этом и административные правонарушения подобные раскрыть крайне сложно, не выходя за рамки законного административного расследования. Означенное разъяснение Верховного Суда РФ не в полной мере отвечает общественным потребностям, в результате на практике нет единообразного его толкования. К примеру, разбойное нападение на водителя, перевозящего в грузовике сборный груз разных заказчиков, правильно в соответствии с принципом вины квалифицировать как единое преступление. В таких ситуациях правило об одном источнике либо игнорируется, либо один источник определяется обобщенным понятием, охватывающим несколь-

³² По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 1-м полугодии 2024 г. штрафы назначены лишь 205 осужденным, лишение свободы — 1 771. Это означает, что осужденные не только привлекались к административной ответственности за мелкое хищение, но и дополнительно имели судимость за какое-либо преступление, чаще всего за кражу. См.: Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 6 месяцев 2024 г.». Форма № 10.3.1.

³³ Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 6 месяцев 2024 г.». Форма № 10.3.1.

³⁴ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 6 месяцев 2024 г.». Форма № 1-АП.

³⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

ких потерпевших, либо в качестве единого источника указывается место, где находилось имущество³⁶. В итоге даже в разных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ понятие единого продолжаемого хищения различается, в п. 32 постановления от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³⁷ один источник уже не упоминается.

В целом можно отметить, что утверждение о том, что мелкое хищение не представляет общественной опасности, — утверждение голословное. Действительно, «несуны» не заслуживали сурового наказания, предусмотренного при советской власти за хищения социалистической собственности, смертная казнь в их отношении была бы политической ошибкой. Но декриминализация в 1999 г. мелких хищений частной собственности, за которые были предусмотрены наказания существенно более мягкие, небесспорна в контексте ее обоснованности. По действующему уголовному закону за простую кражу при отсутствии судимости вообще нельзя назначить лишение свободы, ни реальное, ни условное.

Очевидно, что кража 3 тыс. руб. представляет не большую общественную опасность, чем две кражи 2,5 тыс. руб., совершенные одним и тем же лицом. В последнем случае опасность даже большая ввиду как суммы краденого, так и повторения хищения. Если же совершена дюжина мелких хищений одним лицом, ведущим паразитический образ жизни, правильно рассматривать вопрос в контексте преступного промысла и профессиональной преступности.

Главная проблема, связанная с упразднением уголовной ответственности за мелкие хищения, — это развращение населения. Когда мелкие хищения становятся массовыми — это не только серьезная экономическая проблема. Это школа преступности для молодежи, мобилизация человеческого ресурса для преступного мира, социальная база криминальной субкультуры. Если человек совершает мелкие хищения, он уже преодолел тот моральный барьер, который удерживает его от совершения серьезных преступлений. Угроза наказания не удерживает его, так как он привыкает к тому, что хищения могут оставаться безнаказанными.

Сравнительно-правовой аспект

Мелкие хищения бывают разные. Одинокая кормящая мать может украсть кусок сыра или колбасу, потому что ей нечего есть. Лицо, ведущее паразитический образ жизни, не желающее трудиться, может украсть алкоголь и закуску. Представляется, что к разным мелким хищениям нужен различный подход. Уже в петровском Артикуле воинском 1715 г., составленном по образцу законов европейских, такая дифференциация проводилась. Артикул 189 предусматривал за воровство шпицрутены, отрезание носа и ушей со ссылкой на каторгу. За воровство более 20 руб., четвертую кражу и другие виды квалифицированного воровства предусматривалось в артикулах 191 и 192 безальтернативное повешение. Но в толковании к артикулу 195 указано: «Наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет...». В УК РСФСР 1926 г. привилегированный состав кражи личного имущества был предусмотрен в п. «а» ст. 162, кража без квалифицирующих признаков, «совершенная вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи», не наказывалась лишением свободы.

Подобные нормы существуют и в современных кодексах. К примеру, § 141 Уложения о наказаниях *Австрии* (Strafgesetzbuch) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного месяца или штрафа в размере до 60 ставок за особый вид привилегированного воровства (кражи и грабежа в нашем понимании) и присвоения чужого имущества (Entwendung). Предмет — малоценные вещи. Деяние совершается по нужде, безрассудству или для непосредственного удовлетворения потребности при отсутствии признаков квалифицированного воровства или присвоения. Преследуется это деяние только по заявлению потерпевшего. Деяние это и вовсе ненаказуемо, если совершается во вред супругу, зарегистрированному сожителю, предку, потомку, брату, сестре, другому родственнику, если тот совместно проживает с совершившим деяние. Ненаказуемо также деяние, совершенное в от-

³⁶ Курсаев А. В. Единый источник как признак продолжаемого хищения // Уголовное право. 2024. № 6. С. 31–44.

³⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

ношении малоценных плодов земли (плодов деревьев, лесных продуктов, древесины).

Раньше нормы о подобных преступлениях существовали и в *Германии* (Notentwendung, воровство и присвоение, совершенные по нужде в отношении любого малоценного имущества, Mundraub, воровство и присвоение, совершенные изначально в отношении продуктов питания), и в *Швейцарии* (Entwendung, похожее на австрийское). Ответственность за такое воровство и присвоение была уголовная, более мягкая в сравнении с базовыми нормами, но не административная. По мере роста народного благосостояния и социального обеспечения эти нормы были упразднены в Германии в 1975 г., в Швейцарии в 1995 г., теперь ответственность за такие деяния наступает по общим нормам о воровстве (Strafgesetzbuch, § 242 Diebstahl) и присвоении (§ 246 Unterschlagung). Вместе с тем в Германии сохранился особый порядок уголовного преследования за воровство и присвоение малоценных предметов — преследование осуществляется по заявлению потерпевшего, если прокурор не сочтет вмешательство государства необходимым в силу особого общественного интереса (§ 248a). Малоценность предмета — оценочный признак. Иногда суды признают малоценными предметы стоимостью 50 евро, но это не создает прецедента. К квалифицированному воровству и разбоя эта норма не применяется. Но при этом малая ценность предметов воровства исключает вменение некоторых квалифицирующих признаков. Этим исчерпывается уголовно-правовое значение цены похищенного.

Во *Франции* до недавнего времени не существовало особой квалификации для мелкого воровства (кражи, грабежа и разбоя в нашем понимании), всякое воровство (vol), независимо от размера, квалифицировалось по ст. 311-1–311-13 Кодекса о наказаниях (Code pénal). Максимальное наказание за простое воровство — 3 года лишения свободы со штрафом в размере до 45 тыс. евро. Альтернатива лишению свободы — штраф. Более строгое наказание может быть назначено за квалифицированное воровство, в том числе и мелкое в нашем понимании, если оно совершено несколькими лицами, как соисполнителями, так и иными со-

участниками; если оно совершено публичным служащим с использованием служебного положения или лицом, неправомерно присвоившим этот статус; если похищается предмет, необходимый для оказания неотложной медицинской помощи; если это воровство из жилища или хранилища, воровство на общественном транспорте, в организации образования или рядом; если воровство сопряжено с порчей имущества; если оно совершено человеком, скрывающим свое лицо, или предназначено для незаконной торговли животными; если деяние совершено с помощью несовершеннолетнего; если похищенное представляет особую культурную ценность или является археологической находкой; если воровство сопряжено с насилием (не требуется, чтобы насилие было способом похищения), использованием особого состояния потерпевшего (возраст, болезнь, беременность и др.) и при некоторых других обстоятельствах. Например, воровство в любом размере может быть наказано лишением свободы на срок до 20 лет, если вор во время совершения преступления имел при себе оружие (ст. 311-8). Таким образом, размеру хищения изначально существенного значения не придавалось, важными были признаны другие обстоятельства³⁸.

В течение последних лет материальное благосостояние французов, как и прочих европейцев, заметно ухудшилось в связи с инфляцией. Существенно выросло количество мелкого воровства в магазинах, нужно было разгрузить полицию, жандармов, прокуроров и суды. Закон № 2022-52 от 24.01.2022³⁹ предусмотрел норму об освобождении от уголовной ответственности за простое воровство (при отсутствии квалифицирующих признаков) в связи с возмещением ущерба и уплатой фиксированного штрафа (ст. 311-1-1). Условия освобождения: цена предмета не превышает 300 евро; предмет добровольно возвращен потерпевшему или возмещен причиненный ущерб (на момент оформления). Основание освобождения: уплата фиксированного штрафа в размере 300 евро. Размер штрафа может быть снижен до 250 евро (если уплатить в течение 15 дней со дня оформления) и повышен до 600 евро (если не уплатить в течение 45 дней), повышенный штраф при отсутствии жалобы или ходатайства лица,

³⁸ В российской правовой доктрине рациональное обоснование такого подхода см.: Таганцев Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С приложением мотивов и извлечений из решений уголовного кассационного департамента сената. СПб., 1879. С. 240–244.

³⁹ Loi No. 2022-52 du 24 janvier 2022 relative à la responsabilité pénale et à la sécurité intérieure.

которому предложено его платить, взыскивается в принудительном порядке. Полномочие прекратить уголовное преследование дискреционное. Повторение деяния не исключает освобождения от ответственности. Этот вид освобождения не применяется в отношении несовершеннолетних. Лицо, которому предложено платить штраф, имеет право на доступ к правосудию, оно вправе направить прокурору ходатайство о рассмотрении дела о краже в суде. В этом случае, если будет вынесен обвинительный приговор, назначенное наказание не может быть мягче фиксированного штрафа, лишь в исключительных случаях суд вправе пренебречь этим правилом. Французское освобождение от уголовной ответственности за кражу не является полным от нее освобождением в нашем понимании. Оплата фиксированного штрафа и его принудительное взыскание (если лицо не обжаловало штраф) приравнивается к обвинительному приговору для применения правил о рецидиве. Французский фиксированный штраф взыскивается в несудебном порядке, т.е., по существу, является административным. Тем не менее он фиксирует совершение лицом преступления для учета рецидива.

В РСФСР также существовала сходная норма об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной, закрепленная в ст. 50¹ УК 1960 г.⁴⁰ Эта статья не могла быть применена к кражам, действие ее было ограничено преступлениями, наказание за которые не превышало одного года лишения свободы, кража наказывалась строже. Согласно § 12 Инструкции о едином учете преступлений, утвержденной Генеральным прокурором СССР 30 декабря 1985 г. № 59/11, лица, в отношении которых прекращены уголовные дела на основании ст. 50¹, считались совершившими преступления. Этот пункт был признан неконституционным Комитетом конституционного надзора СССР, нарушающим принцип презумпции невиновности, неконституционными были признаны и нормы об освобождении от уголовной ответственности Основ уголовного законодательства ССР и союзных республик, после чего все советские нормы об освобождении от уголовной ответственности больше не при-

менялись в России⁴¹. Действующее уголовное законодательство России в этом вопросе непоследовательно. В первоначальной редакции действующего УК не было норм об освобождении от ответственности с применением мер принуждения (кроме норм об освобождении от ответственности несовершеннолетних, свобода которых и без того не безгранична). В строгом соответствии с Конституцией РФ лица, освобожденные от ответственности, считались невиновными. Действующий закон вновь предусматривает применение к освобожденным от ответственности мер принуждения (ст. 76¹ и 76² УК РФ). Административное, трудовое и семейное законодательства предусматривают серьезные ограничения прав и свобод для освобожденных от уголовной ответственности. Дискредитирована и норма о погашении и снятии судимости. Федеральным законом от 29.06.2015 № 194-ФЗ внесены изменения в ч. 6 ст. 86 УК РФ, теперь там указано, что погашение или снятие судимости аннулируют не все последствия судимости, а только те, которые предусмотрены УК РФ. При таких обстоятельствах институт освобождения от уголовной ответственности и нормы о погашении и снятии судимости в России в значительной мере утратили актуальность.

В Англии уголовная ответственность за мелкое воровство в магазине (*low-value shoplifting*) и соучастие в нем предусмотрена § 176 Закона об антиобщественном поведении, преступности и полиции 2014 г. (*Anti-Social Behaviour, Crime and Policing Act*). В отличие от обычного хищения (*theft*) такое воровство по общему правилу преследуется без участия присяжных в суммарном порядке магистратскими судами. Передача дела в Суд Короны возможна только по заявлению обвиняемого. Условием применения этой нормы является признание вины. Воровство считается мелким, если цена похищенного не превышает 200 фунтов (цена предложения продавцом, а не закупочная, в случае нескольких краж в одном процессе цена суммируется, т.е. возможно обвинение в *theft*). Похищенное должно быть предложено для покупки в магазине или любом другом месте, где ведется торговля, при этом в момент совер-

⁴⁰ Введена Указом Президиума ВС РСФСР от 11.03.1977.

⁴¹ Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13.09.1990 № 2-8 «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека».

шения деяния лицо должно быть покупателем или выдавать себя за покупателя или потенциального покупателя. Преступление окончено, когда предмет с намерением его похитить сдвинут с места, при этом и покушение наказуемо, если сил не хватит. Намерение, как правило, будет понятно на линии касс, но можно его установить и из предшествующего поведения. Максимальное наказание, которое может быть назначено в суммарном порядке, — 6 месяцев лишения свободы, в случае рассмотрения дела Судом Короны — 51 неделя. Штраф может быть применен в качестве альтернативного или дополнительного наказания, размер штрафа определяется по усмотрению суда, закон больше не ограничивает максимальный размер штрафа, налагаемого в суммарном порядке.

Существует и упрощенный порядок наложения штрафа за это преступление без явки обвиняемого в суд — лицу может быть по усмотрению полиции направлено уведомление о необходимости признать вину (признать вину можно и по почте) и уплатить штраф в размере 70 фунтов, в случае неуплаты процесс продолжается в обычном (суммарном) порядке. По сути, этот упрощенный порядок представляет собой освобождение от уголовной ответственности с применением административной.

Распространяемые в средствах массовой информации сведения о том, что мелкие кражи уголовно ненаказуемы в США (обычно приводят в пример Калифорнию) действительности не соответствуют. В США, как и в других странах с развитой рыночной экономикой, лозунг «грабь награбленное» еще не стал принципом уголовной политики. В уголовном праве Калифорнии действительно различают мелкое воровство (petty theft) и воровство крупное (grand theft), оба деяния уголовно наказуемы. Крупное воровство имеет место в случае, когда стоимость похищенного превышает 950 долл., а также в иных случаях, когда воровство при наличии квалифицирующих признаков отнесено к числу серьезных преступлений (felony). В противном случае воровство считается мелким, наказание за это преступление небольшой тяжести (misdemeanor)⁴² предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев и штрафа в размере до 1 000 долл., штраф может быть как основным, так и дополнительным наказанием.

Параграф 459.5 Кодекса о преступлениях Калифорнии (введен 4 ноября 2014 г.) предусматривает особенности ответственности за воровство в магазинах (shoplifting). Раньше в таких случаях обычно вменялась суровая норма о проникновении в чужое помещение с намерением совершить преступление (burglary). Теперь это разновидность мелкого воровства в том же размере (до 950 долл. включительно) и с такими же санкциями (до 6 месяцев заключения), но с рядом особенностей. Преступление окончено уже в момент, когда лицо вошло в магазин с намерением совершить мелкое воровство. Если намерение возникло после входа — это petty theft, а не shoplifting. Санкции одинаковые, но последнее, прежде понимаемое в качестве burglary, остается более предосудительным в народном правосознании. В обоих случаях нужно доказать намерение совершить воровство, но оно может быть доказано и в ситуации, когда вор еще не вышел из магазина, например если он спрячет товар в одежде. В обоих случаях возможно примирение с потерпевшим (civil compromise), в ходе которого обвиняемый возмещает потерпевшему убытки, обе стороны приходят в суд, и судья, заслушав стороны и с учетом мнения потерпевшего и прокурора, прекращает уголовное преследование (по усмотрению судьи), судимости (criminal record) в этом случае не будет.

Согласно § 666 при рецидиве, если лицо ранее отбывало лишение свободы за имущественные (в том числе за мелкое воровство), половые преступления, насильственные или иные серьезные преступления, вновь совершенное мелкое воровство, в том числе в магазине, может по усмотрению суда быть признано серьезным преступлением и наказано лишением свободы на срок до 1 года (альтернативный штраф не предусмотрен).

Следует учитывать, что в Калифорнии, как и во многих других штатах США, реализована концепция «закона о трех ударах» (three strikes law), соответствующий закон был принят на референдуме в 1994 г. Если у лица была судимость за два серьезных преступления (felony) и оно осуждается за новое преступление, включая мелкое воровство, наказание должно быть назначено в виде лишения свободы на срок до 25 лет или пожизненно. В 1995 г. Джерри Д.

⁴² К этой категории в Калифорнии относятся преступления, наказание за которые не превышает 364 дня заключения в тюрьме графства и штраф в размере 1 000 долл. Соответственно, преступления, которые наказываются строже, считаются фелониями.

Уильямс был осужден к такому наказанию за то, что похитил у детей кусок пиццы. Суровый приговор вызвал критику и общественный резонанс. В 2004 г. этот закон попытались отменить, вопрос был вынесен на референдум, против сурового закона выступил губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер и представители правоохранительных органов, но калифорнийцы отклонили предложение. Лишь в 2012 г. закон смягчили: с учетом последовавших изменений к мелкому воровству закон о трех ударах больше не применяется, он применяется за серьезные насильственные, половые и некоторые другие преступления, перечень которых определен § 667 и 1192.7 Кодекса о наказаниях.

В бывших республиках СССР, в советский период имевших сходные нормы о мелком хищении, развитие этих норм пошло разными путями. В Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Латвии и Эстонии мелкое хищение стало деянием уголовно наказуемым без административной преюдиции. В Таджикистане, как и в советском праве, мелким (административным правонарушением) может быть признано хищение только государственного и общественного имущества, хищение частного имущества уголовно наказуемо в любом размере. Сходным образом решается вопрос и в Узбекистане, но там мелким признается хищение имущества любых предприятий, учреждений и организаций, независимо от формы собственности. Если в капитале организации нет доли государства, и мелкое хищение совершено работником организации, административная ответственность наступает только по заявлению работодателя, в противном случае деяние останется безнаказанным. В Туркмении, как и в России, уголовная ответственность за мелкое хищение предусмотрена при административной преюдиции, но повторное уголовно наказуемое мелкое хищение, в отличие от России, считается уже квалифицированным простым хищением (не мелким), максимум санкции за повторную кражу — до 8 лет лишения свободы. В Азербайджане, Армении, Беларуси, Литве, Молдове и Украине

уголовная ответственность за мелкое хищение любого имущества, как государственного, так и частного, не предусмотрена, ответственность административная, как это было и в России до вступления в силу Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ.

Выводы

Вывод о том, что мелкие хищения не представляют общественной опасности, представляется небесспорным. Мелкие хищения практически повсеместно, кроме современной России и некоторых бывших советских республик, считаются уголовно наказуемыми деяниями. В Российской империи и СССР мелкие хищения личного имущества всегда влекли уголовную ответственность. В Российской Федерации мелкие хищения частного имущества были декриминализованы сравнительно недавно, в 1999 г., обоснованность такого законодательного решения небесспорна.

Мелкое хищение нельзя рассматривать в качестве административного правонарушения. Административные (полицейские) наказания — это изобретение немецкой полицейской науки (Policeywissenschaft) XVII–XVIII вв. (от греческого «*πολιτεία*»)⁴³. Это была наука об управлении государством, зачатки современных наук управления, политологии, социологии, экономических наук (Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти, Йозеф фон Зонненфельс и др.). Влияние ее распространилось за пределы Германии. Классическая политическая экономия (Адам Смит и др.) стала ее критическим переосмыслением. В России Policeywissenschaft нашла отражение в утвержденном Екатериной II Уставе благочиния или полицейском 1782 г.⁴⁴ Полицейское государство в этом контексте — государство благоустроенное, с благими порядками, правильно администрируемое. Оно (наряду с борьбой с преступностью) призвано было установить правила, обеспечивающие благочиние в обществе. На органы местного управления возлагалась обязанность, действуя разумно и не без

⁴³ См.: *Stolleis M.* Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Erster Band: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800. München. 1988.

На русском языке см.: *Кильдюшов О. В.* Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. С. 9–40.

Греческий корень восходит к этическим и политическим идеям Аристотеля. Этот греческий корень участвует в словообразовании современных слов «политика» и «полиция».

⁴⁴ ПСЗРИ. Т. 21. № 15.379.

усмотрения местного начальства, пресекать нарушения порядка, применяя оперативно и в несудебном порядке сравнительно мягкие полицейские (административные в современном понимании) взыскания.

Мелкое хищение — это не нарушение порядка, это даже не нарушение запрета (*mala prohibita*), а зло в себе (*mala in se*). Мелкое хищение — это грубое нарушение чужого права, умышленное и корыстное причинение вреда другому человеку, деяние в принципе весьма предосудительное. Обвинение в любом воровстве бесчестит человека. Запрет воровства записан на Скрижалях Завета, где нет различия между мелким и прочим воровством, любое воровство губит душу человека. Мелкое воровство не менее позорно, чем крупное. В масштабах общества массовые мелкие хищения причиняют серьезный ущерб экономике, для конкретного полезного бизнеса они могут быть разорительными. В социальном аспекте мелкое хищение может стать преступным промыслом. Будучи массовым, оно развращает население и создает условия для развития криминальной субкультуры, разрушает здоровые ценностные ориентации в обществе. При таких обстоятельствах представляется разумным восстановить норму об уголовной ответственности за всякое хищение.

Декриминализация мелких хищений влечет и множество других проблем, в частности, она исключает возможность понимания в качестве предмета хищения вещей, рыночную цену которых определить невозможно или сложно, например коммерческих документов, не являющихся ценными бумагами, государственных наград. Так, пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 разъясняет, что похищение российских государственных наград «является одним из способов их незаконного приобретения и квалифицируется по статье 324 УК РФ». Статья 324 УК предусматривает наказание, не связанное с лишением свободы, за преступление небольшой тяжести. Следуя этому разъяснению, разбойное нападение на нашего ветерана с целью хищения его орденов следовало бы квалифицировать по ст. 324 УК РФ, а такое же нападение на ветерана вермахта — по ст. 162 УК РФ, части 3 и 4 которой предусматривают наказа-

ния за тяжкие и особо тяжкие преступления (до 15 лет лишения свободы). Вряд ли такая уголовная политика может быть разумной, полезной и справедливой.

Есть, конечно же, аргументы против криминализации мелкого хищения. Первый аргумент — лишение свободы не исправляет, а способствует появлению у человека криминальных связей. Это верно, но закон в качестве альтернативы лишению свободы предусматривает другие наказания, существуют многочисленные нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Причем нормы об освобождении от ответственности представляются чрезмерно радикальными, так как освобождение, даже многократное, не влечет судимости, лицо считается совершившим преступление впервые. Вряд ли эта фикция социально обусловлена. Представляется целесообразным пересмотреть вопрос об освобождении от ответственности за корыстные преступления, совершение которых может стать промыслом. К примеру, в законе можно предусмотреть, что лицо, ранее освобождавшееся от уголовной ответственности, не может быть по общему правилу освобождено от ответственности повторно. Исключение можно сделать для лиц, совершивших кражу продуктов питания, кроме алкогольной продукции, и иных необходимых человеку предметов потребления с целью их непосредственного потребления или использования лицом, их похитившим, или его близкими.

Второй аргумент против криминализации мелких хищений — процессуальная экономия. Нужно учитывать, что экономия эта несущественная. Дела о мелких хищениях и сейчас после административного расследования рассматривает судья. В итоге фактическая нагрузка на полицию и суд незначительно отличается от дознания в сокращенной форме и особого порядка вынесения приговора. Если же человек вину не признает — представляется, что он вправе доказывать свою невиновность в полноценном уголовном процессе. Нельзя забывать о том, что производство по делам об административных правонарушениях остается у нас инквизиционным, прокуроры редко посещают такие процессы, функцию обвинения вынужден принимать на себя судья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Долгих И. П., Черняев Г. М. Крупные проблемы мелкого хищения // *Universum: Экономика и юриспруденция* : электрон. науч. журн. 2014. № 1 (2). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/828> (дата обращения: 07.02.2025).

Кильдюшов О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // *Социологическое обозрение*. 2013. № 3. С. 9–40.

Курсаев А. В. Единый источник как признак продолжаемого хищения // *Уголовное право*. 2024. № 6. С. 31–44.

Матюхина Т. И. Уголовная ответственность за мелкие хищения в истории законодательства Российской Федерации // *Вестник экономической безопасности*. 2020. № 1. С. 111–116.

Морозова Н. А. Соучастие в совершении административного правонарушения // *Журнал российского права*. 2014. № 8. С. 113–125.

Таганцев Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С приложением мотивов и извлечений из решений уголовного кассационного департамента сената. СПб., 1879. 332 с.

Stolleis M. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland*. Erster Band: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800. München, 1988. 435 S.

REFERENCES

Dolgikh IP, Chernyaev GM. Petty Theft — A Big Problem. *Universum: Economics and Jurisprudence*. 2014;1(2). Available at: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/828> [Accessed 07.02.2025]. (In Russ.).

Kildyushov OV. Police as Science and Politics: On the Birth of the Modern Order from Philosophy and Policing Practice] *Sociological Review*. 2013;3(9-40). (In Russ.).

Kursaev AV. Single Source as a Feature of Ongoing Misappropriation. *Criminal Law*. 2024;6:31-44. (In Russ.).

Matyukhina TI. Criminal Liability for Petty Theft in the History of the Legislation of the Russian Federation. *Vestnik of Economic Security*. 2020;1:111-116. (In Russ.).

Morozova NA. Complicity in the commission of an administrative offense. *Journal of Russian Law*. 2014;8:113-125. (In Russ.).

Stolleis M. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland*. Erster Band: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800. München; 1988. (In German).

Tagantsev NS. Statute on Punishments Imposed by Justices of the Peace, with Attached Reasons and Extracts from the Decisions of the Criminal Cassation Department of the Senate. St. Petersburg; 1879. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клепицкий Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
oupi@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Klepitskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
oupi@ya.ru

*Материал поступил в редакцию 16 февраля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 15 марта 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2025 г.*

Received 16.02.2025.

Revised 15.03.2025.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.060-070

К. Н. Карпов

Омская академия МВД России
г. Омск, Российская Федерация

Дифференциация оснований отмены условного осуждения и освобождения от наказания

Резюме. Предусмотренные в уголовном законодательстве основания отмены условного осуждения, а также условных видов освобождения от наказания, связанные с противоправным поведением осужденного в период испытательного срока, выступают в роли средств дифференциации контроля за поведением лиц, совершивших преступление. Однако противоправное поведение осужденного в период испытательного срока, выражающееся в совершении административных правонарушений, не всегда может служить основанием для изменения средств социального контроля. Используемые законодателем формулировки ряда статей УК РФ не позволяют адекватно оценивать факты совершения административных правонарушений и своевременно реагировать на них, они сосредоточены на учете лишь случаев нарушения общественного порядка. Анализ материалов правоприменительной практики по контролю за условно осужденными и лицами, освобожденными от наказания, свидетельствует об отсутствии у органов, осуществляющих контроль за данными категориями осужденных, возможности своевременно отреагировать на отдельные факты противоправного поведения. Установление четких дифференцированных оснований для отмены применяемых условных мер уголовно-правового воздействия — инструмент повышения эффективности уголовного законодательства. В свете индивидуальных характеристик лиц, совершивших преступление, предлагается проводить развернутый и дифференцированный учет различных фактов совершения административных правонарушений, а также преступлений в зависимости от степени тяжести как показателей отсутствия исправления лица и сохранения его общественной опасности.

Ключевые слова: условное осуждение; административное правонарушение; испытательный срок; освобождение от наказания; общественный порядок; контроль за осужденным; дифференциация; преступление; наказание; уголовная ответственность

Для цитирования: Карпов К. Н. Дифференциация оснований отмены условного осуждения и освобождения от наказания. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 60–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.060-070

Differentiation of the Grounds for Revocation of a Suspended Sentence and for Release from Punishment

Kirill N. Karpov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation

Abstract. The revocation of suspended sentences and conditional forms of release from punishment, as prescribed by criminal legislation in cases of unlawful conduct during the probationary period, functions as a mechanism for differentiating the intensity of supervision over convicted individuals. Nevertheless, the commission of administrative offences during this period does not invariably constitute a sufficient basis for modifying the measures of social control. In a number of provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislative language does not facilitate a proper assessment or timely response to such offences, remaining

© Карпов К. Н., 2025

narrowly focused on breaches of public order. Empirical analysis of law enforcement practices regarding the supervision of offenders serving suspended sentences, as well as those conditionally released from punishment, reveals structural limitations within supervisory authorities that hinder prompt responses to certain forms of unlawful behavior. The introduction of clearly defined and differentiated statutory grounds for the termination of conditional criminal law measures would significantly enhance the effectiveness and precision of criminal justice policy. Considering the individual circumstances of offenders, the study advocates for the implementation of a nuanced framework that systematically classifies both administrative and criminal offences in accordance with the degree of their severity. Such an approach would serve as an indicator of an offender's failure to rehabilitate and the persistence of their social danger, thereby enabling more accurate and proportionate legal interventions.

Keywords: Conditional sentence; administrative offense; probationary period; release from punishment; public order; offender supervision; differentiation; crime; punishment; criminal liability

Cite as: Karpov KN. Differentiation of the Grounds for Revocation of a Suspended Sentence and for Release from Punishment. *Lex russica*. 2025;78(9):60-70. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.060-070

Введение

Правопослушное поведение осужденного в период нахождения на испытательном сроке — один из обязательных показателей достижения целей исправления лица. Данное требование очевидно для таких институтов, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ) либо освобождение от наказания условно-досрочно (ст. 79 УК РФ), а также иных условных (срочных) видов освобождения от наказания. Учитывая обозначенные в ч. 1 ст. 74 УК РФ цели применения условного осуждения — «лицо в период испытательного срока должно доказать свое исправление», — основным показателем такого исправления выступает его правомерное поведение. Соответственно, один из залогов эффективности данных инструментов уголовно-правового воздействия — своевременное реагирование на отклоняющееся противоправное поведение.

Среди необходимых профилактических мер по предупреждению правонарушений, совершаемых осужденными, К. А. Чистяков указывает на необходимость «усиления профилактического воздействия на условно осужденных, более подверженных личностным деформациям, путем установления особого контроля за условно осужденными, от которых можно ожидать совершения административного правонарушения, а также незамедлительного реагирования на совершенные правонарушения, дисциплинарные проступки либо нарушения,

допущенные условно осужденными во время испытательного срока»¹.

В свою очередь, анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства позволяет говорить о наличии недостаточно сбалансированных элементов в механизме реагирования государства на случаи нарушения установленных условий и неопределенности в вопросе продления либо отмены испытательного срока.

А. И. Чучаев выделяет «три варианта изменения воздействия исходя из негативного посткриминального поведения условно осужденного: 1) в случае систематического или злостного неисполнения возложенных на условно осужденного обязанностей либо если лицо скрылось от контроля (ч. 3 ст. 74 УК РФ); 2) в случае совершения преступления по неосторожности либо преступления небольшой или средней тяжести (ч. 4 ст. 73 УК РФ); 3) при совершении умышленного преступления средней тяжести, умышленного тяжкого либо особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 73 УК РФ)»². Сходные основания, с учетом некоторых особенностей, применяются в отношении условно-досрочно освобожденного и могут рассматриваться как аналогичные. Однако в приведенном подходе остаются неучтенными положения ч. 2, 2.1 и частично ч. 3 ст. 74 УК РФ, также содержащие варианты негативного постпреступного поведения осужденного, требующего реакции со стороны государства. Например, уклонение от

¹ Чистяков К. А. Некоторые вопросы предупреждения административных правонарушений, совершаемых условно осужденными // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сборник научных трудов. Вып. 4. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2016. С. 218.

² Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М. : Проспект, 2021. С. 219–220.

исполнения возложенных обязанностей или уклонение от возмещения вреда, причиненного преступлением, а также нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности³.

1. Административное правонарушение как основание отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения

Изменение содержания уголовно-правового воздействия в отношении условно осужденных, а также лиц, освобожденных от наказания условно (ст. 79, 80.2 УК РФ), возможно в случае совершения не только преступления, но и менее опасных правонарушений. Так, в случае совершения осужденным, находящимся под контролем специализированных органов, административного правонарушения либо нарушения общественного порядка и привлечения за это к административной ответственности возможны несколько вариантов реагирования. Речь идет о продлении испытательного срока, либо дополнении ранее установленных ограничений, либо отмене условного осуждения и направлении лица для отбытия наказания (ч. 3 ст. 74 и п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Несмотря на разность используемых законодателем формулировок: «нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности» (ч. 3 ст. 74 УК РФ, ч. 1, 4 ст. 190 УИК РФ); «совершил нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание» (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ), — фактически изменение условий контроля происходит вследствие административно-противоправного поведения лица (единичного либо систематического). Данное основание отмены испытательного срока неоднократно выступало в качестве предмета научной критики⁴. Звучали предложения об исключении его из уголовного закона либо, наоборот, об использовании максималь-

но обобщенной формулировки «совершение любого административного правонарушения» в качестве упомянутого основания, однако на сегодняшний день эти предписания УК РФ остаются в прежнем виде.

Представляется, что используемые в настоящий момент в уголовном законодательстве формулировки имеют ряд проблемных либо спорных моментов.

Во-первых, термин «наложение административного взыскания» был характерен для ранее действовавшего КоАП РСФСР (гл. 4)⁵, который утратил силу. В действующем же КоАП РФ речь идет о привлечении к административной ответственности и назначении наказания (например, ст. 3.2, 4.6 и др.). Соответственно, использование устаревшей терминологии не может отвечать потребностям правоприменительной практики.

Во-вторых, выделение в качестве особой категории административных правонарушений посягательств на общественный порядок не соответствует современным характеристикам опасности (вредности) данных деяний в контексте показателей исправления/неисправления условно осужденного (освобожденного условно-досрочно) и потребностей контроля его поведения.

Если в середине прошлого столетия криминологические характеристики преступности (личности преступника) подтверждали необходимость особого отношения к нарушениям именно общественного порядка⁶, то в современном мире разноплановость преступного поведения и самих лиц, совершающих преступления, обуславливает необходимость учета намного более разносторонних показателей исправления/неисправления осужденного и своевременной отмены назначенной условной меры воздействия.

В частности, лица, совершающие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, корыстные преступления, преступления в сфере

³ Шнитенков А. В. Условное осуждение: отмена или продление испытательного срока // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 42–47.

⁴ Шкарлет Н. А. Административно-преюдициальные основания продления испытательного срока или отмены условного осуждения // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 86–89; Чистяков К. А. Некоторые вопросы профилактики преступлений и административных правонарушений, совершаемых условно осужденными // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 159–160.

⁵ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г. (утратил силу 30 декабря 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2018.

информационных технологий, коррупционные преступления и т.д., не склонны к открытому демонстративному нарушению общественного порядка⁷. В то же время совершение ими других специфических правонарушений может свидетельствовать о недостижении целей предоставленного им стимула в виде условного осуждения (условно-досрочного освобождения). Например, совершение в период испытательного срока коррупционных правонарушений (ст. 5.16 КоАП РФ «Подкуп избирателей, участников референдума...», ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»), мелкого хищения имущества (ст. 7.27 КоАП РФ), незаконного оборота наркотиков (ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача...»), нарушение правил дорожного движения (гл. 12 КоАП РФ) и т.д. на сегодняшний день не являются обстоятельствами, влекущими отмену испытательного срока, даже если лица продолжают совершать однотипные посягательства.

Выборочное изучение материалов дел лиц, находящихся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН РФ, показывает, что около 63 % осужденных в период испытательного срока привлекаются к административной ответственности, а 37 % совершают административные правонарушения два раза и более. При этом нарушения общественного порядка составляют около 23 % от числа всех правонарушений⁸.

Закрепленные в КоАП РФ нормы предусматривают в качестве правонарушений различного рода деяния, обладающие равной либо даже большей степенью общественной вредности (опасности) в сравнении с нарушениями общественного порядка. Об этом свидетельствуют различные факторы: объекты охраны, размеры и разновидности наступающих последствий, а

также предусматриваемые за эти деяния наказания.

Пленум ВС РФ в своих разъяснениях указывает на необходимость «учитывать все совершенные условно осужденным в течение испытательного срока факты неисполнения возложенных на него обязанностей, нарушения общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности»⁹. Но в практической плоскости само по себе совершение осужденным административного правонарушения далеко не всегда влечет за собой негативные последствия именно в виде отмены (продления) испытательного срока и направления лица для отбытия наказания.

Нередко суды напрямую в приговоре устанавливают для осужденного обязанность «не совершать административных правонарушений» как одно из обязательств, устанавливаемых на период испытательного срока. В результате изучения приговоров и материалов дел лиц, находящихся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН РФ, выявлено, что такое обязательство устанавливается в 7 % приговоров. Учитывая наличие открытого перечня обязательств, назначаемых осужденному в контексте ст. 73, 79 УК РФ, такого рода обязательство формально допустимо. Соответственно, в практике работы уголовно-исполнительных инспекций в случае прямого указания в приговоре на такого рода «обязательство» оно рассматривается как неисполнение осужденным возложенных на него обязанностей.

Таким образом, совершение лицом нового административного правонарушения приобретает двойственное значение. Оно может рассматриваться, с одной стороны, как несоблюдение установленных обязательств и влечь продление испытательного срока, а с другой — как самостоятельное основание для его отмены (ч. 3 ст. 74 УК РФ, ст. 190 УИК РФ). На наш взгляд,

⁷ Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001; Кетенчиева Е. С. Криминологическая характеристика личности мигрантов, совершающих незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. С. 64–69; Харзинова В. М. Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 112–115; Гришко Л. Е., Прысь И. Е. Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 4. С. 470–475.

⁸ Данные получены в результате выборочного изучения материалов 200 дел на лиц, находящихся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН Омской области.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» // СПС «КонсультантПлюс».

такое дублирование в приговоре обязательств не совершать административных правонарушений порождает ряд противоречий в правовом статусе осужденного¹⁰.

Установленные в КоАП РФ и УК РФ запреты и без того обязательны для всех граждан и, соответственно, не являются каким-то особым правоограничением. Кроме того, привлечение лица к административной ответственности и исполнение им наказания по общему правилу должны исключать возможность повторной ответственности за одно и то же деяние. Например, в случае совершения преступления с административной преюдицией факт повторного административного правонарушения не влечет административной ответственности, а производство по нему прекращается для уголовного разбирательства.

В то же время мы можем согласиться с тем, что специфика совершенного преступления и характеристики лица, его совершившего, могут потребовать повышенного внимания к соблюдению осужденным правомерного поведения в той либо иной сфере правоотношений. Лицу, осужденному за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, в качестве критерия исправления может быть установлено требование не совершать правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков (наркотикосодержащих растений), лицу, осужденному за совершение преступления в области безопасности дорожного движения (гл. 27 УК РФ), могут быть выдвинуты аналогичные требования в части соблюдения административного законодательства в данной сфере.

Совершение в период испытательного срока указанных правонарушений должно рассматриваться как неисполнение возложенных на лицо обязанностей только в том случае, если они были персонально установлены для осужденного (путем перечисления норм КоАП РФ либо указания на объект правонарушений). Такой подход в большей степени будет способствовать индивидуализированному воздействию на осужденного. Использование же для установле-

ния ограничения общей формулировки «не совершать административных правонарушений» носит чрезмерно широкий характер и может не отражать реальной степени опасности лица. Например, совершение даже незначительных неумышленных правонарушений, допущенных по невнимательности, может повлечь неблагоприятные последствия для осужденного в виде продления срока либо установления дополнительных ограничений, а в перспективе и его отмены.

Различные правовые последствия, наступающие в случае совершения административного правонарушения (ст. 74 УК РФ) и в случае уклонения от исполнения возложенных обязанностей (в части совершения административного правонарушения), не должны вступать в противоречие между собой.

Представляется, что изложенные в ч. 3 ст. 74 УК РФ случаи выступают в роли самостоятельных оснований отмены условного осуждения и не требуют их сочетания. Так, систематическое неисполнение обязанностей либо сокрытие от контроля влекут отмену условного осуждения даже без установления фактов привлечения к административной ответственности. Если данные два факта могут находиться в очевидном взаимодействии, т.е. когда лицо скрывается от контроля, оно, соответственно, и не выполняет возложенных на него обязанностей (являясь в контролирующей орган, не покидать места проживания и т.д.), то в части административных правонарушений такой совместности не проявляется.

Указанный подход порождает и ряд организационных сложностей, приводящих к невозможности оперативно и адекватно отреагировать на продолжение противоправных действий осужденного¹¹.

Например, в настоящее время отказ лица, находящегося в общественном месте в состоянии опьянения, от медицинского освидетельствования не позволяет оформить протокол и привлечь его по соответствующему составу ст. 20.21 КоАП РФ. Следующее же за фактом отказа оформление протокола и привлечение

¹⁰ Трифонов А. Ю., Дишкова Д. Р. Соотношение административно-правового статуса граждан РФ и лиц, условно осужденных // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 33. С. 128.

¹¹ Скрипченко Н. Ю., Янович М. В. Нормативное определение субъектов, уполномоченных инициировать отмену условного осуждения, нуждается в корректировке // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 4. С. 5–8.

к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ («Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции...») не относится к категории нарушений общественного порядка. Аналогичным образом лица, управляющие транспортным средством в состоянии опьянения, в случае привлечения их к ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ формально не нарушают общественного порядка и продолжают находиться на испытательном сроке.

С другой стороны, используемый законодателем подход в части установления специфической ответственности за нарушения именно общественного порядка приводит и к перспективным проблемам ответственности за занятие бродяжничеством. Так, введение данного состава в КоАП РФ¹² создаст неравные условия для условно осужденных, не имеющих постоянного места жительства, по сравнению с условно осужденными, имеющими постоянное место жительства¹³.

Помимо этого, учитывая наличие в уголовном законодательстве ряда составов с административной преюдицией, возникает ситуация, когда лицо, находясь на испытательном сроке, может совершать различные правонарушения, которые в совокупности будут образовывать состав преступления, а значит, влечь отмену условного осуждения (ч. 4 ст. 73 УК РФ). К таким составам можно отнести ст. 151.1, 116.1, 158.1 УК РФ и т.д., коррелирующие с ними ч. 2.1 ст. 14.15, ст. 6.11, 7.27 КоАП РФ и др. В то же время совершение иных административных правонарушений не повлечет уголовно-правовых последствий для осужденного. Поэтому продолжающееся противоправное поведение осужденного в период испытательного срока не может быть оценено правоприменительными органами как основание для своевременного и адекватного изменения формы контроля за его поведением — усиления, продления либо корректировки.

Такое непропорциональное использование показателей опасности лиц, находящихся на испытательном сроке, создает дисбаланс, при котором только лица, совершающие демонстративные нарушения общественного порядка, дополнительно контролируются со стороны

государства. Иные же лица, находясь в аналогичном правовом положении, могут совершать даже неоднократно административные правонарушения, не опасаясь отмены условного осуждения.

Кроме того, игнорирование степени тяжести административного правонарушения и строгости административного наказания, назначенного за его совершение, приводит к неравноценности установленных в УК РФ оснований отмены условного осуждения. В частности, нарушения общественного порядка могут влечь за собой незначительные штрафные санкции, в то время как за совершение административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды, безопасности дорожного движения, миграционного учета и т.д. предусматриваются более строгие санкции. Например, санкция ч. 1 ст. 20.3.2 КоАП РФ («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ») предусматривает наказание в виде административного штрафа в размере от 30 тыс. до 60 тыс. руб. В то же время неуплата алиментов (ст. 5.35.1 КоАП РФ) предусматривает наказание в виде ареста на срок от 10 до 15 суток или обязательные работы до 150 часов. Статья 6.16.1 КоАП РФ (незаконный оборот прекурсоров наркотических средств или наркотикосодержащих растений) предусматривает наказание в виде административного ареста, соответственно, это теоретически является более опасным правонарушением, нежели некоторые нарушения общественного порядка.

Таким образом, в практической плоскости возникает ситуация, когда совершение лишь отдельных правонарушений выступает в роли основания отмены испытательного срока, а более опасные деяния не влекут соответствующих последствий. Придание законодателем исключительности отдельным фактам нарушения общественного порядка и игнорирование большинства иных (в том числе более опасных) административных правонарушений влечет за собой непропорциональность критериев, позволяющих оперативно и своевременно реагировать на отклоняющееся поведение лиц, находящихся «на испытании». Назначая указанным

¹² Дизер О. А. К вопросу об административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 56–59.

¹³ Шульц Е. В. О последствиях введения в России административной ответственности за занятие бродяжничеством для лиц, условно осужденных и не имеющих постоянного места жительства // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1. С. 116.

лицам условное осуждение либо освобождая их условно-досрочно, государство стимулирует (поощряет) их правомерное поведение. Вследствие этого к поведению осужденных предъявляются повышенные требования относительно выполнения определенных обязательств и правомерного поведения в целом. Однако допустимость неоднократного совершения административных правонарушений и отсутствие возможности соответствующего изменения способа контроля в данном контексте представляется не вполне адекватным. При наличии очевидных показателей неисправления лица органы, осуществляющие контроль, фактически лишены возможности своевременно изменить правовое положение осужденного. В связи с этим динамика правонарушений, как правило, перерастает в более опасное преступное поведение, а цели уголовного наказания (условного осуждения) остаются недостижимыми. Такое положение негативным образом сказывается на решении задач уголовного законодательства и реализации функции государства по обеспечению безопасности общества.

Учитывая, что административное наказание в виде административного ареста является наиболее строгим с точки зрения критерия тяжести совершенного нарушения и максимально приближенным к уголовно-правовым санкциям, именно оно может быть положено в основу для учета поведения лица, находящегося на испытательном сроке. На это указывают и заявления ученых в области административного права¹⁴. Д. С. Андреев отмечает, что «ЕСПЧ последовательно проводит позицию об особом значении любой формы лишения свободы при определении наличия “уголовно-правовой сферы” и рассматривает административный арест, предусмотренный КоАП РФ, в качестве меры принуждения уголовно-правового характера»¹⁵. Так, на сегодняшний день КоАП РФ содержит около 100 составов правонарушений (с учетом квалифицированных составов), предусматривающих наказание в виде административного ареста. В свою очередь, глава 20 КоАП РФ, содержащая 44 состава (128 с учетом квалифицированных (ч. 2, 3 и т.д.)), в 16 (38) из них предусматривает наказание в виде административного ареста.

Как следствие, большая часть административных правонарушений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде административного ареста, не могут быть учтены при осуществлении контроля за осужденным. При этом зачастую данное наказание предусматривается именно за квалифицированные составы, содержащие отягчающие обстоятельства и свидетельствующие о повышенной опасности лица, их совершающего. Соответственно, эти факторы должны учитываться в качестве показателей недостижения целей уголовно-правового воздействия и потребности в изменении содержания применяемой в отношении осужденного меры.

Положительный опыт правовой регламентации аналогичного правового института в Республике Беларусь может быть использован и в отечественной правовой системе. В частности, пункт 1 ч. 6 ст. 90 УК РБ предусматривает, что основанием отмены условно-досрочного освобождения от наказания, помимо прочего, может выступать не только неоднократное нарушение общественного порядка, но и совершение иного административного правонарушения, за которое законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста¹⁶. По нашему мнению, подобная формулировка позволяет более полно обозначить границы недопустимого поведения для лиц, находящихся на испытательном сроке.

2. Предложения по изменению законодательства

В целях формирования эффективного дифференцирующего механизма корректировки средств уголовно-правового воздействия в отношении условно осужденных (условно-досрочно освобожденных), демонстрирующих продолжаемое противоправное поведение, полагаем необходимым изменить соответствующие предписания УК РФ (ч. 3 ст. 74, п. «а» ч. 7 ст. 79) и скорректировать основания отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения в части, касающейся совершения осужденным административных правонарушений.

Данный механизм должен предполагать:

1) отказ от формулировки «нарушение обще-

¹⁴ Кирич А. В. Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказания // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 32–34.

¹⁵ Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 2. С. 229.

¹⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.

ственного порядка» и замену ее на формулировку «совершение административных правонарушений»; 2) устранение терминологической неточности формулировки «наложено административное взыскание» и замену ее на актуальную «привлечение к административной ответственности»; 3) учет в качестве основания для отмены испытательного срока только систематического совершения грубых административных правонарушений, санкция которых предусматривает административные наказания в виде административного ареста; 4) возможность продления испытательного срока либо установления дополнительных ограничений в случае совершения единичного административного правонарушения, за которое предусмотрено наказание в виде административного ареста; 5) признание в качестве основания отмены испытательного срока в ст. 74, 79 УК РФ случаев неоднократного (два раза и более) совершения административного правонарушения (в течение срока, закрепленного в ст. 4.6 КоАП РФ), за которое предусмотрено наказание в виде административного ареста; б) рассмотрение как неисполнение возложенных на лицо обязанностей случаев совершения административных правонарушений, перечень которых был персонально установлен для осужденного как отдельное обязательство.

3. Отмена освобождения от наказания (ст. 80.2 УК РФ)

Противоположная ситуация складывается с законодательным определением условий отмены относительно нового основания освобождения от наказания, получившего обобщенное название «в связи с участием в проведении специальной военной операции». Правовое положение данной категории лиц в периоды, указанные в ст. 80.2 УК РФ (военное положение, военное время и т.д.), не предполагает особых требований к соблюдению ими норм административного законодательства. Так, привлечение лица к административной (либо дисциплинарной) от-

ветственности не влечет каких-либо изменений содержания примененной в отношении него меры. Такое положение является закономерным и адекватным как характеру складывающихся запросов общества, так и общественно значимым потребностям в данной сфере правоотношений. Единственным основанием отмены назначенного условного освобождения от наказания выступает факт совершения лицом нового преступления в период, указанный в ст. 80.2 УК РФ.

Однако предусмотренное частью 3 ст. 80.2 УК РФ императивное правило предписывает, что, «если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, совершило новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса». Таким образом, отсутствует механизм дифференцированного учета негативного поведения лица в зависимости от характера и степени общественной опасности вновь совершенного преступления. Сходные предписания ст. 79 и 74 УК РФ предполагают возможность дифференцированно подходить к решению вопроса отмены примененного освобождения. Часть 7 ст. 79 УК РФ предписывает, что обязательная отмена происходит только в случае, если в течение оставшейся неотбытой части наказания осужденный совершил тяжкое или особо тяжкое преступление (п. «б»). Если же осужденный совершил преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом (п. «в»)¹⁷.

Отсутствие такого дифференцированного подхода может повлечь за собой необоснованную отмену ранее принятого решения об условном освобождении даже в случае совершения военнослужащим неосторожного преступления либо преступления небольшой или средней тяжести, что, на наш взгляд, не может удовлетворять задачам применения данной

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС «КонсультантПлюс»; Красутских Л. В., Русяев И. В. Проблемы реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 8. С. 64–67; Скиба А. П. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2020.

меры уголовно-правового воздействия, а также критериям дифференцированности и индивидуализации ее применения.

В таком случае военнослужащий в обязательном порядке прекращает прохождение службы, назначенная мера уголовно-правового воздействия отменяется также в обязательном порядке, период нахождения лица на службе в Вооруженных силах РФ не засчитывается в рамках назначения наказания по правилам ст. 70 УК РФ, что не позволяет учесть его социально полезное поведение в период прохождения службы. Отсутствие усмотрения в обоих вопросах (целесообразности приостановления прохождения службы и освобождения от наказания за ранее совершенное преступление) представляется необоснованным.

Рассматриваемое экстраординарное основание освобождения от любого наказания должно предполагать и наличие соответствующих гарантий в отношении освобождаемых лиц. Если бы лицо могло проходить службу в период условно-досрочного освобождения, то совершение им указанных (не тяжких) преступлений не рассматривалось бы как императивное безапелляционное основание прекращения условного освобождения от наказания. То есть лицо при наступлении соответствующих условий (п. «а», «б» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ) могло бы рассчитывать на освобождение от наказания, тем не менее факт совершения им нового преступления, например небольшой, средней тяжести либо преступления по неосторожности,

в период службы не позволит этому реализоваться.

Заключение

Учитывая особенности правового статуса лиц, принимающих участие в специальной военной операции, в рамках освобождения от наказания необходимо закрепить дифференцированные основания отмены примененного условного освобождения от наказания. Так, совершение лицом в период условного освобождения преступления небольшой либо средней тяжести, а также преступления по неосторожности должно выступать в качестве основания отмены назначенной меры только по усмотрению суда. В качестве безусловных оснований отмены условного освобождения и назначения наказания по правилам ст. 70 УК РФ должны рассматриваться случаи совершения осужденным нового тяжкого либо особо тяжкого преступления, а также уклонение военнослужащего от прохождения военной службы, повлекшее его увольнение.

Представляется, что изложенный подход к учету противоправного поведения осужденных в период условного осуждения либо условного освобождения от наказания позволит контролировать поведение, реагировать на факты негативного противоправного поведения и будет способствовать дифференцированному и индивидуализированному воздействию на осужденного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 2. С. 217–232.

Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. 98 с.

Гришко Л. Е., Прысь И. Е. Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 4. С. 470–475.

Дизер О. А. К вопросу об административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 56–59.

Кетенчиева Е. С. Криминологическая характеристика личности мигрантов, совершающих незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. С. 64–69.

Кирич А. В. Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказания // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 32–34.

Красутских Л. В., Русяев И. В. Проблемы реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 8. С. 64–67.

Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2018. 195 с.

Скиба А. П. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2020. 124 с.

Скрипченко Н. Ю., Янович М. В. Нормативное определение субъектов, уполномоченных инициировать отмену условного осуждения, нуждается в корректировке // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 4. С. 5–8.

Трифонов А. Ю., Дишковец Д. Р. Соотношение административно-правового статуса граждан РФ и лиц, условно осужденных // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 33. С. 123–130.

Харзинова В. М. Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 112–115.

Чистяков К. А. Некоторые вопросы предупреждения административных правонарушений, совершаемых условно осужденными // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сборник научных трудов. Вып. 4. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2016. С. 218–222.

Чистяков К. А. Некоторые вопросы профилактики преступлений и административных правонарушений, совершаемых условно осужденными // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 159–160.

Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М. : Проспект. 2021. 320 с.

Шкарлет Н. А. Административно-преюдициальные основания продления испытательного срока или отмены условного осуждения // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 86–89.

Шнитенков А. В. Условное осуждение: отмена или продление испытательного срока // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 43–47.

Шульц Е. В. О последствиях введения в России административной ответственности за занятие бродяжничеством для лиц, условно осужденных и не имеющих постоянного места жительства // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1. С. 112–120.

REFERENCES

Andreev DS. The strictness of administrative penalties. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2018;2:217-232. (In Russ.).

Antonyan YuM. Violent Crime in Russia. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2001. (In Russ.).

Chistyakov KA. Some Issues of Preventing Administrative Offenses Committed by Probationers. Aktual'nye voprosy prava, obrazovaniya i psikhologii: sbornik nauchnykh trudov. Iss. 4. Mogilev: Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus; 2016. (In Russ.).

Chistyakov KA. Some of the issues of prevention of crimes and administrative offenses committed by probation. *Eurasian Law Journal*. 2016;8:159-160. (In Russ.).

Chuchaev AI, Firsova AP. Criminal Law Influence: Concept, Object, Mechanism, Classification. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Dizer OA. To the question of administrative responsibility for vagrancy and begging. *Proceedings of Omsk Law Academy*. 2017;14(4):56-59. (In Russ.).

Dolgova AI (ed.). The personality of the offender and its criminological examination. Moscow: Russian Criminological Association Publ.; 2018. (In Russ.).

Grishko LE, Prys IE. The personality of a convicted person for economic crimes: on the example of the personality of those convicted of tax crimes. *Man: Crime and Punishment*. 2018;26(4):470-475. (In Russ.).

Ketenchieva ES. Criminological individual profile of migrants engaged in illicit drug and psychotropic substances trafficking. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2019;3:64-69. (In Russ.).

Kharzinova VM. Psocio-psychological, criminological characteristics of the personality of extremist, terrorist, engaged in propaganda among the youth. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Socio-Educational Thought]*. 2016;8(4-1):112-115. (In Russ.).

Kirin AV. Contradictions in the Conceptual and Legal Status of Arrest as an Administrative Punishment. *Administrative Law and Procedure*. 2011;9:32-34. (In Russ.).

Krasutskikh LV, Rusyaev IV. Problems of Implementing Parole from Serving a Sentence. *Bulletin of South Ural State University. Series «Law»*. 2008;8:64-67. (In Russ.).

Schultz EV. About consequences of introduction in Russia of administrative responsibility for occupation by vagrancy for the persons who are conditionally condemned and have no place of residence. *Vestnik of Kuzbas State University*. 2021;1:112-120. (In Russ.).

Shkarlet NA. Administrative and prejudicial grounds for extending the probation period or revoking the suspended sentence. *Russian Justice System*. 2021;10:86-89. (In Russ.).

Shnitenkov AV. Suspended Sentence: Revocation or Extension of the Probation Period. *Criminal Procedure*. 2009;1:43-47. (In Russ.).

Skiba AP. Suspended Sentences and Parole: Grounds for Application. Ulan-Ude: Buryat State University; 2020. (In Russ.).

Skripchenko NYu, Yanovich MV. The statutory determination of subjects authorized to initiate cancellation of a suspended sentence needs to be adjusted. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Penal Enforcement System: Law, Economics, Administration]*. 2024;4:5-8. (In Russ.).

Trifonov AYu, Dishkovets DR. Relationship of the administrative-legal status of citizens of the RF and persons conditionally sentenced. *Bulletin of the Public Research Laboratory «Interaction between the Penal System and Institutions of Civil Society: Historical-Legal and Theoretical-Methodological Aspects»*. 2024;33:123-130. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпов Кирилл Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России
Комарова пр., д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация
kkn83@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill N. Karpov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral Student, Research Department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation
kkn83@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 22.11.2024.

Revised 14.12.2024.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.071-080

С. В. Корнакова

Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Возникновение и развитие защиты информации о частной жизни в российском уголовном судопроизводстве

Резюме. Представлена историческая ретроспектива формирования правовой защиты информации о частной жизни граждан в российском уголовном судопроизводстве. Продемонстрировано, что в российской правовой системе всегда придавалось особое значение некоторым сведениям частного, личного и семейного характера, прежде всего в сфере уголовного судопроизводства как сфере отношений, в наибольшей степени затрагивающих права граждан. Ретроспективный обзор законодательной базы различных исторических периодов в этом аспекте позволил определить, что законодателем всегда предпринимались определенные меры по ограничению распространения информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства. Сделан вывод о том, что формирование норм, направленных на ограничение доступа к информации о частной жизни граждан, имеет долгую и противоречивую историю развития, влияние на которую осуществлялось в связи со сменой политических режимов, чем обуславливались первоначальная ограниченность и последующее расширение прав граждан на защиту неприкосновенности их частной жизни.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; правовое обеспечение защиты сведений о частной жизни; конфиденциальная информация; история российского законодательства; уголовно-процессуальное законодательство; личная и семейная тайна

Для цитирования: Корнакова С. В. Возникновение и развитие защиты информации о частной жизни в российском уголовном судопроизводстве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 71–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.071-080

The Emergence and Evolution of the Protection of Private Life Information in the Criminal Procedure of the Russian Federation

Svetlana V. Kornakova

Baikal State University

Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This paper offers a historical analysis of the evolution of legal protections for information concerning the private lives of citizens in Russian criminal proceedings. The study demonstrates that, throughout its legal history, Russia has attached particular importance to safeguarding certain categories of private, personal, and family-related information, with special emphasis on the realm of criminal justice — where individual rights are most acutely at stake. Examination of legislative developments across different historical periods shows that lawmakers have consistently sought to limit the dissemination of such information. The findings suggest that the norms restricting access to private life data have undergone a long and complex evolution, shaped by shifts in political regimes. These shifts determined both the initially narrow scope and the subsequent expansion of citizens' rights to privacy protection.

Keywords: Privacy; legal framework for the protection of personal data; confidential information; history of Russian legislation; criminal procedure law; personal and family secrecy

Cite as: Kornakova SV. The Emergence and Evolution of the Protection of Private Life Information in the Criminal Procedure of the Russian Federation. *Lex russica*. 2025;78(9):71-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.071-080

© Корнакова С. В., 2025

Введение

Отнесение права на неприкосновенность частной жизни к одному из базисных конституционных прав граждан, а также к одному из важнейших принципов организации гражданского общества обусловлено существенной для каждого человека потребностью иметь определяемый им самим, свой личный, не подлежащий государственному и общественному контролю мир семейных, дружеских, интимных, деловых и иных интересов. Первым мыслителем, стремившимся последовательно обосновать важность невмешательства государства в такие сферы частной жизни, как супружеские отношения, воспитание детей, вопросы неприкосновенности жилища, был Аристотель, который доказательно аргументировал необходимость исключения этих отношений из сферы государственной власти¹.

Действительно, общеизвестно, что семья для человека — это не только «могучее средство от ударов общества», но и то место, где он выражает себя в отношениях с другими. Эти отношения имеют статус частных, или частных, в силу наполнения их личным, индивидуальным. Поэтому государство может вмешиваться в частную жизнь граждан лишь в случаях, когда, например, права и свободы членов семьи и лиц, находящихся с ней в прочной социальной связи, требуют охраны и защиты. Лишь с этой целью во всем мире государство вмешивается в отношения, именуемые личными и частными. Явление это неизбежное, но пределы такого вмешательства разнятся и во многом зависят от уровня принятой в государстве демократии.

К историческим аспектам формирования в российском законодательстве обеспечения правовой охраны сведений о частной жизни в своих исследованиях обращались такие ученые, как И. Л. Петрухин, И. В. Смолькова, В. Н. Блоцкий, С. Н. Гонтарь, Е. Е. Калашникова, Г. Г. Камалова, С. Е. Кузахметова, О. В. Максимова, М. В. Пермяков, Т. О. Праницкая и др., что указывает на теоретическую ценность и практи-

ческую значимость ретроспективного анализа для объективной оценки норм современного законодательства в этой сфере.

Основная часть

Приступая к такому анализу, стоит сказать, что для любого государства с момента его возникновения забота об охране сведений преимущественно в военной и дипломатической деятельности являлась традиционным фактором обеспечения безопасности. Не было исключением и российское государство. В этом отношении Г. Г. Камалова, исследовавшая возникновение и становление правового обеспечения конфиденциальности информации в России, связывает ее гносеологические истоки с началом становления государственности, отмечая при этом ее преимущественную направленность на обеспечение национальных интересов. Но, как подчеркивается указанным автором, обеспечение конфиденциальности сведений внешнеполитического характера имело нравственно-этическую основу, базирующуюся на категории «верность»².

К середине XVII в. уже можно говорить о появлении первых признаков правового обеспечения защиты сведений, касающихся служебной деятельности, о чем свидетельствует приносимая чиновниками (думными дьяками) присяга, содержащая обязательство «тайные государевы и всякие дела хранить в секрете»³.

В XVIII в. рядом указов Петра I предписывалось сохранение конфиденциальности не только государственных, но и служебных сведений под угрозой ответственности для лиц, что-либо тайно унесших «из коллегийных писем и документов»⁴.

Вместе с тем в ходе эволюции права получила признание и развитие идея необходимости защиты интересов не только государства и общества, но и частных лиц, что повлекло за собой возникновение правовых средств, направленных на ограничение доступа к определенной информации.

¹ Балашкина И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7. С. 93.

² Камалова Г. Г. История охраны конфиденциальности сведений в России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 336–337.

³ Припись дьякам думным // Полное собрание законов Российской империи : в 46 т. Т. 1 (1649–1675). СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 311.

⁴ Указы Петра I от 13 января 1724 г. «О неписании секретных дел в партикулярных письмах», от 16 января 1724 г. «О поручении секретных дел в Сенате благородным людям», приказ Правительствующего сена-

Исследователи обращают внимание на то, что в Соборном уложении 1649 г., несмотря на то что единственным источником законодательства в период издания данного акта являлась воля монарха, уже содержались указания на необходимость защиты при осуществлении правосудия личной и семейной тайны, в которую «государственные люди» не должны вмешиваться. Значит, в российской правовой системе еще до выделения отдельных отраслей права придавалось особое значение некоторым сведениям частного, личного и семейного характера⁵.

В отношении сведений, составляющих информацию о частной жизни подданных, несомненное значение в обеспечении их конфиденциальности имел первый уголовный кодекс российского государства — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Этим актом устанавливалась ответственность почтовых служителей и чиновников за распечатывание адресованных другим лицам отправлений (ст. 1530), чиновников за разглашение «чужих тайн» (ст. 362, 365, 379, п. 5 ст. 447, ст. 449, 450, 453, 454)⁶.

Об охране конфиденциальности сведений о частной жизни участников уголовного судопроизводства могут свидетельствовать и положения изданного во время правления Александра II Наказа судебным следователям от 8 июня 1860 г., согласно ст. 63 которого для обеспечения «охранения тайн семейных»⁷ при обыске, если «окажется нужным пересмотреть бумаги, то сие надлежит делать с крайней осторожностью в присутствии обвиняемого или домохозяина и не оглашать тайн, ниже других обстоятельств, не относящихся к следствию»⁸.

В более поздних правовых актах также нашли отражение меры обеспечения и защиты сведений, касающихся частной жизни поданных. Например, перечень нарушающих неприкосновенность частной жизни наказуемых деяний был расширен Уголовным уложением 1903 г., согласно которому неприкосновенность жилища подлежала охране государством (гл. 26), т.е. была признана личным благом. При этом статьей 541, входящей в гл. 29, имевшую название «Об оглашении тайн», устанавливалось, что «обязанный по своему званию хранить в тайне доверенное ему сведение, виновный в умышленном оглашении онога, без достойных уважения причин, если при том оглашенное сведение могло причинить имущественный ущерб или опозорить лицо, к коему оно относилось, и виновный не подлежит за сие оглашение наказанию как за оскорбление»⁹. Санкции предусматривались и за вскрытие чужой депеши, письма или иной бумаги¹⁰.

В дальнейшем российский законодатель, утвердив в принятом в результате прогрессивных судебных реформ 1864 г. Уставе уголовного судопроизводства общую публичность уголовного процесса, тем не менее предусмотрел изъятия из нее посредством закрепления ряда норм, обеспечивающих конфиденциальность получаемых в ходе производства по делу сведений. В частности, статья 620 предусматривала именованные в законе чрезвычайными меры исключения публичности судебного разбирательства по делам:

1) о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры (ч. 1);

та «О надписях на пакетах, в которых секретные дела» // Полное собрание законов Российской империи : в 46 т. Т. 7 (1723–1727). СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 4409, 4418, 4481.

⁵ Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Генезис становления и развития конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства (с начала становления российской государственности и до начала XX в.) // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 301.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Сайт Музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>.

⁷ Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони, В. К. Случевский [и др.]; под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. Вып. III: Ст. 249–594. М. : Издание М. М. Зива, 1914.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 35. Отд. первое. 1860. № 35303–36058. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. № 35891. С. 721.

⁹ Резон А. К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом (с приложением сравнительных указателей статей Нового уголовного уложения и Устава о наказаниях). СПб. : Я. А. Канторович, 1903. С. 144–145.

¹⁰ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1989. Т. 7. С. 37–40.

2) преступлениях против прав семейственных (ч. 2);

3) преступлениях против чести и целомудрия женщин (ч. 3);

4) развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве (ч. 4).

Очевидно, что если в первом случае изъятие из общих правил судопроизводства было обусловлено интересами нераспространения среди присутствующих в судебном месте идей богохульства и порицания веры, что могло представлять угрозу духовным устоям общества, то в остальных случаях это было обусловлено интересами личности, попавшей в сферу уголовно-процессуальных отношений, и заключалось в ограничении круга лиц, которым могли стать известными сведения, составляющие их личную, семейную и имеющую интимный характер информацию.

Подобные «чрезвычайные меры» в первоначальной редакции Устава уголовного судопроизводства не имели распространения на несовершеннолетних. Однако в рассматриваемом аспекте последующее совершенствование уголовно-процессуального законодательства было осуществлено Законом от 2 июля 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказаниях»¹¹. Указанным актом впервые в истории российского законодательства была предусмотрена мера защиты сведений, связанных с личностью несовершеннолетнего правонарушителя и его деянием, с целью недопущения негативного воздействия гласного разбирательства дела на его психическое и нравственное развитие. Так, согласно ст. 620-1 Устава, впредь вводилось правило разбора дела по существу в отношении несовершеннолетних «при закрытых дверях».

О мерах, направленных на ограничение распространения информации о частной жизни подозреваемого, свидетельствуют правила производства обысков и выемок в домах, во время проведения которых не допускалось присутствие в жилище без согласия хозяина посторон-

них лиц (ст. 359), а обыск в бумагах должен был «быть производим с крайней осторожностью, без оглашения обстоятельств, не относящихся к следствию» (ст. 367).

В этом отношении примечательным является одно из правил обеспечения благопристойности поведения лиц, присутствующих в судебном месте. Согласно положениям ст. 157–158 принятого в рамках судебной реформы Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. председатель был вправе сделать виновному предостережение или выговор, уведомив, что при повторении сего он будет удален из присутствия «в случае, когда участвующий в деле или его поверенный, находясь при докладе дела, употребит оскорбительные выражения против личности, частной или семейной жизни своего противника или же будет оглашать предосудительные для него обстоятельства без всякой в том надобности для разъяснения дела»¹².

Наличие этого правила не только было призвано обеспечивать должный порядок в судебном месте, но и порицало оглашение без необходимости сведений о частной жизни участников судебного разбирательства.

Как отмечается учеными, охране конфиденциальности информации, в том числе и о частной жизни граждан, служили и впервые введенные данным правовым актом нормы, направленные на охрану адвокатской (присяжного поверенного) и нотариальной (нотариальных книг) тайн, ст. 403 и 123 соответственно¹³.

Вместе с тем положения норм Учреждения судебных установлений входили в определенное противоречие с нормами Устава уголовного судопроизводства. Если согласно ст. 403 первого из приведенных актов «присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оно и даже после окончания дела», то исходя из содержания ст. 370 Устава раскрытие тайн доверителя допускалось при производстве обыска и выемки. Этой нормой предписывалось, что «если представится необходимость в получении бумаг, переданных присяжному поверен-

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 17. № 14233.

¹² Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8. М. : Юридическая литература, 1986.

¹³ Буфетова М. Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 27 ; Камалова Г. Г. Указ. соч. С. 338.

ному с условием сохранить их в тайне, то следователь рассматривает их вместе с присяжным поверенным, соблюдая в точности правило, постановленное в статье 366-й», позволяющее ему «открывать запертое, когда хозяин не делает того добровольно». Указанная коллизия крайне негативно оценивалась представителями юридического сообщества того времени¹⁴.

Можно с уверенностью утверждать обусловленность некоторых из приведенных норм дореволюционного российского законодательства, касающихся невторжения в сферу частной жизни граждан, морально-этическими нормами¹⁵, сформировавшимися, как известно, гораздо раньше, чем правовые. С. Н. Гонтарь и Н. А. Уваров полагают, что такими своего рода ограничителями служили религиозные нормы¹⁶. Приоритет религиозных и нравственных требований наиболее наглядно проявлялся в действовавших в этот период исключениях из правил о гласности слушания дел в суде, которые в ряде случаев были связаны с ограждением от распространения сведений о частной, семейной или личной жизни.

Последующее за революцией 1917 г. свержение самодержавия и коренное изменение ценностных ориентаций новой власти, не предполагающих учета интересов отдельной личности, проявилось в последовательном отказе от демократических черт уголовного права и уголовного процесса предшествовавшего периода.

Так, в Уголовном кодексе молодой советской республики 1922 г.¹⁷ отсутствовало упоминание о личной и семейной тайне в качестве объекта уголовно-правовой охраны, поэтому не был предусмотрен механизм обеспечения защиты составляющих их сведений, что, исходя из действовавшей в то время идеологии, не признающей ничего частного и личного, и, как

следствие, приоритета общественных интересов над личными, являлось вполне естественным.

Такие демократические правовые блага, как личная и семейная тайна, неприкосновенность частной жизни, не имели прямого отражения в законодательстве, в том числе и в сфере уголовно-процессуальных отношений. Однако некоторые элементы защиты сведений частного характера были переняты законодателем новой власти из предшествовавшего уголовно-процессуального законодательства. Регламентация производства обыска в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 гг.¹⁸ также включала в себя положение о необходимости принятия следователем мер к тому, «чтобы не были оглашены обнаруженные при обыске обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имеющие отношения к делу» (ст. 184 и 181 соответственно).

В данных законах содержался и запрет вызова на допрос и допроса «защитника обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности» (ч. 1 ст. 65 и ч. 1 ст. 61 соответственно). Соблюдение неразглашения сведений из почтово-телеграфной корреспонденции обеспечивалось необходимостью санкционирования прокурором производства ее выемки (ст. 189 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 186 УПК РСФСР 1923 г.).

В Конституцию СССР 1936 г.¹⁹ были включены нормы, закрепившие права советских граждан на неприкосновенность личности, жилища и тайны переписки (ст. 127 и 128). Тем не менее расположение указанных норм в самом конце этого особого нормативного правового акта говорит о том, что для государства защита приведенных прав советских граждан отнюдь не была приоритетной.

¹⁴ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. Ч. 3. Вып. 2. СПб. : Тип. Ф. С. Сушинского, 1869. С. 321.

¹⁵ Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 81.

¹⁶ Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Указ. соч. С. 301.

¹⁷ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁸ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

¹⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

Согласимся с учеными, выражающими сомнение в действенности положений Основного Закона без отражения в отраслевом законодательстве посредством закрепления в нем механизмов их реализации. По мнению В. А. Козлова, без норм, содержащих гарантии реализации наиболее общих правовых предписаний на практике, последние превращаются лишь в декларацию²⁰.

Кроме этого, как подчеркивается учеными, обеспечение реальности конституционных положений невозможно без учета международно-правового контекста, где глобальным мерилom права становятся права человека, а последним прибежищем прав человека зачастую является правосудие²¹. Одной из наиболее важных проблем Советской России был вопрос юридического статуса международных актов (договоров, конвенций и т.д.). Советский Союз в то время не стремился приобщиться к мировому сообществу и тем тенденциям, которые в нем существовали. Такие документы наднационального права (оцениваемые в настоящее время как фундаментальные в области защиты прав человека), как Всеобщая декларация прав человека²² и Международный пакт о гражданских и политических правах²³, были приняты Советским государством далеко не сразу.

Если принятие первого из указанных документов Генеральной Ассамблеей ООН было осуществлено в 1948 г., то Съездом народных депутатов СССР — лишь 5 сентября 1991 г. Что касается второго документа, то он был принят ООН в конце 1966 г., а для Советской России вступил в силу лишь в марте 1976 г. Согласно ч. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища,

тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию».

Приведенное положение непосредственным образом устанавливало необходимость для принявших данный документ государств отразить в национальном законодательстве гарантии защиты частной жизни граждан. В этой связи можно предположить, что именно ратификация Советским государством этого международного документа, провозгласившего на международном уровне значение защиты прав граждан, в том числе касающихся сведений об их частной жизни, послужила объективной предпосылкой закрепления в Конституции СССР 1977 г.²⁴ норм, расширивших перечень прав личности, подлежащих охране государством, посредством включения в дополнение к имевшимся ранее защиты личной жизни.

Согласно ст. 56 Конституции СССР 1977 г., «личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом».

По поводу сферы уголовно-процессуальных отношений следует отметить, что приведенное конституционное положение уже содержалось в дословном виде в ч. 2 ст. 12 принятого в 1960 г. УПК РСФСР. При этом обращает на себя внимание факт сужения использовавшегося в прежнем законодательстве понятия «частная жизнь» до понятия «личная жизнь». Более того, и охрана сведений о личной жизни участников процесса ограничивалась законом до недопустимости разглашения только сведений об обстоятельствах интимной жизни лица, в частности при производстве обыска (ч. 5 ст. 170 УПК РСФСР) или в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 18 УПК РСФСР). Между тем представляется очевидным, что личностью может расцениваться в качестве конфиденциальной ставшая известной участникам уголовного судопроизводства информация не только

²⁰ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. С. 30.

²¹ Гондаренко А. С. Конституционно-правовой механизм обеспечения реальности конституционных принципов правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2007. С. 126 ; Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 29.

²² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67.

²³ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

²⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

об интимной стороне его личной жизни, но и другая.

Изъятие из употребления в законодательстве этого периода понятия «частная жизнь», по справедливому мнению ученых, означало отсутствие ее защиты, поскольку такая защита лишь фрагментарно обеспечивалась законом²⁵, делая «декларативной и охрану личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений»²⁶.

Вместе с тем содержание личной жизни в правовой науке того времени раскрывалось через необходимость охраны всех сторон личной жизни граждан, оглашение сведений о которых последние считают по каким-либо причинам для них нежелательными. Одновременно частное, по сравнению с личным, оценивалось в юридической литературе негативно и подлежало порицанию как «необщественное»²⁷.

Только в 1991 г. в тексте Основного Закона при внесении в него изменений была произведена замена понятия «личная жизнь» на понятие «частная жизнь»²⁸. В свете этого учеными отмечается существовавший долгое время разрыв между реальностью и правовым регулированием в советских конституциях, что являлось их основным недостатком, поскольку законодательство Советской России, закрепляя основные права человека, должным образом не определяло гарантии и механизмы их реализации и защиты²⁹. Защита сведений о частной жизни как неотъемлемое право человека декларировалась лишь по мере фиксации в международно-правовых актах³⁰. Однако уголовным законодательством того времени не было установлено никаких санкций за нарушение неприкосновенности частной жизни, что современными исследователями оценивается как грубейшая ошибка³¹.

С принятием в 1993 г. Конституции РФ охраняемым законом стали подлежать не только право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23), связи и корреспонденции (ч. 1 ст. 23), но и персональные данные (ст. 24).

В настоящее время провозглашенная в Конституции РФ защита информации о частной жизни граждан нашла свое отражение в положениях отраслевого законодательства. Так, согласно п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, «если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его личной и семейной жизни». Согласно ч. 5 ст. 161 УПК РФ, «разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, без согласия его законного представителя не допускается».

Стоит обратить внимание на то, что если в ч. 1 ст. 23 Основного Закона речь идет о личной и семейной тайне, то в приведенных нормах процессуального законодательства — уже о любой информации о частной жизни гражданина, которую он посчитает конфиденциальной, т.е. отраслевое законодательство не только с необходимостью отражает конституционные положения, но и развивает их.

Применительно к уголовному судопроизводству правовая защита сведений о частной жизни предполагает минимизацию рисков для репутации попавших в сферу уголовно-процессуальных отношений граждан. Другими словами, не должны подлежать огласке именно те сведения, которые могут принести какой-либо вред лицу, которого эта информация касается.

²⁵ Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Указ. соч. С. 291.

²⁶ Калашникова Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

²⁷ Барабашев Г. В. Советское государственное право. М. : Юридическая литература, 1980. С. 215.

²⁸ Хужокова И. М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 16.

²⁹ Майоров А. В., Поперина Е. Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 34.

³⁰ Байбатырова Г. Т., Кульчиева М. Ж. Эволюция становления и развития права на неприкосновенность частной жизни // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 10 марта 2021 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2021. С. 318.

³¹ Хуаде А. Х. Механизм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 72.

Заключение

Таким образом, становление в России правовой защиты сведений о частной жизни граждан от разглашения прошло сложный путь развития, началом которого послужило признание особой значимости таких сведений для личности, в итоге воплотившееся в реальное закрепление их защиты в законодательстве. При этом право на неприкосновенность частной жизни гораздо раньше было признано наукой, чем законодателем. В нашем государстве происходило постепенное формирование представления о необходимости ограждения от вмешательства извне (со стороны государства и общества) в определяемую самим человеком сферу жизненного пространства, сведениями о которой он не желает делиться ни с кем посторонним. В случае же необходимости в

этом, например в ходе уголовного судопроизводства, человек должен располагать уверенностью, что такие сведения будут защищены от распространения, не будут обращены ему во вред.

Можно утверждать, что по вопросу правовой регламентации взаимоотношений между публичными интересами государства и частными интересами конкретной личности в отношении обеспечения защиты от неразглашения информации о ее частной жизни современное законодательство претерпело существенные и прогрессивные изменения по сравнению с действовавшим ранее. Думается, что для достижения разумного баланса конституционно значимых ценностей, конкурирующих прав и законных интересов действующее законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байбатырова Г. Т., Кульчиева М. Ж. Эволюция становления и развития права на неприкосновенность частной жизни // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 10 марта 2021 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2021. С. 316–320.

Балашкина И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7. С. 92–105.

Барабашев Г. В. Советское государственное право. М. : Юридическая литература, 1980. 276 с.

Буфетова М. Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 26–37.

Гондаренко А. С. Конституционно-правовой механизм обеспечения реальности конституционных принципов правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2007. 231 с.

Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Генезис становления и развития конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства (с начала становления российской государственности и до начала XX в.) // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 301–303.

Калашникова Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.

Камалова Г. Г. История охраны конфиденциальности сведений в России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 336–347.

Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. Ч. 3. Вып. 2. СПб. : Тип. Ф. С. Сушинского, 1869. С. 329–597.

Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 116 с.

Кузахметова С. Е. История принципа неприкосновенности частной жизни в России дореволюционного периода // Научный потенциал — 2006 : материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 15. Днепропетровск : Наука и образование, 2006. С. 3–12.

Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 28–36.

Майоров А. В., Поперина Е. Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 34–38.

Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 69–82.

Пермяков М. В. Категория «тайна» в системе правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 23 с.

Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М. : ИГПАН, 1998. 230 с.

Резон А. К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом (с приложением сравнительных указателей статей Нового уголовного уложения и Уложения и Устава о наказаниях). СПб. : Я. А. Канторович, 1903. 331 с.

Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. Т. 7. М. : Юридическая литература, 1989. 431 с.

Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони, В. К. Случевский [и др.] ; под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. Вып. III : Ст. 249–594. М. : Издание М. М. Зива, 1914. 583 с.

Хуаде А. Х. Механизм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 69–73.

Хужокова И. М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 26 с.

REFERENCES

Baibatyrova GT, Kulchieva MZh. The Evolution of the Formation and Development of the Right to Privacy. In: Substantive and Procedural Aspects of Modern Education: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, March 10, 2021. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House; 2021. (In Russ.).

Balashkina IV. Specific Features of the Constitutional Regulation of the Right to Privacy in the Russian Federation. *Prvo i politika*. 2007;7:92-105. (In Russ.).

Barabashev GV. Soviet State Law. Moscow: Juridicheskaya literature Publ.; 1980. (In Russ.).

Bufetova MSh. Development of the Institute of Advocacy and the Institute of Defense by the Court Reform of 1864. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2024;3:26-37. (In Russ.).

Chistyakov OI (ed.). Russian Legislation in 9th–10th centuries. In 9 vols. Vol. 7: Peasant Reform Documents. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1989. (In Russ.).

Gondarenko AS. The Constitutional and Legal Mechanism for Ensuring the Effective Implementation of Constitutional Principles of Justice in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Stavropol; 2007. (In Russ.).

Gontar SN, Uvarov NA. The Genesis of the Formation and Development of the Constitutional Right to Privacy in the Sphere of Criminal Justice: From the Emergence of the Russian State to the Early 20th Century. *The World of Science, Culture and Education*. 2014;5(48):301-303. (In Russ.).

Kalashnikova EE. Criminal law enforcement of privacy information. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2001. (In Russ.).

Kamalova GG. History of Confidentiality Protection in Russia. *Dialogue with Time*. 2019;66:336-347. (In Russ.).

Khuade AKh. Mechanism of ensuring the right for privacy in the Russian Federation. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2014;3:69-73. (In Russ.).

Khuzhokova IM. The constitutional right of man and citizen to the inviolability of private life in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Saratov; 2007. (In Russ.).

Koni AF, Sluchevskiy VK, et al. Gernet MN (ed.). Criminal Procedure Statutes: A Systematic Commentary. Issue III. Pp. 249–594. Moscow: Izдание M. M. Ziva Publ.; 1914. (In Russ.).

Kozlov VA. Problems of the Subject Matter and Methodology of the General Theory of Law. Leningrad: LGU Publishing House Publ.; 1989. (In Russ.).

Kuzakhmetova SE. History of the Principle of the Inviolability of Private Life in Russia during the Pre-Revolutionary Period. *Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference «Scientific Potential — 2006»*. Vol. 15. Dnipropetrovsk: Nauka i obrazovanie Publ.; 2006.

Kvachevskiy A. On Criminal Prosecution, Inquiry and Preliminary Investigation of Crimes under the Judicial Statutes of 1864: A Theoretical and Practical Guide. In 3 Parts. Part 3 «On Preliminary Investigation». Issue 2. St. Petersburg: Printing House of F. S. Sushinsky Publ.; 1869. (In Russ.).

Litvintseva NYu. The constitutional mechanism of implementing the rights of a person in criminal proceedings. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2019;2(24):28-36. (In Russ.).

Mayorov AV, Poperina EN. Formation and Development of the Right to Privacy. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2012;3(21):34-38. (In Russ.).

Mironova EYu. Moral foundations of criminal procedure activities under the Statute of Criminal Procedure of 1864. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2024;3:69-82. (In Russ.).

Permyakov MV. Category «secrecy» in the legal system. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Nizhniy Novgorod; 2006. (In Russ.).

Petrukhin IL. Personal secrets (man and power). Moscow: IGPAN Publ.; 1998. (In Russ.).

Rezon AK. Uголовное Uложение: A Concise Exposition of its Chief Provisions, in Comparison with the Law in Force: With an Appendix of Comparative Indexes of the Articles of the New Criminal Code and of the Uложение and the Statute on Punishments. Compiled by A.K. von Rezon. St. Petersburg: Ya. A. Kantorovich Publ.; 1903. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета
Ленина ул., д. 11, г. Иркутск 664003, Российская Федерация
Svetlana-kornakova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Baykal State University, Irkutsk, Russian Federation
Svetlana-kornakova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2024 г.

Статья получена после рецензирования 23 января 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 12.12.2024.

Revised 23.01.2025.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094

А. А. Шутова

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация

Уголовно-правовое обеспечение безопасности критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации (на примере учреждений здравоохранения)

Резюме. В статье рассмотрены особенности применения технологии искусственного интеллекта в системе здравоохранения, включая вопросы персональной ответственности врача при принятии решений о диагностике и лечении на основании сформулированного предложения (решения) алгоритма. Представлен обзор действующей системы правового регулирования ответственности медицинских работников, а также проведена оценка возможных вариантов распределения ответственности в связи с внедрением искусственного интеллекта в работу врачей. Раскрыты потенциальные направления совершенствования законодательства и выделены особенности, касающиеся медицинских организаций, медицинских работников и пациентов, которым будет оказана медицинская помощь с использованием интеллектуальных систем. Проанализированы тенденции распределения ответственности за причинение вреда при оказании медицинской помощи в таких случаях, что позволило выработать возможные варианты распределения ответственности между медицинской организацией и медицинским работником в будущем.

Ключевые слова: цифровизация; цифровое здравоохранение; искусственный интеллект; медицинские изделия на основе искусственного интеллекта; уголовная ответственность врачей; цифровые технологии; цифровая безопасность; машинное обучение

Для цитирования: Шутова А. А. Уголовно-правовое обеспечение безопасности критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации (на примере учреждений здравоохранения). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 81–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094

Благодарности. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Criminal Law Measures to Ensure the Security of the Russian Federation's Critical Digital Infrastructure (the Case Study of Healthcare Institutions)

Albina A. Shutova

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper examines the specific features of applying artificial intelligence technologies in the healthcare system, including issues of physicians' personal liability when making diagnostic and treatment decisions based on an algorithm's recommendation (decision). The study provides a review of the current legal framework governing the liability of healthcare professionals and assesses possible options for allocating liability arising from the integration of artificial intelligence into physicians' work. The author examines possible directions for legislative

© Шутова А. А., 2025

improvement and identifies the particular challenges that medical organizations, healthcare professionals and patients receiving care with intelligent systems may face. Trends in the allocation of liability for harm caused in the provision of medical care are analyzed, enabling the development of potential models for distributing responsibility between medical institutions and individual practitioners in the future.

Keywords: digitalization; digital healthcare; artificial intelligence; AI-based medical devices; physician criminal liability; digital technology; digital security; machine learning

Cite as: Shutova AA. Criminal Law Measures to Ensure the Security of the Russian Federation's Critical Digital Infrastructure (the Case Study of Healthcare Institutions). *Lex russica*. 2025;78(9):81-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan awarded to young Candidates of Sciences (postdoctoral researchers) to facilitate the defense of a doctoral dissertation, the conduct of research, and the performance of employment duties in scientific and educational institutions of the Republic of Tatarstan under the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan».

Введение

В России отмечается рост количества зарегистрированных преступлений против критической информационной инфраструктуры (КИИ), что подтверждается статистическими сведениями МВД России. Уточним, что ответственность за неправомерное воздействие на КИИ РФ появилась в Уголовном кодексе РФ в 2017 г. (ст. 274.1). И если за первые годы после криминализации ответственности (с 2018 по 2020 г.) было зарегистрировано всего 27 преступлений (в 2018 г. — одно, в 2019 г. — четыре, в 2020 г. — 22), то уже за 2021 и 2022 гг. — 678 преступлений (в 2021 г. — 159, в 2022 г. — 519)¹. В то же время, согласно статистике, приведенной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, растет и количество осужденных за преступления, предусмотренные статьей 274.1 УК РФ. Если с 2018 по 2020 г. было осуждено всего 12 человек, то с 2021 по 2023 г. уже 148 человек².

Статистические сведения о количестве зарегистрированных преступлений в 2023 г. МВД России не приведены. Тем не менее негатив-

ная тенденция к увеличению преступлений, предусмотренных статьей 274.1 УК РФ, остается. По данным Национального координационного центра по компьютерным инцидентам за 2023 г., количество атак на объекты КИИ РФ увеличилось по сравнению с 2022 г. на 16 % — до 65 тыс.³

Вопросы уголовно-правовой охраны КИИ приобрели особую актуальность в период проведения специальной военной операции на Украине⁴.

Особенно распространены случаи неправомерного воздействия на КИИ учреждений системы здравоохранения РФ. Периодически экспертами Positive Technologies подтверждается, что самой атакуемой сферой становится здравоохранение⁵. Для медицинских организаций важна не просто система, формально соответствующая требованиям регуляторов, а реальная защищенность, которая позволяет предотвращать разного рода компьютерные инциденты, включая незаконное собирание данных и нарушения работы ее информационной инфраструктуры⁶. В свою очередь, воздействие на

¹ Сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.11.2024).

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.11.2024).

³ Субъектная защита // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679041> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Малыгин И. И. Уголовно-правовое противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 4.

⁵ Positive Technologies: шифровальщики переключились на медицину // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/about/news/positive-technologies-shifrovальshchiki-pereklyuchilis-na-medicinu/> (дата обращения: 19.12.2024).

⁶ Бахтеев Д. В., Сосновикова А. М., Казенас Е. В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. № 2 (4). С. 943–972. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.45>.

медицинские цифровые сервисы может не только причинить имущественный ущерб, но и поставить под угрозу жизнь и здоровье граждан. Если злоумышленники зададутся целью атаковать медицинскую инфраструктуру, они смогут нанести ей, ее операторам, владельцам и пациентам значительный ущерб, что повлечет многоуровневые цепи негативных последствий. Так, тысячи систем управления климатом производства Resource Data Management, используемые во многих больницах по всему миру, оказались уязвимы к удаленным кибератакам⁷. Гипотетически злоумышленники дистанционно в состоянии изменить температурный режим медицинских холодильников и уничтожить хранящиеся в них запасы крови, донорские органы и вакцины, что может повлечь необратимые последствия.

Ввиду нарастающей криминальной активности в отношении КИИ РФ существует потребность в эффективной модели ее уголовно-правовой охраны. Однако специалисты указывают на имеющиеся проблемы с толкованием признаков состава преступления, предусмотренного статьей 274.1 УК РФ⁸. Сложности, связанные с юридической оценкой противоправных деяний, возникают и в процессе правоприменения. Даже принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных

или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»⁹ не помогло разрешить коллизионные проблемы. По мнению Л. Л. Кругликова, С. Д. Бражника, И. А. Пилясова, запрет конструируется так, что лишает правоприменителя возможности применять и понимать содержание нормы¹⁰. Поэтому стоит остановиться на рассмотрении имеющихся теоретико-прикладных проблем уголовно-правовой охраны КИИ РФ в целях совершенствования нормы, предусмотренной статьей 274.1 УК РФ, и практики применения положений уголовного законодательства.

Предмет преступления: дискуссионный аспект

В соответствии со ст. 2 и 10 Федерального закона от 26.06.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее — Закон № 187-ФЗ)¹¹ объект КИИ РФ подлежит категорированию, и ему либо присваивается категория значимости (первая, вторая или третья), либо не присваивается. Однако уголовно-правовой охране (исходя из буквального понимания нормы) подлежат все объекты КИИ РФ (в том числе без категории). Полагаем, что уголовный закон не учитывает основной идеи Закона № 187-ФЗ относительно категорирования.

В связи с этим как в доктрине, так и в судебной-следственной практике сложились два подхода к оценке предмета преступного пося-

⁷ Может ли цифровая медицина противостоять хакерам // URL: <https://habr.com/ru/companies/trendmicro/articles/441908/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁸ *Бегишев И. Р.* Проблемы противодействия преступным посягательствам на информационные системы критически важных и потенциально опасных объектов // Информационная безопасность регионов. 2010. № 1 (6). С. 9–13 ; *Он же.* Уголовно-правовая охрана информационной инфраструктуры критически важных и потенциально опасных объектов Российской Федерации // Россия — правовое государство: проблемы и пути формирования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Дербент, 4 марта 2010 г.). Дербент, 2010. С. 116–119 ; *Он же.* Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017 ; *Малыгин И. И.* Актуальные проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2023. Т. 13. № 2. С. 165–176. URL: <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176> ; *Шульга А. В., Галиакбаров Р. Р.* Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 238–242.

⁹ Российская газета. 2022. 28 декабря.

¹⁰ *Кругликов Л. Л., Бражник С. Д., Пилясов И. А.* Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ): некоторые проблемы определения признаков состава преступления // Журнал юридических исследований. 2019. № 3. С. 53–62.

¹¹ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.

гательства, кардинальным образом отличающиеся друг от друга.

Первый подход связан с отнесением к предмету преступного посягательства всех объектов КИИ РФ (в том числе тех, которым не присвоена соответствующая категория). Подобной позиции придерживаются и некоторые суды. Так, по делу от 23.12.2021 № 1-148/2021 гражданин М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 4 ст. 274.1. В данном деле принадлежность к субъектам КИИ РФ установлена исходя из того, что учреждение относится к сфере здравоохранения (упоминается в Законе № 187-ФЗ)¹². Сходная позиция приводится и в другом решении суда¹³. Второй подход основывается на том, что отечественный уголовный закон охраняет только значимые объекты КИИ РФ, то есть те, которые имеют соответствующую категорию. Так, по материалам дела от 28.04.2022 № 1-14/2022 (1-263/2021)¹⁴, медицинская сестра вносила заведомо ложные сведения в информационную систему (ИС) о проведении профилактических прививок гражданам. В судебном решении констатируется, что, согласно письму Минздрава России от 27.08.2021¹⁵, Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) относится к значимым объектам КИИ РФ.

На наш взгляд, значимость объекта КИИ РФ и его категория косвенно указывают на общественную опасность преступного посягательства, но в тексте УК РФ данное умозаключение не находит отражения, что в целом усложняет процесс правоприменения. И всё же, как нам представляется, объекты КИИ РФ, не имеющие подобной категории, не соответствуют показателям значений, установленных отраслевым законом.

В уголовно-правовой доктрине эта проблема также поднимается авторами. Л. Л. Кругликов, С. Д. Бражник, И. А. Пилясов отмечают, что ре-

дакция ст. 274.1 УК РФ не учитывает дифференциацию по категориям значимости, что является упущением¹⁶.

В доктрине имеется и иная точка зрения. По мнению Д. С. Мирного, квалификация должна учитывать фактическую социальную ценность функционирования затронутых посягательством объектов КИИ независимо от факта их категорирования¹⁷.

Основываясь на положениях базового Закона № 187-ФЗ и основной идее, вытекающей из него, полагаем, что следует признавать преступным только воздействие на значимый объект КИИ РФ, при этом посягательства на объекты КИИ без соответствующей категории квалифицировать по ст. 272–274 УК РФ.

Проблема конструирования объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 1 ст. 274.1 УК РФ

Спектр применения множества компьютерных программ, в том числе вредоносных, широк. Они могут быть использованы и против объектов КИИ РФ. В то же время создание компьютерных программ для посягательств на определенные объекты КИИ РФ маловероятно, так как такая компьютерная программа должна быть специально разработана именно для воздействия на объект КИИ РФ, что подтверждается понятием «заведомо» в конструкции уголовно-правовой нормы, свидетельствующим о прямом умысле лица на совершение преступления.

Таким образом, в контексте ч. 1 ст. 274.1 УК РФ говорится о таких компьютерных программах, которые будут специально разработаны под отдельный объект КИИ РФ. Обязательно следует доказать заведомость. Но большая часть компьютерных программ имеет универсальный характер и широкий спектр применения, то есть используется против лю-

¹² URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/valerykomarov/351780.php> (дата обращения: 09.11.2024).

¹³ Апелляционное определение Астраханского областного суда от 14.04.2022 № 22-787/2022 // URL: [https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-astrahanskogo-oblastnogo-suda-\(astrahanskaya-oblast\)-ot-14.04.2022--22-787_2022](https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-astrahanskogo-oblastnogo-suda-(astrahanskaya-oblast)-ot-14.04.2022--22-787_2022) (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁴ URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/65072117> (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Кругликов Л. Л., Бражник С. Д., Пилясов И. А. Указ. соч. С. 53–62.

¹⁷ Мирный Д. С. Функционирование значимых объектов критической информационной инфраструктуры как объект преступлений, предусмотренных статьей 274.1 УК РФ // Закон и право. 2024. № 6. С. 229–233; Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 27–32.

бой компьютерной информации, в том числе и против КИИ РФ. Как подчеркивают Р. И. Дремлюга, С. С. Зотов и В. Ю. Павлинская, большинство вредоносных средств обладают широким спектром применения и могут использоваться против объектов КИИ¹⁸.

Несомненно, общественная опасность создания, распространения или использования компьютерных программ либо иной компьютерной информации учитывается нормотворческими органами, что нашло свою реализацию в ст. 273 УК РФ. Вместе с тем следует оценить, повышается ли степень общественной опасности компьютерных программ либо иной компьютерной информации, если они заведомо предназначены для неправомерного воздействия именно на КИИ РФ.

Судебно-следственной практике известны примеры применения ст. 274.1 УК РФ к случаям неправомерного использования компьютерных программ широкого спектра применения, то есть предназначенных не только для воздействия на КИИ РФ. DDoS-атаки используют в отношении ИС субъектов КИИ РФ, даже в отношении ресурсов Министерства обороны РФ и сайта Президента РФ с целью блокирования доступа к ним. Гражданин К. оказывал помощь Украине путем осуществления DDoS-атак на ИС Министерства обороны РФ и сайт Президента РФ. Ростовский областной суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 274.1 УК РФ¹⁹. Уточним: для вменения ч. 1 ст. 274.1 УК РФ необходимо доказать, что компьютерные программы либо иная компьютерная информация заведомо предназначены для неправомерного воздействия на КИИ РФ. Возможности DDoS-атак (осуществление вредоносных компьютерных атак, создающих нагрузку на сервер и приводящих к отказу системы в обслуживании) давно известны злоумышленникам и активно реализуются ими в процессе совершения преступлений для

блокирования охраняемой законом компьютерной информации²⁰. Применение DDoS-атак началось задолго до вступления в силу Закона № 187-ФЗ, поэтому едва ли компьютерную программу — DDoS-атаку можно называть предназначенной именно для воздействия на КИИ РФ (а не просто на всю компьютерную информацию в целях ее блокирования), как это трактуется судебными органами. М. А. Ефремова также придерживается позиции, согласно которой без формулирования критериев отграничения общих вредоносных программ от программ против КИИ РФ сложно говорить о правильной квалификации²¹.

В связи с этим считаем уместным поставить вопрос о декриминализации состава преступления (ч. 1 ст. 274.1 УК РФ), предусмотрев ответственность за совершение деяния, его образующего, по соответствующим частям ст. 273 УК РФ.

Вред как криминообразующий признак в составах преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 ст. 274.1 УК РФ: проблема оценки

Обратим внимание на определенную сложность в конструировании представленного уголовно-правового запрета, который содержит признаки как ст. 272, так и ст. 273 УК РФ, что демонстрирует общие начала конструирования уголовно-правовых норм (ст. 272, 273, 274.1). Состав преступления, предусмотренный частью 1 ст. 272, включает наступление общественно опасных последствий. Пункт 5 постановления Пленума № 37 раскрывает понятие «неправомерный доступ к компьютерной информации» применительно к ст. 272, а не к ст. 274.1 УК РФ. Для состава преступления, предусмотренного частью 2 ст. 274.1, обязательно причинение вреда КИИ РФ, а не последствий в виде «уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации». При этом

¹⁸ Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. Т. 21. № 2. С. 130–139.

¹⁹ IT-специалист из Ростовской области получил три года колонии-поселения за атаку на госсайты // URL: <https://www.securitylab.ru/news/538319.php> ; URL: <https://www.securitylab.ru/news/538319.php> (дата обращения: 09.11.2024).

²⁰ Всё, что вы хотели знать о DDoS-атаках // URL: <https://softline.ru/about/blog/vse-chto-vy-hoteli-znat-oddos-atakah> (дата обращения: 09.11.2024).

²¹ Ефремова М. А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 86–92.

неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, совершается с использованием компьютерных программ, либо иной компьютерной информации, либо иных вредоносных компьютерных программ.

Е. А. Русскевич к такому вреду относит «уничтожение, блокирование, модификацию, копирование информации, нейтрализацию средств защиты информации или выведение из строя аппаратных и программных средств, обеспечивающих функционирование КИИ РФ»²². Однако конструкция составов преступлений, предусмотренных статьями 272 и 274.1 УК РФ, разная.

Понятие вреда недостаточно конкретизировано, что детерминирует субъективность в процессе правоприменения. В то же время Верховный Суд РФ обязывает суды мотивировать, в чем выразился вред, причиненный КИИ РФ²³.

В уголовно-правовой доктрине единообразная позиция относительно толкования вреда, причиненного КИИ РФ, отсутствует. В связи с этим согласимся с Е. А. Соловьевой, которая полагает, что вред может носить иной (не только имущественный) характер²⁴. Но Закон № 187-ФЗ не регламентирует безопасность субъекта экономической деятельности, так как он в целом посвящен безопасности государства.

Д. С. Мирный предлагает слова «причинение вреда» в ст. 274.1 УК РФ заменить словами «нарушение устойчивого функционирования» для уточнения содержания уголовной ответственности и приближения закона к сущности ценностей, охраняемых профильным законодательством, исключив при этом привлечение к мерам уголовно-правового реагирования за недостаточно определенный круг посягательств, которые могут причинить неопределенный вред элементу КИИ²⁵.

По мнению Ю. В. Трунцевского, вред может быть тоже абсолютно разным²⁶.

С точки зрения И. Н. Мосечкина, конструкция ч. 2 ст. 274.1 УК РФ затрудняет работу правоприменителя. Кроме того, усугубляет ситуацию неконкретизированный вред КИИ РФ²⁷, с чем невозможно не согласиться.

В судебно-следственной практике под вредом КИИ РФ понимают:

1) нарушение объективности, достоверности и актуальности компьютерной информации, циркулирующей в базах данных объектов КИИ РФ²⁸;

2) вред, нанесенный деловой репутации субъекта КИИ РФ²⁹;

3) имущественный ущерб, нанесенный субъекту КИИ РФ³⁰.

²² Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

²³ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

²⁴ Соловьева Е. А. Вред как криминообразующий признак в составах преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 274.1 УК РФ // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 560–561.

²⁵ Мирный Д. С. О соотношении объекта преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ, и объекта охраны законодательства в сфере безопасности критической информационной инфраструктуры // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 193–197.

²⁶ Трунцевский Ю. В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 99–106.

²⁷ Мосечкин И. Н. Проблемы уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 22–34.

²⁸ Дело от 19.02.2021 № 1-88/2021 // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/57016749> ; Вынесен обвинительный приговор в отношении Ф., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 274.1 УК РФ // URL: <https://pskov.bezformata.com/listnews/obvinyaemoy-v-sovshenii-prestupleniya/136291547/> (дата обращения: 09.11.2024).

²⁹ Дело от 19.02.2021 № 1-88/2021 ; решение по уголовному делу от 29.07.2020 № 1-805/2020 // URL: https://abakansky--hak.sudrf.ru/modules.php?delo_id=1540006&name=sud_delo&name_op=doc&new=0&number=20399213&srv_num=1&text_number=1 (дата обращения: 09.11.2024).

³⁰ Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока (Приморский край) от 25.09.2019 по делу № 1-376/2019 // URL: https://pervomaysky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13978988&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 09.12.2024).

Однако, согласно ст. 1 и 2 Закона № 187-ФЗ, нарушение работы и прекращение деятельности ИС, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления (АСУ) субъектов КИИ РФ признается причинением вреда. Согласно ст. 1 приведенного Закона, он регулирует отношения в области обеспечения безопасности КИИ РФ в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении ее компьютерных атак. Следовательно, стоит констатировать, что именно компьютерные атаки нарушают безопасность объектов КИИ РФ. Поэтому цель компьютерной атаки — это нарушение и (или) прекращение их функционирования и (или) создание угрозы безопасности обрабатываемой объектами КИИ информации (ст. 2 Закона). В результате компьютерной атаки происходит неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, что влечет причинение вреда КИИ РФ или иные тяжкие последствия.

Часть 2 ст. 7 Закона № 187-ФЗ дает более детальное описание причинения вреда³¹. Полагаем, что именно указанные виды последствий и заложены в уголовный закон для их оценки как тяжкие, наступление которых (при наличии других признаков состава преступления) влечет ответственность по ч. 5 ст. 274.1 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ под тяжкими последствиями понимает (п. 14 постановления Пленума № 37)³²:

— причинение вреда жизни и здоровью человека;

— незаконный оборот компьютерной информации (ее незаконное распространение и собирание);

— воздействие на объекты КИИ РФ, повлекшее приостановку или нарушение их работы.

Юридическая конструкция уголовно-правового запрета сформулирована таким образом, что тяжкие последствия включают в себя следующее (табл. 1):

Таблица 1

Цифровая атака на значимый объект КИИ РФ	Последствия, наступившие в результате цифровой атаки	
	Вред, причиняемый значимому объекту КИИ РФ	Иные негативные последствия, которые возникли у субъекта КИИ РФ

До момента разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в теории специалистами предлагались различные позиции по определению тяжких последствий. Ю. В. Трунцевский и М. А. Ефремова³³ в своих работах относили к тяжким применительно к ч. 5 ст. 274.1 УК РФ также широкий круг вредных последствий, распространяющихся как на объекты КИИ, так и в целом на деятельность субъектов КИИ. Выводы, сформулированные авторами, нашли свое отражение в постановлении Пленума № 37. Однако в акте толкования одно определяемое («тяжкие последствия») трактуется через другой термин («длительная приостановка»), что, по нашему мнению, не вносит какой-либо ясно-

сти в понимание тяжких последствий и снова вызывает сложности у правоприменительных органов. Резонный вопрос: что следует понимать под длительной приостановкой работы предприятия? Приостановление его работы на сутки или больше?

Законодательный подход, связанный с установлением неконкретизированных общественно опасных последствий, не соответствует конструкции ст. 274 УК РФ, также закрепляющей ответственность за несоблюдение обязательных требований (правил). В результате возникла рассогласованность между нормами регулятивного и уголовного законодательства, направленного на охрану подобных обществен-

³¹ «...Прекращение или нарушение функционирования объектов обеспечения жизнедеятельности населения, транспортной инфраструктуры, сетей связи, а также максимальное по времени отсутствие доступа к государственной услуге для получателей услуг».

³² «...В частности, длительную приостановку или нарушение работы предприятия, учреждения или организации, получение доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну, предоставление к ней доступа неограниченному кругу лиц, причинение по неосторожности смерти, тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку и т.п.».

³³ Ефремова М. А. Указ. соч. С. 86–92.

ных отношений. Диспозиция уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 274.1 УК РФ, является бланкетной, и для своего правильного понимания и определения тех или иных категорий, выявления особенностей нормативного регулирования она отсылает нас к базовому Закону № 187-ФЗ. Однако на данный момент корреляция между ними отсутствует. По нашему убеждению, именно это обстоятельство негативным образом сказывается на правоприменении, в том числе в результате несовершенства юридической конструкции уголовно-правового запрета.

В статье 274.1 УК РФ дифференциация ответственности исходя из ущерба (крупный ущерб, тяжкие последствия) не проводится. Отсюда возникает вопрос о юридической технике конструирования запрета, применяемой в других статьях гл. 28 УК РФ.

Вред КИИ РФ, о котором говорится в диспозиции анализируемой уголовно-правовой нормы, представляет собой некую универсальную категорию, которая также включает в себя имущественный ущерб и иные негативные послед-

ствия, в том числе нематериального характера. Следовательно, Закон № 187-ФЗ и статья 274.1 УК РФ во взаимосвязи устанавливают, что при определении вреда, причиняемого КИИ РФ, следует учитывать положение п. 4 ст. 2 Закона № 187-ФЗ, закрепляющего понятие «компьютерная атака». Однако это универсальное понятие, которое относится как к последствиям, указанным в ч. 3 и 4 ст. 274.1, так и к ч. 5 ст. 274.1 УК РФ. Но законодатель видит между ними различия, таким образом, наблюдается дифференциация ответственности. При этом постановление Пленума № 37 не раскрывает, что следует понимать под вредом КИИ РФ, толкуя только «тяжкие последствия», еще больше усложняя процесс правоприменения, поскольку содержит такую оценочную категорию, как «длительная приостановка работы предприятия».

Исходя из законодательной конструкции уголовно-правового запрета и акта официального толкования, сформулируем, что следует относить к вреду КИИ РФ и тяжким последствиям (табл. 2).

Таблица 2

Вред, причиняемый объектам КИИ РФ	Тяжкие последствия, наступившие в результате неправомерного воздействия на объекты КИИ РФ
<i>Незначительное нарушение работы предприятия, учреждения или организации</i>	<i>Прекращение функционирования объекта КИИ</i>
Создание угрозы безопасности обрабатываемой объектами КИИ информации	<i>Значительное нарушение работы предприятия, учреждения или организации</i>
	<i>Получение доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну</i>
	<i>Предоставление к информации, составляющей охраняемую законом тайну, доступа неограниченному кругу лиц</i>
	<i>Причинение смерти по неосторожности</i>
	<i>Причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку по неосторожности и т.п.</i>
	<i>Крупный ущерб — ущерб, сумма которого превышает 1 млн руб.</i>

На наш взгляд, вред применительно к ст. 274.1 УК РФ следует понимать как причинение его именно КИИ РФ.

В судебной практике также имеются случаи отнесения к причинению вреда КИИ РФ (как общественно опасному последствию) причинение вреда деловой репутации субъекта КИИ (суды относят иногда к объекту КИИ³⁴). Однако

нам такое решение видится дискуссионным. Статьей 152 ГК РФ охраняется деловая репутация юридического лица. Сложно представить, как может быть причинен вред деловой репутации ИС субъектов КИИ РФ. Вместе с тем деловая репутация юридического лица защищена с точки зрения гражданско-правовых средств воздействия. Возникает вопрос: есть ли необ-

³⁴ Дело от 19.02.2021 № 1-88/2021.

ходимость в ее уголовно-правовой охране? Кроме того, Закон № 187-ФЗ и его положения во взаимосвязи не регулируют экономические отношения. Поэтому считаем отнесение подобного вида вреда непосредственно к вреду КИИ РФ неверным. Косвенно наш вывод подтверждает и структура Особенной части УК РФ, а именно расположение ст. 274.1 в гл. 28 УК РФ, непосредственно не охраняющей общественные отношения в сфере экономики.

Определение понятия «вред КИИ РФ» вызывает проблемы в судебно-следственной практике, что демонстрирует неоднозначность подходов правоприменителей к юридической оценке подобного вида вреда. Достаточно часто можно встретиться с позицией судов, согласно которой внесение заведомо ложных сведений в информационные системы субъектов КИИ РФ является модификацией компьютерной информации. В таких случаях злоумышленникам инкриминируется ч. 4 ст. 274.1 УК РФ. При этом правоохранительные органы полагают, что, внося недостоверные сведения в ИС КИИ РФ, лица «нарушают целостность» ИС, в результате чего сведения «теряют объективность, достоверность и актуальность».

Так, программист одной из больниц, используя чужой доступ к ЕГИСЗ, внес заведомо ложные сведения для получения сертификата о вакцинации от коронавируса и QR-кода для себя и своих родственников. В отношении него был вынесен обвинительный приговор по ч. 4 ст. 274.1 УК РФ³⁵. Оцениваем весьма положительно оправдательный приговор в отношении О. в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного частью 1 ст. 274.1 УК РФ, за совершение таких деяний (внесение заведомо ложных сведений в ЕГИСЗ о прохождении вакцинации)³⁶.

Проблема заключается в том, что компьютерная форма вносимых недостоверных сведений фактически позволяет органам предварительного следствия относить их к компьютерной информации, предназначенной для неправомерного воздействия на КИИ. То есть если недостоверные сведения внесены не в информационную систему, а в документы (например, журналы, ведущиеся в бумажном

виде), то эти действия влекут оценку как подлог документов, а если внесены цифровые данные в ИС, то лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 274.1 УК РФ (тяжкое преступление). Как нам представляется, это обстоятельство свидетельствует о неверном толковании и применении уголовного закона правоприменительными органами. Иначе говоря, неправомерное внесение недостоверных сведений в ИС рассматривается правоохранительными органами как модификация компьютерной информации и как причинение вреда КИИ РФ. Медицинские работники не совершают компьютерную атаку, а используют предоставленные им пароли, логины (сертификаты безопасности) для внесения заведомо ложных сведений, не преследуя цели нарушить или прекратить функционирование объектов КИИ либо создать угрозу обрабатываемой ими информации. Кроме того, имеются случаи осуждения по ст. 274.1 УК РФ за внесение ложных сведений сотрудником в целях сокрытия факта опоздания на работу³⁷. Точно так же возникают вопросы о том, каким образом и как была реализована компьютерная атака и как она в целом повлияла на работоспособность и функционирование объекта КИИ РФ.

Исходя из этого действующая редакция уголовно-правового запрета представляется нам не позволяющей единообразно применять положения уголовного закона. Полагаем возможным связать диспозицию нормы непосредственно с цифровой атакой, что позволит судебно-следственным органам единообразно применять положения закона, в том числе не рассматривать случаи неправомерного доступа, не влекущие угрозу функционирования объекта КИИ РФ, как содержащие признаки состава преступления. Поэтому такая юридическая конструкция нормы обязует правоприменителей устанавливать прямую причинно-следственную связь между цифровой атакой и последствиями в виде воздействия на объекты КИИ РФ.

Вернемся к отнесению действий в виде внесения недостоверных сведений в ИС, являющихся объектом КИИ, к неправомерному воздействию на КИИ РФ. Напрашивается вопрос об общественной опасности подобных деяний: она столь велика, что должна рассматриваться

³⁵ Обзор судебной практики по статье 274.1 УК РФ // Информационная безопасность. 2022. № 2. С. 10–11.

³⁶ Дело от 28.04.2022 № 1-14/2022 (1-263/2021).

³⁷ Суд оштрафовал на 200 тыс. руб. системного администратора за внесение изменений в работу СКУД оборонного предприятия // URL: <https://habr.com/ru/news/667086/> (дата обращения: 10.12.2024).

как тяжкое преступление? Установив факт внесения заведомо ложных сведений в информационную систему, владелец данных вправе удалить недостоверные сведения из информационной базы. При этом так называемые целостность и актуальность информации будут восстановлены.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³⁸ и Закон № 187-ФЗ имеют разные цели применения. Если первый нормативный правовой акт относится к концепции информационного общества и связан с охраной информации (предоставляемой в любом виде), то второй направлен на обеспечение устойчивости функционирования ИС, ИКТС и АСУ при совершении на них компьютерных атак. Поэтому Законом № 187-ФЗ не охраняются информация и ее основные свойства. Ввиду этого стоит констатировать, что, внося недостоверные сведения в ИС, ИКТС и АСУ, злоумышленник не посягает на устойчивость функционирования объектов КИИ РФ. Логично поставить и вопрос о том, как внесение недостоверных сведений в систему о проведении вакцинации в целом влияет на национальную безопасность и вообще связано с компьютерными атаками. При этом работоспособность ИС или иных объектов КИИ РФ остается незатронутой и ненарушенной.

На основе проведенного нами исследования предлагаем дополнить постановление Пленума № 37 следующими положениями:

1. Под вредом значимым объектам критической цифровой инфраструктуры РФ как квалифицирующим признаком в ст. 274 УК РФ следует понимать незначительное нарушение функционирования значимых объектов критической цифровой инфраструктуры РФ или создание угрозы безопасности обрабатываемой значимыми объектами критической цифровой инфраструктуры РФ информации.

2. Совершение цифровой атаки на значимые объекты критической цифровой инфраструктуры РФ должно отражаться на устойчивости функционирования объектов критической цифровой инфраструктуры РФ и должно быть связано с нарушением работоспособности значимых объектов критической цифровой инфраструктуры РФ.

3. Судам следует установить, что в результате цифровой атаки на ИС, ИКТС, АСУ или ин-

формацию наступают негативные последствия, оказывающие влияние на устойчивость функционирования объекта критической цифровой инфраструктуры РФ.

Проблемы квалификации преступления, предусмотренного частью 3 ст. 274.1 УК РФ

Диспозиция уголовно-правовой нормы является бланкетной и требует обращения (для верного толкования) к законодательным актам. Так, нами уже отмечена рассогласованность между нормами базового отраслевого закона — Закона № 187-ФЗ и уголовного закона. В то же время Закон № 187-ФЗ направлен на регулирование общественных отношений в области обеспечения безопасности КИИ РФ в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении ее компьютерных атак. Следовательно, криминализации должны подлежать деяния, связанные с компьютерной атакой как целенаправленным воздействием программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты КИИ. При этом компьютерная атака совершается в целях нарушения и (или) прекращения функционирования объектов КИИ РФ и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой объектами КИИ РФ информации. Однако действующая законодательная конструкция состава преступления, предусмотренного статьей 274.1 УК РФ, вообще не связана с цифровой атакой. Под словом «целенаправленное» мы понимаем реализацию объективной стороны состава преступления с прямым умыслом, чего также не наблюдается в диспозиции уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 274.1 УК РФ.

В Законе № 187-ФЗ не содержится обязанностей по соблюдению субъектами правил эксплуатации или правил доступа.

Полагаем, что действия лиц по нарушению правил эксплуатации или правил доступа не связаны с реализацией компьютерной атаки. Ввиду этого расположение представленного состава преступления в конструкции ст. 274.1 УК РФ вообще нецелесообразно, поскольку нарушения правил эксплуатации или правил доступа напрямую не связаны с компьютерной атакой.

Криминализовав деяние, законодатель старался тем самым обезопасить (и охранять) национальную безопасность государства. Несомненно, информационная безопасность — часть

³⁸ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

национальной безопасности РФ³⁹, поэтому и противоправные посягательства должны быть направлены против информационной (в нашем случае цифровой) безопасности РФ. В свою очередь, неосторожные действия виновных вообще нельзя назвать целенаправленными в контексте компьютерной атаки. Предлагаем ответственность за нарушение правил эксплуатации либо правил доступа закрепить в ст. 274 УК РФ.

Трансформация информационной инфраструктуры в цифровую

В свете настоящего исследования хотелось бы остановиться на том, что современная информационная инфраструктура с практической (технико-технологической) точки зрения полностью основывается на цифровых технологиях, в том числе в ней применяются методы цифровой обработки, хранения и передачи данных, используются цифровые системы и устройства и в целом цифровое программное обеспечение. Таким образом, цифровые технологии оказывают значительное влияние на базовую форму представления информации — цифровых данных. При этом формируемая цифровая инфраструктура является подвидом информационной инфраструктуры, как бы дополняя ее цифровой составляющей. Поэтому цифровая инфраструктура — часть информационной, и они соотносятся как часть и целое.

По нашему мнению, слово «информационная» в определении «объекты КИИ» и иных («субъекты КИИ» и т.д.) в контексте Закона № 187-ФЗ не в полном объеме раскрывает предназначение таких объектов и их содержание. Вместе с тем категория «информация (информационная)» в контексте КИИ РФ и Закона № 187-ФЗ не отражает процессов, происходящих в современных АСУ и сетях, их объединяющих. Стоит уточнить, что обработке цифровыми устройствами и технологиями в сети Интернет подлежит именно цифровая (а не компьютерная) информация. В связи с этим полагаем необходимым в Законе № 187-ФЗ и в ст. 274 и 274.1 УК РФ аббревиатуру «КИИ РФ» заменить

на словосочетание «критическая цифровая инфраструктура», а также термин «компьютерная атака» заменить на «цифровая атака».

Заключение

Во-первых, здравоохранение выступает важной сферой общественной жизни, от качества которой зависят продолжительность жизни и сохранность здоровья граждан в целом. Во многих странах сектор здравоохранения рассматривается как важнейшая национальная инфраструктура, наряду с водоснабжением, электричеством и транспортными сетями. Поэтому вопросы уголовно-правовой охраны цифровой инфраструктуры учреждений системы здравоохранения, несомненно, важны и актуальны. Однако предлагаемые нами меры касаются не только непосредственно медицины, а вообще любого субъекта, указанного в Законе № 187-ФЗ, и носят своего рода универсальный характер.

При этом уголовно-правовой запрет должен коррелировать с положениями Закона № 187-ФЗ. По мнению А. П. Кузнецова, законодатель должен стремиться к унификации правовых предписаний, их гармонизации для целенаправленного регулирования правового поведения субъектов с учетом тех или иных социальных интересов⁴⁰.

Складывающаяся судебная практика полностью дискредитировала понятие «КИИ РФ», потому что главными источниками угроз КИИ РФ являются, исходя из вышеуказанной судебной практики, студенты, менеджеры, школьники, медицинские сестры и т.д.⁴¹

Во-вторых, действующая редакция ст. 274.1 УК РФ демонстрирует рассогласованность между положениями УК РФ и Законом № 187-ФЗ. Следовательно, как таковой угрозой безопасности КИИ РФ выступает именно *цифровая атака* (напомним, что в Законе № 187-ФЗ она называется компьютерной атакой).

В-третьих, предлагаем в качестве предмета преступления, предусмотренного статьей 274.1 УК РФ, указать «значимые объекты критической цифровой инфраструктуры РФ».

³⁹ Исходя из Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁴⁰ Кузнецов А. П. Проблемы рассогласованности положений главы 22 УК РФ с положениями отраслевых законодательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 167–173.

⁴¹ Приговор по делу от 29.07.2020 № 1-805/2020 ; дело от 19.02.2021 № 1-88/2021.

В-четвертых, предлагаем внести следующие изменения в УК РФ:

1. Статья 274:

а) ч. 2 изложить в следующей редакции:

«2. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, обращающейся в значимом объекте критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия таких объектов, либо правил доступа к такой информации, если оно повлекло причинение вреда значимым объектам критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации»;

б) дополнить частью 3:

«3. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, если оно повлекло тяжкие последствия».

2. Статья 274.1:

а) наименование изложить в следующей редакции:

«Статья 274.1. Совершение цифровой атаки на значимые объекты критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации»;

б) текст изложить в следующей авторской редакции:

«1. Совершение цифровой атаки на значимые объекты критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации, — наказывается...»;

«2. То же деяние, если оно совершено группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, — наказывается...»;

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия, — наказываются...».

В-пятых, п. 14 постановления Пленума № 37 предлагаем дополнить определением понятия «вред значимым объектам критической цифровой инфраструктуры РФ как квалифицирующий признак в ст. 274 УК РФ», изменить понятие «тяжкие последствия» как «длительное прекращение (более суток) или значительное нарушение функционирования значимых объектов критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации, причинение крупного ущерба... (далее действующего разъяснения)».

Кроме того, п. 14 дополнить следующим абзацем:

«Судам следует установить, находится ли в прямой причинно-следственной связи подвергшийся цифровой атаке значимый объект критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации с устойчивостью его функционирования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтеев Д. В., Сосновицкая А. М., Казенас Е. В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. № 2 (4). С. 943–972. DOI: 10.21202/jdtl.2024.45. EDN: MJUIGD.

Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // *Безопасность бизнеса*. 2019. № 1. С. 27–32.

Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 30 с. EDN: YRTZMD.

Бегишев И. Р. Проблемы противодействия преступным посягательствам на информационные системы критически важных и потенциально опасных объектов // *Информационная безопасность регионов*. 2010. № 1 (6). С. 9–13. EDN: MBFKTH.

Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана информационной инфраструктуры критически важных и потенциально опасных объектов Российской Федерации // *Россия — правовое государство: проблемы и пути формирования: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (г. Дербент, 4 марта 2010 г.). Дербент, 2010. С. 116–119. EDN: YOTKDM.

Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2019. Т. 21. № 2. С. 130–139.

Ефремова М. А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 86–92. DOI: 10.37973/KUI.2022.10.11.011.

Кругликов Л. Л., Бражник С. Д., Пилясов И. А. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ): некоторые проблемы определения признаков состава преступления // Журнал юридических исследований. 2019. № 3. С. 53–62.

Кузнецов А. П. Проблемы рассогласованности положений главы 22 УК РФ с положениями отраслевых законодательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 167–173.

Малыгин И. И. Актуальные проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2023. Т. 13. № 2. С. 165–176.

Малыгин И. И. Уголовно-правовое противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 24 с.

Мирный Д. С. О соотношении объекта преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ, и объекта охраны законодательства в сфере безопасности критической информационной инфраструктуры // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 193–197.

Мирный Д. С. Функционирование значимых объектов критической информационной инфраструктуры как объект преступлений, предусмотренных статьей 274.1 УК РФ // Закон и право. 2024. № 6. С. 229–233. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-6-229-233.

Мосечкин И. Н. Проблемы уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 22–34. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).22-34. EDN: OLQBCA.

Рускевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 521 с. EDN: IXNSFI.

Рускевич Е. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации по законодательству Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 108–113.

Соловьева Е. А. Вред как криминообразующий признак в составах преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 274.1 УК РФ // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 560–561.

Трунцевский Ю. В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 99–106.

Шульга А. В., Галиакбаров Р. Р. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 238–242.

REFERENCES

Bakhteev DV, Sosnovikova AM, Kazenas EV. Overcoming illegal cross-border transfer of personal data. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(4):943-972. (In Russ.). DOI: 10.21202/jdtl.2024.45. EDN: MJUIGD.

Begishev IR. Criminal law protection of the information infrastructure of critical and potentially dangerous facilities of the Russian Federation. In: Russia — the rule of law: Problems and ways of formation. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Derbent; 2010. (In Russ.).

Begishev IR. Problems of counter action to the criminal encroachments on the information systems of critical and potentially dangerous objects. *Informatsionnaya bezopasnost regionov*. 2010;1(6):9-13. (In Russ.).

Begishev IR. Security of critical information infrastructure of the Russian Federation. *Bezopasnost biznesa*. 2019;1:27-32. (In Russ.).

Begishev IR. The Concept and Types of Crimes in the Sphere of Digital Information Circulation. Cand. Sci. (Law). Author's Abstract. Kazan; 2017.

Dremlyuga RI, Zotov SS, Pavlinskaya VYu. Critical information infrastructure as object of a criminal offence. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2019;21(2):130-139. (In Russ.).

Efremova MA. Criminal liability for unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2022;13(4(50)):86-92. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2022.10.11.011.

Kruglikov LL, Brazhnik SD, Pilyasov IA. Undue influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation (article (article 274.1 of the criminal code of the Russian Federation): some problems of definition of signs of a crime. *Journal of legal Studies*. 2019;3:53-62. (In Russ.).

Kuznetsov AP. Problems of legal inconsistencies between the provisions of chapter 22 of the criminal code and the provisions of branch legislation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;2(34):167-173. (In Russ.).

Malygin II. Actual problems of qualification of unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation. *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*. 2023;13(2):165-176. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176>.

Malygin II. Criminal law counteraction to unlawful impact on critical information infrastructure. *Cand. Sci. (Law). Author's Abstract*. Moscow; 2023. (In Russ.).

Mirny DS. On the ratio of the object of crimes provided for in article 274.1 of the criminal code of the Russian Federation and the object of protection of legislation in the field of security of critical information infrastructure. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2024. № 3. С. 193–197.

Mirny DS. Operation of significant objects of critical information infrastructure as an object of crimes provided for in article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakon i pravo*. 2024;6:229-233. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-3313-2024-6-229-233.

Mosechkin IN. Problems of the criminal law protection of critical information infrastructure of the Russian Federation. *Russian Journal of Criminology*. 2023;17(1):22-34. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).22-34.

Ruskevich EA. Criminal liability for computer crimes under the laws of the chinese people's republic: comparative-legal analysis. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018;5:108-113. (In Russ.).

Ruskevich EA. Differentiation of responsibility for crimes committed with the use of information and communication technologies and problems of their qualification. *Dr. Sci. (Law) Diss*. Moscow; 2020. (In Russ.).

Shulga AV, Galiakbarov RR. Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernoye vozdeystviye na kriticheskuyu informatsionnyu infrastrukturu Rossiyskoy Federatsii (st. 274.1. UK RF) [Criminal Liability for Unlawful Interference with the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation (Art. 274.1, Criminal Code of the Russian Federation)]. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2018;5:238-242. (In Russ.).

Solovyeva EA. Harm as a criminogenic factor in the *corpus delicti* under Part 2 and 3 of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as CC of the RF). *Perm Legal Almanac*. 2023;6:560-561. (In Russ.).

Truntsevskiy YuV. Unlawful impact on critical information infrastructure: the criminal liability of its owners and operators. *Journal of Russian Law*. 2019;5:99-106. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова
Московская ул., д. 42, г. Казань 420111, Российская Федерация
shutova1993@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albina A. Shutova, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Research Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation
shutova1993@inbox.ru

*Материал поступил в редакцию 14 декабря 2024 г.
Статья получена после рецензирования 12 февраля 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2025 г.*

*Received 14.12.2024.
Revised 12.02.2025.
Accepted 15.08.2025.*

В. М. Бурла

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Феноменология идентичности в социально-политических и конституционно-правовых исследованиях

Резюме. Категория «идентичность» мигрировала в понятийный аппарат юриспруденции, в том числе конституционно-правовой науки, из других социально-гуманитарных направлений. В этой связи в основной части статьи автор последовательно раскрывает грани феномена идентичности в рамках четырех блоков: 1) социально-антропологического; 2) национально-политического; 3) правовой действительности (через синонимический ряд: «правовой стиль», «правовая культура», «правовая память»); 4) доктрины конституционной идентичности как метауровня онтологического и институционального (позитивированного) бытия идентичности в праве. Отмечается многоплановая смысловая дихотомия идентичности в правовых исследованиях: как состояния уникальности (самобытности) и тождественности (общности); как результата субъективного самоопределения (рефлексивно-иррационального акта) и каталога объективистских параметров государственно-политической, нормативно-правовой систем; как продукта синергии классического позитивизма, универсальных правовых ценностей и национальной правовой культуры. В логике интерференции и дифракции множества смыслов конституционная идентичность, по мнению автора, с одной стороны, обнаруживается в нормативном ядре системообразующих конституционных ценностей, дефиниция которых предложена в статье, с другой — может быть представлена как квинтэссенция правовых и внеправовых факторов, определяющих национальный конституционный правопорядок в конкретный исторический период. Доктрина конституционной идентичности, таким образом, интегрирует несколько взаимопроникающих уровней: аксиологический, национальный, нормативный.

Ключевые слова: конституционная идентичность; национальная идентичность; правовая идентичность; конституционные ценности; конституционный правопорядок; конституционная традиция; конституция; правовой стиль; правовая культура; правовая память

Для цитирования: Бурла В. М. Феноменология идентичности в социально-политических и конституционно-правовых исследованиях. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 95–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.095-107

Phenomenology of Identity in Socio-Political and Constitutional Legal Studies

Victoria M. Burla

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The category of «identity» has migrated into the conceptual framework of jurisprudence, including constitutional law from other social sciences and humanities. In this regard, the main part of the paper consistently explores the facets of the phenomenon of identity within the framework of four blocks: 1) in socio-

anthropological and 2) national-political aspects, 3) considers identity as a phenomenon of legal reality through a synonymous series («legal style», «legal culture», «legal memory»), 4) explores the doctrine of constitutional identity as a kind of meta-level of ontological and institutional (positivized) existence of identity in law. The multidimensional semantic dichotomy of identity in legal studies is noted: as a state of uniqueness (distinct identity) and sameness (community); as a result of subjective self-determination (reflexive irrational act) and a catalog of objectivist parameters of state political, regulatory and legal systems; as a product of the synergy of classical positivism, universal legal values and national legal culture. According to the author, in the logic of interference and diffraction of multiple meanings, constitutional identity, on the one hand, is found in a kind of normative «core» of system-forming constitutional values, the definition of which is proposed in the paper. On the other hand, it can be presented as the quintessence of legal and extralegal factors that determine the national constitutional order in a particular historical period. The doctrine of constitutional identity thus integrates several interpenetrating levels: axiological, national, and normative.

Keywords: constitutional identity; national identity; legal identity; constitutional values; constitutional order; constitutional tradition; constitution; legal style; legal culture; legal memory

Cite as: Burla VM. Phenomenology of Identity in Socio-Political and Constitutional Legal Studies. *Lex russica*. 2025;78(9):95-107. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.095-107

Введение

Лексемы «национальная идентичность», «правовая идентичность», «конституционная идентичность» глубоко проникли в терминологический аппарат юридических наук. Полезно произвести всемерный анализ многогранного понятия «идентичность», мультидисциплинарного, мигрировавшего в конституционное право из психологии, антропологии через культурологию, социологию, философию права.

Развивая предложенную Большой российской энциклопедией классификацию идентичностей в зависимости от уровня¹, можно представить идентичность в категориях и институтах российского конституционного права: *гражданскую* (интеграция на макроуровне как устойчивая правовая связь лица с государством); *локальную* (когда речь идет об осуществлении местного самоуправления на территории конкретного муниципального образования с учетом исторических и иных местных традиций); *региональную* (особенности организации публичной власти в определенном виде субъекта (например, республика) или на определенной территории (например, федеральный округ)); *общегосударственную* (позиционирование России на международной арене, а также правовое позитивирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей внутри страны).

Таким образом, термин релевантен при характеристике как индивида, так и социальной

(этнической) группы, общества (народа) в целом, наконец, государства. Утрата идентичности в случае с индивидом приводит к аномии, деперсонализации; разрушение идентичности на уровне социальной группы влечет прекращение ее существования. Каковы последствия гипотетической утраты идентичности народом, государством и возможно ли это практически? Ответ на этот вопрос зависит от методологии и целеполагания исследования феномена идентичности, его конечного смыслового наполнения.

Идентичность — явление многослойное, и, прежде чем рассматривать его как феномен правовой действительности и объект внимания ученых-конституционалистов, обратимся к первоосновам: антрополого-психологическому и социокультурному уровням. Далее разберем идентичность в чувствительном национально-политическом контексте, затем в рамках философии и теории права и, наконец, в конституционно-правовой материи, которая интегрирует различные грани понимания идентичности и предлагает метауровень онтологического и институционального (позитивированного) бытия идентичности в праве.

Идентичность в человеческом измерении (антропологический и социальный аспекты)

Несмотря на то что в настоящее время превалирует понимание термина «идентичность» в зна-

¹ Леонтьев Д. А., Савельева О. О. Идентичность // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 695.

чении самобытности, особенности, лексема «идентичность» происходит от средневекового латинского *identicus*, т.е. «тождественный», «одинаковый». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (т. XIII (24), с. 798), не раскрывая сути «идентичности», советует обратиться к слову «тождество»². Приходится согласиться с тем, что «индивидуальность» и «идентичность» — антонимы³, и, хотя для обозначения особенности, своеобразия, специфичности корректно использовать слово «индивидуальность», именно термин «идентичность» инспирирует понятия с корнем «сам», подчеркивающие уникальность и субъектность: *самобытность, самоопределение, самосознание, самостоятельность*. Одновременно «идентичность» указывает на некий набор устойчивых характеристик, позволяющих установить связь (принадлежность) явления к определенному классу (идентифицировать).

Замечательно о рассматриваемой дихотомии писал Поль Рикёр, утверждавший, что «тождественность есть понятие, выражающее отношение и отношение отношений»⁴. Автор указывал на существование двух идентичностей: *числовой*, когда речь идет о тождественности вещи самой себе (вещь в данном случае существует в единственном числе, а идентичность означает единственность), и *качественной*, которой имманентно значение множественности, поскольку в этом смысле идентичность указывает на предельное сходство и даже взаимозаменяемость явлений при соблюдении *salva veritate* (с сохранением истины).

На первом, психолого-антропологическом, плане «идентичность» означает «осознание принадлежности субъекта другому субъекту как части и целого, особенного и всеобщего»⁵. Так что, если идентичность есть тождественность, то *идентификация* — своего рода рефлексия на предмет устойчивости собственных характери-

стик индивида и группы, процесс интенсивного (вглубь, рефлексия-в-себя, по Г. Гегелю) и экстенсивного (вширь, рефлексия-в-другое) самоопределения.

Отметим, что привычное юристам восприятие идентичности как некоей априорности мира вещей и явлений, стоит принципиально заменить на субстантивное. Речь о том, что в специальной литературе по антропологии и культурологии выражается в формуле: «человеческую идентичность... следует рассматривать не в качестве *субстрата* (т.е. как нечто изначально данное, определенное, застывшее в своих формах), а в качестве *субстанции* (т.е. как нечто самоопределяющееся, находящееся в постоянном движении, изменении)»⁶.

Так или иначе, идентичность индивида в экзистенциальном изводе есть результат сравнения себя с другими, апробации своей социальной роли, поиск самооснования («кто я?») для реализации призвания⁷.

Социальная идентичность — результат самоидентификации индивида посредством самоотнесения и самоотождествления с социальными образцами (группами, ролями, статусами), в конечном счете это способность остаться собой, одновременно обнаруживая общность с социальными группами (этническими, религиозными, профессиональными и т.д.), которые воспринимаются как «свои». В социологических трудах предлагается трактовать, например, социально-национальную идентичность как самоотождествление с определенной национальностью, «опираясь на факторы причастности к “Своим” и противопоставления с “Другими”»⁸. Издержками такой модели самопозиционирования нации в межкультурной коммуникации нередко становится противопоставление идеализированного образа «наших» и сконструированных по образу врага «ненаших», и

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII (24) : Земпер — Иминокислоты // Электронная библиотека «Руниверс». URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10155/> (дата обращения: 21.11.2024).

³ Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196.

⁴ Рикёр П. Я — сам как другой : пер. с франц. М., 2008. С. 145.

⁵ Шокуева О. А., Кочесокова М. М., Абазова Д. А. Современные трансформации социокультурной идентичности в России // *Nauka.me*. 2021. № 4. С. 85–88.

⁶ Культурная идентичность : учеб. пособие / под ред. Я. С. Иващенко. Новосибирск, 2023. С. 11.

⁷ Об этом см., например: Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984 ; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М., 2006.

⁸ Лапшов В. А. Социально-национальная идентичность в условиях глобализации: теоретические основы социологического исследования // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей. М., 2014. С. 91.

в этом аспекте затрагивается более глубокий слой национальной идентичности, о чем речь пойдет далее.

Подытоживая, отметим, что антрополого-психологические исследования подарили научному дискурсу дихотомию идентичности как тождества и самобытности, как индивидуализма и коммунитаризма, как акта рационального и вместе с тем ценностно-рефлексивного, параллельно обогатив понятийно-категориальный аппарат социогуманитарных наук синонимическим рядом: «самобытность», «идентификация», «самосознание», «самотождественность», «автономия» и пр.

Любопытно, что движение феномена идентичности от самобытности к тождественности (и в обратном порядке) можно наблюдать и в национально-культурном дискурсе, и в междисциплинарных исследованиях, и в трудах ученых-конституционалистов.

Национальная идентичность: острые грани чувствительного дискурса

Феномен национальной идентичности связан с государственной и общественно-политической жизнью, а потому концептуализирован в *политологии* как акт ценностной и рациональной рефлексии, благодаря которой соизмеряются цели и средства политической деятельности. Он также рассматривается в *социологическом аспекте* чаще всего в контексте коммуникативных действий как проблемная область, в которой надлежит найти такие формы взаимодействия различных акторов, которые приведут к взаимному пониманию и конструктивному результату. В *государствоведении* национальная идентичность соприкасается с национальным, народным, государственным суверенитетом⁹.

Исследование феноменологии идентичности социальными науками, начавшееся с середины XX в., было связано с зарождающейся глобализацией (и сопутствующим ей стиранием границ между различными этногеографическими группами), процессами миграции (и, как следствие, культурно-языковой ассимиляцией

этносов), а также нарастающей потребностью малых общностей к автономизации (запрос на самоопределение небольших этносов и создание национальных автономий, в том числе политико-территориального типа) в условиях мультикультурализма и толерантности. Этим обосновано движение к формулированию и прокламации национальной идентичности в значении самобытности как посыла глобальному миру от наций, народов, государств «Мы есть!».

Безусловно, глобализация расширяет возможности развития обществ и государств, однако национальная идентичность «как свойство сохранять целостность своей нации и осознавать принадлежность к ней в условиях нестабильности становится одним из важнейших факторов реализации социального потенциала»¹⁰. Иными словами, сохранение национальной идентичности есть условие выживания, самовоспроизводства и развития национальных и государственно-организованных обществ.

В этой плоскости национальная идентичность тесно сопряжена с культурной идентичностью в коллективном измерении (выделяют также индивидуальную культурную идентичность) как процессом и результатом саморефлексии общности (этноса, нации, народа). Замечено, что культурная идентичность в хронологии человеческих сообществ проходит несколько стадий: от *монокультурной* (интракультурной), *мультикультурной* (поликультурной) к *межкультурной* (транскультурной или глобальной) идентичности¹¹. Очевидно, в результате трансформации в контексте глобализации коллективная культурная идентичность как бы утрачивает национальную составляющую. Закономерно, что сегодня мультикультуральность постмодерна воспринимается конкретным государственно-организованным сообществом как вызов своей идентичности и угроза существованию.

Возникает запрос на четкую артикуляцию цивилизационного выбора, утверждение национального фактора. В конституционно-правовом измерении это, в частности, выражается в ретрадиционализации общегосударственных приоритетов, стремлении официально зафиксировать позиции национальной культуры как

⁹ Деникина З. Д. Национальная идентичность как предмет междисциплинарного анализа // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей. М., 2014. С. 55–56.

¹⁰ Лапшов В. А. Указ. соч. С. 87.

¹¹ Му Чэнбинь. Культурная идентичность и генезис межкультурной идентичности в условиях глобализации: магистерская диссертация. М. : НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/ma/lc/students/diplomas/page4.html/366978591> (дата обращения: 23.11.2024).

исторического достижения и охраняемой конституционной ценности. С такой интенцией в 2020 г. в Конституцию РФ были внесены дополнения о культуре как уникальном наследии многонационального народа России (ч. 4 ст. 68), о культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, а также о сохранении общероссийской культурной идентичности (ч. 2 и 3 ст. 69). Однако воплощение артикулированных идей на практике не может быть представлено как линейный однородный процесс, поскольку Россия «представляет собой мозаичное пространство, предоставляющее множество вариантов идентификационных стратегий»¹², а концептуализация политико-национальной идентичности может происходить по одному или сразу по нескольким сценариям. Так, З. Жаде и А. Шадже предлагают четыре дискурса в поиске идентичности: гражданской нации, этнонационализма, имперского (или державного) и цивилизационного¹³, но, очевидно, могут быть и другие подходы, например в контексте религиозного (православного, исламского, буддийского) фундаментализма, либерально-демократического возрождения и т.д.

В самом деле идентичность является в дискурсе, представляя собой не данность, а результат осмысления, говорения и действия. Раскрываясь в процессе рефлексии и публичной дискуссии, национальная идентичность часто облекается в форму национальной идеи, связанной с эффектом национального самосознания, монологичным и субъективно-оценочным по сути. И здесь неизбежен выход в плоскость полемики о национальной (государственной) идеологии или, чтобы исключить романтизацию, о «субъективном предпочтении определенного типа политической власти»¹⁴.

Второй вектор, помимо идейного и идеологического, дискуссии о национальной идентичности — тема патриотизма. Спекулятивность рассуждений по мотивам любви к Родине приводит к подмене патриотического мироощущения как деятельного устремления к реализации пожелания лучшей судьбы своему Отечеству единомыслием, основанным

на преданности властным элитам. По нашему глубокому убеждению, истинный патриотизм выражается в объективном и нелицеприятном анализе проблем общественно-государственного бытия ради поиска эффективных решений по их преодолению, патриотизм — это социально-идейная платформа для совершенствования условий жизни народа своей страны. Однако в эмоциональном плане эта тема сочетается с ультраправыми идеями, яркими психоэмоциональными актами и практически нереализуемыми потенциалами, когда *проживание национальной идентичности*, которое выражено в чувстве гордости, восхищении подвигом народа, ощущении причастности к величию страны, в актуальной реальности остается бесплодным, самодостаточным на уровне обряда («Я помню, я горжусь»), не обнаруживая пассионарную форму благого действия («Делаю всё зависящее от себя здесь и сейчас, чтобы моей стране и ее народу было хорошо»).

В этом национально-политическом разрезе идентичность является крайне чувствительной темой, поскольку ее составляют ядерные иррациональные убеждения социальных групп и властных элит; более того, концепт национальной идентичности (патриотизма) в информационном пространстве нередко используется как средство навязчивой индоктринации, грубой пропаганды, иных политтехнологических манипуляций.

Избегая нисхождения к подобной риторике, обратимся к исследованиям, предлагающим рассматривать национальную идентичность по правилам науки, а не в стилистике экзальтированных чувств.

В литературе отмечаются *два аспекта национальной идентичности*: этнический и общегражданский. В первом случае она выступает как состояние самоощущения и осознания индивида себя членом определенной этнической, языковой, религиозной группы в конкретной культуре, во втором — речь идет скорее о политической идентичности, об осознании принадлежности к стране (факторы «крови» и «почвы»), о признании правильности внешней политики своего государства и адекватности его

¹² Жаде З. А., Шадже А. М. Основы политико-правовой идентичности россиян и конституционные ценности: концептуальный анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». 2012. Вып. 2.

¹³ Жаде З. А., Шадже А. М. Указ. соч.

¹⁴ Деникина З. Д. Указ. соч. С. 55.

внутренней социально-политической и экономической системы¹⁵. Полагаем, что феномен национальной идентичности в первом смысле получает закрепление в законодательстве РФ о гражданстве, прежде всего в нормах о порядке натурализации как результате добровольного и осознанного выбора по самоидентификации лица с культурой, историей, традициями России, тогда как во втором — в документах стратегического планирования в терминах: «общероссийская гражданская идентичность»¹⁶, «общероссийская культурная идентичность»¹⁷, «культурно-ценностный суверенитет»¹⁸.

Научная и практическая проблематизация национальной идентичности обусловлена рядом факторов: во-первых, национальная самоидентификация индивида часто следует за национальной идентичностью родителей, соответственно, усложняется в этнически неоднородном браке (любопытно эта дихотомичность решается законодательством РФ о гражданстве в части норм о филиации, однако право не может разрешить ее на уровне самоощущения лица); во-вторых, в полинациональных государствах, к числу которых, безусловно, принадлежит Российская Федерация, формирование единой и монолитной национальной идентичности (как вариант, в парадигме «мы — русские») затрудняется, в особенности когда речь идет о представителях национальных республик — носителях иных, чем русский, языков народов Российской Федерации, национально-культурных автономиях, коренных малочисленных народов, национальных меньшинствах. Неслучайно правовой статус соответствующих категорий субъектов урегулирован отдельными федеральными законодательными актами, а конституционная поправка 2020 г. о русском как языке государствообразующего народа подверглась справедливой критике. Соли-

дарны, что упомянутая «поправка превращает автора Конституции — «многонациональный народ» в «многонациональный союз народов», среди которых при формальном равноправии есть главный — «государствообразующий»»¹⁹. Неужели проживающие в России «еще более ста «государствонеобразующих народов», для которых родным является другой язык и которые составляют сегодня свыше четверти населения страны»²⁰, не внесли вклад в построение современной российской государственности? Очевидны искусственность, научная необоснованность и практическая вредность такого разделения внутри конвенционального понятия «многонациональный народ России» в условиях потенциальной социальной нестабильности и межнациональных конфликтов.

Изложенное обращает к выводу о чувствительности темы национальной идентичности, которая не терпит ни абсолютизации, приводящей к национализму, ни умаления, итогом которого становятся гражданские конфликты, правовая дискриминация и разобщение народа как единого источника власти и носителя суверенитета.

Правовая идентичность: правовой стиль, правовая культура, правовая память

В этой части мы входим в контекст философии и теории права. И, стремясь детерминировать правовую идентичность, неизбежно попадаем в пространство богатого синонимического ряда. Правовая идентичность в значении идентичности коллективного субъекта права или идентичности национальной правовой системы может быть описана терминами:

а) «правовой стиль», так как стиль «во-первых, характерен; во-вторых, своеобразен,

¹⁵ Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 24.

¹⁶ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. 09.11.2022.

¹⁷ Указ Президента РФ от 02.06.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.

¹⁹ Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М., 2020. С. 8.

²⁰ Ачкасов В. А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // Политическая экспертиза: Политэкс. 2022. Т. 18. № 2. С. 215.

в-третьих, соотносится с определенной манерой, модальностью, модой»²¹. Правовой стиль может служить основой классификации правовых систем. Это, например, предлагал К. Цвайгер с учетом ряда аспектов, наполняющих феномен правового стиля: «1) историческое происхождение и развитие правовой системы; 2) господствующая доктрина юридической мысли и ее специфика; 3) выделяющиеся своим своеобразием правовые институты; 4) правовые источники и методы их толкования; 5) идеологические факторы»²²;

б) «правовая культура», которая может быть понята в значении совокупности «представлений о должном образе права, перспективе и оптимальных путях его развития, возможностях государственного реформирования»²³. Очевидно, этот образ инспирирован культурно-национальными достижениями в области права в процессе его создания (уникальные для конкретной общности памятники права), применения (обычай, традиции), развития представлений о его сущности, назначении (характерные для публичного дискурса правовые и политические учения). Существует точка зрения, что именно правовая культура, проявления которой зависят от присущих отдельным группам обществ исторических путей становления и развития, религиозных основ, характеров социального поведения, является ключевым критерием объединения правовых систем в правовые семьи²⁴;

в) «правовая память», теснейшим образом переплетенная с представлениями о системной многоуровневой преемственности: на уровне источников права, на уровне правосознания и государственно-правовых теорий, на уровне социально-правовых паттернов: «норм, моделей, образцов правовой культуры, сознания, поведения различных субъектов общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение»²⁵.

Правовая идентичность как совокупность доминантных признаков, позволяющих установить в продолжительном континууме не только уникальность, но и тождественность правовой системы того или иного государства самой себе, имманентно связана с понятиями правовой традиции и правовой преемственности. Стиль, культура, память как различные смысловые грани феномена правовой идентичности отражают пролонгированную в поколениях приверженность юридического образования, профессионального сообщества юристов, институтов общества и государства определенным стереотипным моделям, мотивациям и целеполаганию юридически значимой деятельности (просветительской, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной). Преемственность в праве — это связь между этапами развития права, состоящая в сохранении части элементов системы права²⁶, причем, по нашему убеждению, правовая преемственность касается сохранения не любых, а именно корневых (ядерных) элементов правовой системы. Только в этом случае можно говорить о некоей традиции, самобытной культуре и стиле, правовой памяти.

Сложно дать адекватную характеристику российской правовой идентичности, что обусловлено не только объективными факторами, влияющими на становление правовой системы, многие из которых носят внеправовой характер (религиозные, идеологические, политико- и экономико-географические и пр.), но и главным образом дискретностью российской истории, ее реактивностью и, как правило, исторически революционным переходом от одних правовых форм и практик к другим. Так, практически невозможно обнаружить ядерную (корневую) общность правовых моделей, правосознания, правовой культуры между большими историческими отрезками: от Киевской Руси (древнерусское право развивалось в русле европейской

²¹ Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры. М., 2004. С. 804.

²² Цвайгер К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. : пер. с нем. М., 2000. Т. 1 : Основы. С. 108–117.

²³ Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. С. 33.

²⁴ Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М., 2014. С. 7.

²⁵ Рыбаков О. Ю. Указ. соч. С. 36.

²⁶ Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7 (127). С. 42.

традиции и характеризовалось господством обычного права)²⁷ через многовековую неравномерность к праву советского периода, когда работал принцип приоритета ультралевого идеологии над правом *per se*, и, наконец, к признанной в начале 1990-х гг. либерально-демократической парадигме с логичным вхождением в Совет Европы в 1996 г., а затем к достаточно резкому отказу от восприятия в качестве эталона европейской модели (закономерный итог — выход из юрисдикции Совета Европы в 2022 г.) и новой попытке переучреждения России уже в фарватере традиционных духовно-нравственных ценностей. При исследовании российского права в столь широком временном охвате безусловно вести речь о преемственности, фундировании русской (российской) правовой традиции, наращивании монолитной правовой памяти и оттачивании узнаваемого стиля.

Может ли быть концептуально выражена правовая идентичность государства Российского? Едва ли эта задача имеет одно решение. Однако, если ядерное, системообразующее «лицо» правовой идентичности существует, его следует искать в конституционно-правовой материи.

«Конституционная идентичность» — системная метакатегория

В контексте правовой идентичности противостояние национальной и межкультурной (глобальной) идентичностей проявилось через конкуренцию международного права и суверенной юрисдикции государства. На стыке национального и международного права в их взаимодействии зародилась доктрина конституционной идентичности, которая подлежит исследованию и как правовое, и как социокультурное, и как национально обусловленное явление.

Возвращаясь к исходной посылке о смысловой дихотомии внутри понятия «идентичность», отметим, что в юридической литературе сложились две противоречивые тенденции

при исследовании конституционной идентичности: с одной стороны, в русле уникальности истории государства, культуры народа и национальной правовой традиции (идентичность как самость)²⁸, с другой — в значении системы ценностных установок, характеризующих принадлежность к определенной конституционной модели, как своеобразных ««выстраданных переживаний» опыта развития наций»²⁹, одновременно отражающих протоконституционное и конституционное (идентичность как общность). Так, оперируя понятием «конституционная идентичность» применительно к раннему периоду конституционного развития постсоветских государств, мы имеем в виду стилистику конституций четвертого поколения, создававшихся в либерально-демократической парадигме конституционализма и воплотивших европейскую конституционную модель³⁰. Констатируем сходство системы ценностей в первых редакциях конституций стран — членов СНГ, которые принимались в первой половине 1990-х гг.

Неудивительно, что используемые в качестве тождественных понятия «национальная идентичность» и «конституционная идентичность» представляют собой противоположные грани исследуемой категории: если национальная идентичность есть самобытность, то конституционная идентичность скорее каталог правовых ценностей, интегрированных в конституционные тексты. Причина тому — Маастрихтский и Лиссабонский договоры (от 07.02.1992 и от 13.12.2007 соответственно), согласно которым Европейский Союз должен уважать (*shall respect*) национальные идентичности (*national identities*) государств-членов, притом что здесь подразумеваются прежде всего конституционные ценности и формализованные в национальном праве элементы конституционных правопорядков.

Компромиссной является синтетическая формула «национальная конституционная идентичность», к которой прибегает Федеральный конституционный суд ФРГ. В данном

²⁷ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 15.

²⁸ См., например: Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма: монография. М., 2020. С. 134.

²⁹ Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 39.

³⁰ Подробнее о европейской конституционной модели см.: Дудко И. Г., Гагаева Е. А. Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы: монография. М., 2013. С. 15–19.

случае учитывается, что конституционная идентичность «формируется частично против национальной идентичности и частично в соответствии с ней»³¹, т.е. интегрирует как стандарты европейского конституционного наследия, так и внутригосударственные и культурно-национальные особенности. К слову, синергия двух граней (тождественности и специфичности) самоопределения многонационального народа заключена в преамбуле Конституции РФ 1993 г., где корневая самобытность подчеркивается данью памяти предков, общей судьбой на своей земле и исторически сложившимся государственным единством, а отождествление с прогрессивным человечеством выражено через осознание себя частью мирового сообщества и солидарность с общепризнанными принципами и универсальными ценностями (добро, справедливость, благополучие).

Конституционная идентичность играет роль иммунитета правовой системы государства, который призван дать адекватную защиту национальным приоритетам, целям и принципам, закрепленным в конституции, от экспансивного международного влияния, а потому рождение концепции конституционной идентичности в национальной правовой системе почти всегда является ответом на конфликт юрисдикций (национальной и международной; националь-

ной и европейской)³². Так было во Франции с принятием Конституционным советом решения от 26.07.2006 № 2006-540³³ и в Германии, когда Федеральный конституционный суд стал использовать так называемый *identity control* и механизм *ultra vires*. В отечественной практике концепция «конституционная идентичность» получила начало в решениях Конституционного Суда РФ³⁴. Суд неоднократно³⁵ постулировал, что взаимодействие наднационального (европейского конвенционного) и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, акцентируя необходимость уважения национальной конституционной идентичности. Именно в правовых позициях Суда конституционная идентичность получает правовые основания, выступает в качестве системы аргументов и оказывает реальное воздействие на правовую систему в целом.

Кроме того, наряду с восприятием конституционной идентичности как ценностно и идейно наполненной категории в науке предлагается понятие с конкретным позитивным содержанием «*идентичность конституции*», обозначающее своего рода жесткое нормативное ядро конституционного документа, защищенное формальными и материальными пределами преобразования конституции³⁶. В этом смысле конституционную идентичность формируют

³¹ Rosenfeld M. The identity of the constitutional subject: selfhood, citizenship, culture and community. London ; New York, 2010. P. 12.

³² Белослудцев О. С. Конституционная идентичность в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. С. 11.

³³ Conseil constitutionnel. Décision No. 2006-540 DC du 27 juillet 2006. Loi relative au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2006/2006540DC.htm> (дата обращения: 25.11.2024). § 19.

³⁴ Первым из них стало постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658).

³⁵ Впервые в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866).

³⁶ Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2020. № 4. С. 22.

«особо защищенные части конституционного текста, составляющие системообразующее ядро национального конституционного порядка»³⁷.

На наш взгляд, конституционная идентичность представляет квинтэссенцию черт и признаков, определяющих конституционный правопорядок в конкретный исторический период. При этом конституционная идентичность обусловлена и внеправовыми факторами, к числу которых относятся культурные, этнонациональные, исторические, экономические факторы, удачно называемые в литературе «комплектуемыми государственной идентичности»³⁸. Вместе с тем конституционная идентичность заключена в жестком ядре системообразующих конституционных ценностей, под которыми предлагаем понимать базисные (первоосновные) ценности, составляющие ядро системы конституционных ценностей, определяющие цели и приоритеты, а также основополагающие принципы организации и деятельности общества и государства во всех сферах жизни (политической; социально-экономической и духовно-нравственной). Применительно к российской конституционной идентичности они содержатся в гл. 1 Конституции РФ об основах конституционного строя.

С одной стороны, сквозь оптику рационального позитивизма формальные пределы изменения конституции, а именно особый юридический статус ценностно-наполненных норм первой главы, не изменяемой иначе как в порядке пересмотра всей Конституции РФ, являются убедительным доказательством ядерного потенциала для конституционной идентичности России системообразующих конституционных ценностей. С другой — это ядро в одних аспектах было размыто, в иных уточнено и видоизменено рядом ценностно-нормативных положений иных глав Конституции РФ, дополненных параметрами национальной идентичности в результате реформы 2020 г. (ч. 2.1 ст. 67, ст. 67.1, ч. 1 и 4 ст. 68, ч. 2 и 3 ст. 69, п. «в» ч. 1 ст. 114). Конструкция российской конституционной идентичности, таким образом, в текущий исторический момент пребывает в динамиче-

ском построении и не лишена идейных противоречий.

Конституционная реформа и принятые в едином с ней ключе документы стратегического характера, упоминавшиеся во втором блоке основной части нашей статьи, как и пятилетняя дискуссия вокруг них, позволяют сделать вывод, что Россия совершает разворот в сторону национализации и традиционализации конституционной идентичности, и масштабные поправки 2020 г., как кажется, лишь служат трамплином к новой редакции конституционного документа, который системно зафиксирует обновленную идентичность страны. При этом принятие новой конституции хронологически не всегда совпадает с трансформацией конституционной идентичности. Идентичность государственно-организованного общества трансформируется поступательно во времени, и лишь резкая смена политического режима, сопровождаемая переменой в цивилизационном выборе страны, ведет к кардинальному обновлению конституционной идентичности.

Заключение

Идентичность — явление многомерное, и если в социально-антропологическом изводе оно связано прежде всего с самоопределением и самопозиционированием субъекта, то в политико-правовом измерении стремится к объективистским параметрам государственно-политической, нормативно-правовой систем, хотя и не исключает аксиологической составляющей, что подчеркивает соответствующий понятийный ряд («стиль», «память», «традиции», «ценности», «культура»).

В любом из рассмотренных разрезов идентичность как результат идентификации содержит дихотомию тождества и самобытности, индивидуализма и коммунитаризма, акта логико-дискурсивного и вместе с тем иррационально-рефлексивного.

В правовых исследованиях мы также наблюдаем интерференцию и дифракцию смыслов. Правовая идентичность обоснованно детер-

³⁷ См.: Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конференция, 1 декабря 2017 г. СПб., 2017. С. 24.

³⁸ Барциц И. Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М., 2020. С. 40.

минируется как «качество субъекта права, характеризующее его актуальное состояние посредством юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, воспринимаемых как правовые ценности, обеспечивающие положительные правовое сознание и правовую активность»³⁹. Так и конституционная идентичность является не только продуктом классического позитивизма (в контексте теории «конституционного ядра»), но и результатом развития правосознания, конституционной традиции, правовой культуры, имплементации идей конституционализма в конституционные положения и их реализации.

Доктрина конституционной идентичности, таким образом, интегрирует несколько взаимопроницающих уровней: аксиологический (уровень социальных (в том числе общечеловеческих) ценностей, правовой культуры, правовой традиции), национальный (уровень суверенной юрисдикции, правовых режимов автономий, соотношения национального и международного права), нормативный (уровень конкретного позитивного содержания конституции, частей текста, образующих ядро конституционного правопорядка, процедуры преобразования и пересмотра ядерных и иных положений конституции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.

Ачкасов В. А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // Политическая экспертиза: Политэкс. 2022. Т. 18. № 2. С. 215–224.

Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма : монография. М. : Норма, 2020. 536 с.

Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М. : ЛУМ, 2020. 156 с.

Барциц И. Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М. : Дело, РАНХиГС, 2020. 144 с.

Белослудцев О. С. Конституционная идентичность в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. 184 с.

Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Чумаков. М. : Проспект, 2014. 144 с.

Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конференция, 1 декабря 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 19–28.

Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 35–46.

Дудко И. Г., Гагаева Е. А. Влияние европейского конституционного права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 280 с.

Жаде З. А., Шадже А. М. Основы политико-правовой идентичности россиян и конституционные ценности: концептуальный анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». 2012. Вып. 2.

Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М. : ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.

Исаева Н. В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 454 с.

Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.

Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры : пер. с англ. М. : Росспэн, 2004. 1008 с.

Культурная идентичность : учеб. пособие / под ред. Я. С. Иващенко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2023. 67 с.

Леонтьев Д. А., Савельева О. О. Идентичность // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / ред. Ю. С. Осипов. Т. 10. М. : Большая российская энциклопедия, 2008. С. 695–696.

³⁹ *Исаева Н. В.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 83.

- Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М. : Либеральная Миссия, 2014. 136 с.
- Му Чэнбинь. Культурная идентичность и генезис межкультурной идентичности в условиях глобализации: магистерская диссертация. М. : НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/ma/ic/students/diplomas/page4.html/366978591>.
- Рикёр П. Я — сам как другой : пер. с франц. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
- Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7 (127). С. 42–48.
- Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. 44 с.
- Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. : пер. с нем. Т. 1 : Основы. М., 2000. 480 с.
- Шокуева О. А., Кочесокова М. М., Абазова Д. А. Современные трансформации социокультурной идентичности в России // Nauka.me. 2021. № 4. С. 85–88.
- Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2020. № 4. С. 21–49.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIIA (24): Земпер — Имидокислоты // Электронная библиотека «Руниверс». URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10155/>.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М., 2006. 352 с.
- Rosenfeld M. The identity of the constitutional subject: selfhood, citizenship, culture and community. London ; New York, 2010.

REFERENCES

- Achkasov VA. Why do Russians need the status of a «state-forming people»? *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX*. 2022;18(2):215-224. (In Russ.).
- Anichkin ES, Ryakhovskaya TI. «Constitutional identity»: To the issue of narrowing down the term. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2019;446:196-201. (In Russ.).
- Baburin SN. The moral state: A Russian view on the values of constitutionalism. A monograph. Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).
- Barenboim P, Mishina E. Lessons from the 2020 Constitutional crisis. Moscow: LUM Publ.; 2020. (In Russ.).
- Bartsits IH. Constitutional identity and international law: On the constitutionalization of international law and the internationalization of constitutional law. Moscow: RANHiGS Case Publ.; 2020. (In Russ.).
- Belosludtsev OS. Constitutional identity in the doctrine of constitutional law and the practice of constitutional justice bodies. Cand. Diss. (Law). Kazan; 2022. (In Russ.).
- Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Volume XIIA (24). Semper — Imidoacids. Runivers Electronic Library: Available at: <https://runivers.ru / lib/book3182/10155/>.
- Chumakov AN, editor. The issue of national identity in the context of globalization. Collection of scientific articles. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).
- Dudko IG, Gagaeva EA. The impact of the European constitutional law on the constitutional law of Central and Eastern European States. A monograph. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2013. (In Russ.).
- Dudko IG. Modern concepts in Russian constitutional law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(3):35-46. (In Russ.).
- Erickson E. Identity: Youth and crisis. 2nd ed. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Gadzhiev GA. Constitutional identity and human rights in Russia. Law and the state: A cultural dimension. International Scientific and Practical Conference, December 1, 2017. St. Petersburg: SPbGUP Publ.; 2017. P. 19–28. (In Russ.).
- Identity as a subject of political analysis. Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (MEMO RAS, October 21–22, 2010). Moscow: IMEMO RAS Publ.; 2011. (In Russ.).
- Isaeva NV. Legal identity (theoretical and legal research). Dr. Diss. (Law). Moscow; 2014. (In Russ.).
- Ivashchenko YaS, editor. Cultural identity: A textbook. Novosibirsk: NSTU Publishing House; 2023. (In Russ.).
- Kon IS. In search of oneself: Personality and its self-awareness. Moscow; 1984. (In Russ.).

Kroeber AL. Selected works: The Nature of culture. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. (In Russ.).

Leontiev DA, Savelyeva OO. Identity. The Great Russian Encyclopedia: In 30 volumes. Osipov YuS, editor. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2008. Vol. 10. Pp. 695–696. (In Russ.).

Medushevsky AN. Is the Russian legal tradition a pillar or a barrier? Report and discussion. Moscow: Liberalnaya Missiya Publ.; 2014. (In Russ.).

Mu Chengbin. Cultural identity and the genesis of intercultural identity in the context of globalization. Master's thesis. Moscow: Higher School of Economics; 2020. Available at: <https://www.hse.ru/ma/lc/students/diplomas/page4.html/366978591>. (In Russ.).

Riceur P. Oneself as another. Translated from French. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 2008. (In Russ.).

Rosenfeld M. The identity of the constitutional subject: Selfhood, citizenship, culture and community. London; New York; 2010.

Rybakov OYu. Russian legal policy in the field of protection of individual rights and freedoms: Issues of theory. Dr. Diss. (Law). Author's abstract. Moscow; 2005. (In Russ.).

Rybakov VA. Continuity in law and the codification of law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2007;7(127):42-48. (In Russ.).

Shokuyeva OA, Kochesokova MM, Abazova DA. Modern transformations of socio-cultural identity in Russia. *Nauka.me*. 2021;4:85-88. (In Russ.).

Shustrov DG. Constitutional identity and constitutional amendment. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2020;4:21-49. (In Russ.).

Zhade ZA, Shadzhe AM. Fundamentals of political and legal identity of Russians and constitutional values: A conceptual analysis. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, ekonomika, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya [The Bulletin of the Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]*. Maykop: ASU Publishing House; 2012. Issue 2.

Zweigert K, Kötz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law. In 2 volumes. Translated from German. Moscow; 2000. (In Russ.). Vol. 1: Fundamentals. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурла Виктория Михайловна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ymburla@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria M. Burla, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ymburla@msal.ru

Материал поступил в редакцию 16 декабря 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 января 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 16.12.2024.

Revised 16.01.2025.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.108-118

А. К. КаграмановМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Методы и формы регулирования режимов самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение

Резюме. Представленная работа в определенной степени продолжает опубликованную ранее в журнале *Lex russica* статью, посвященную вопросам реализации права на самоопределение на примере Российской Федерации и иных федеративных государств (Каграманов А. К. Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 2. С. 9–23). Автором предпринята попытка раскрыть особенности осуществления права на самоопределение и урегулирования конфликтов в многосоставных унитарных государствах и разделенных обществах, осложненных этническим, языковым, религиозным и другими элементами. Рассмотрены основные правовые доктрины, нормативная база и практические позитивные и негативные примеры (Австрия, Италия, Украина, Ирак, Босния и Герцеговина, Северная Ирландия, Филиппины и др.) воплощения различных моделей самоуправления, таких как интеграционизм, консоционализм, объединение власти, сложное разделение власти, избирательное право, инклюзивность, права человека и национальных меньшинств, вертикальные и горизонтальные способы делегирования полномочий и т.д., способствующих сочетанию территориальной целостности государства и реализации права на самоопределение. Пренебрежение указанными институциональными методами может привести к сецессии территорий. В заключение делается вывод о том, что наиболее подходящей моделью в условиях современного развития многосоставных государств является умеренный консоционализм.

Ключевые слова: право на самоопределение; территориальная целостность; самоуправление; консоционализм; инклюзивность; разделение власти; многосоставные государства; национальные меньшинства; права человека; международное право

Для цитирования: Каграманов А. К. Методы и формы регулирования режимов самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 108–118. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.108-118

Methods and Forms of Regulation of Self-Government Regimes in Plural States during the Implementation of the Right to Self-Determination

Azer K. Kagramanov Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The presented work, to a certain extent, continues the paper titled «Ethno-regional independence and autonomy as ways to exercise the right to self-determination» published in *Lex Russica* journal (Kagramanov AK. Ethno-regional independence and autonomy as ways to exercise the right to self-determination. *Lex russica*. 2022;75(2):9-23. Available at: URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023>. (In Russ.)). The paper was devoted to the implementation of the right to self-determination as in the case of the Russian Federation and other federal states. In this paper, the author attempts to reveal the specifics of the right to self-determination implementation and conflict resolution in plural unitary states and «divided societies»

© Каграманов А. К., 2025

complicated by ethnic, linguistic, religious, and other elements. The author examines the main legal doctrines, regulatory framework and practical positive and negative examples (Austria, Italy, Ukraine, Iraq, Bosnia and Herzegovina, Northern Ireland, Philippines, etc.) of the implementation of various models of self-government, such as integrationism, consociationalism, power-sharing, «complex separation of powers», electoral law, inclusivity, human and minority rights, vertical and horizontal ways of delegating powers, etc., contributing to the combination of the territorial integrity of the state and the implementation of the right to self-determination. Neglect of these institutional methods, as the author believes, can lead to secession of territories. In conclusion, the author argues that the most suitable model under the current conditions of development for plural states is moderate consociationalism.

Keywords: right to self-determination; territorial integrity; self-government; consociationalism; inclusivity; separation of powers; plural states; national minorities; human rights; international law

Cite as: Kagramanov AK. Methods and Forms of Regulation of Self-Government Regimes in Plural States during the Implementation of the Right to Self-Determination. *Lex russica*. 2025;78(9):108-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.108-118

Введение

Отличительной чертой современной практики построения самоуправления в многосоставных государствах является то, что основные проблемы, выдвигаемые требования и возникающие по этому поводу дискуссии связаны прежде всего с формами самоуправления. Режимы самоуправления призваны реализовать решения, которые способны удовлетворить интересы различных сегментов общества, обеспечив при этом как право на самоопределение, так и территориальную целостность. Различные формы самоуправления на практике были построены в разных странах. Некоторые из этих примеров будут рассмотрены в настоящей статье.

Существует общепринятое поощрение режимов самоуправления, т.е. юридически закрепленное право территориальных образований осуществлять определенные функции государственной власти на конкретной территории, независимо от других органов власти в государстве, но при условии соблюдения законности и правопорядка. Особую важность этот вопрос представляет в многосоставных обществах, где интересы центральных властей и различных групп населения, осложненные этническим, религиозным, языковым, социальным, полити-

ческим, экономическим и другими элементами, могут не совпадать. Не в последнюю очередь правительства сталкиваются с подобными явлениями при реализации права на самоопределение.

Основным критерием, выработанным в доктрине и практике международного и национального права в отношении проблемы самоуправления, является наличие в государстве таких принципиально важных институтов и механизмов, как разделение властей, избирательное право, законодательство в области прав человека и прав меньшинств.

Выработка моделей самоуправления с помощью институциональных механизмов предполагает, что возможные конфликты интересов между субъектами реализации права на самоопределение и органами власти в многосоставных и разделенных обществах¹ должны решаться исключительно мирными средствами в трех системообразующих направлениях:

1) **государственное устройство.** Основной акцент, как представляется, делается на определении системы власти; различных уровнях принятия решений; объеме компетенции и функций. Это касается структурной и функциональной симметрии политико-территориальной организации государства в целом и реализуется

¹ Проблемы разделенного общества (divided society) широко освещены в политологической и юридической литературе. См. подробнее: Кудряшова И. В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15–33; Панов П. В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука. 2012. № 3. С. 31–49; Benedikter T. The World's Working Regional Autonomies. London, 2007; Can Democracy Be Designed? / S. Bastian, R. Luckham (eds.). London, 2003; Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / S. Choudhry (ed.). Oxford, 2008; Contemporary Peacemaking / J. Darby, R. McGinty (eds.). Basingstoke, 2003; Autonomy and Ethnicity / Y. Ghai (ed.). Cambridge, 2000; Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, CA, 1985 [2000]; Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No. 2. Apr.

в тех случаях, когда этнический состав территориальных образований отличается от основной этнической группы государства. В таких случаях им могут быть предоставлены экономические, социальные и иные полномочия для решения соответствующих вопросов конкретного этноса и территории. Такие методы делегирования полномочий способствуют выстраиванию горизонтальных отношений в этнически неоднородных регионах;

2) **институты государственного управления**, определяющие состав и функции трех ветвей власти и их взаимодействие. Немаловажно, во-первых, является ли государство парламентским, президентским или смешанным; во-вторых, обязательно ли разделение исполнительной и/или законодательной власти, и если да, то в какой степени это предписывается. В то же время активное участие каждого гражданина в политической жизни общества, так называемая инклюзивность, выступает важной чертой законодательной структуры и реализуется главным образом через избирательную систему. Еще одним аспектом в этой связи является наличие функционирующей системы сдержек и противовесов, а также самостоятельность каждой из ветвей власти, в первую очередь судебной, в том числе в вопросе назначения судей и прокуроров из всех сегментов общества. Такой же подход применяется к должностным лицам на всех уровнях управления государством. Подобная смешанная система позволяет достичь этнического баланса и встроить меньшинства в управление государством;

3) **взаимоотношения между гражданами, различными группами и государством**. Заключается в уважении и защите государством прав всех групп населения вне зависимости от этнической, религиозной, языковой и иной принадлежности, фундаментальной базой которых служат Международный пакт о гражданских и политических правах и Между-

народный пакт об экономических социальных и культурных правах². В этом контексте важно учитывать права малочисленных и коренных народов, а также национальных меньшинств. В институциональном плане основной вопрос заключается в предоставлении самоуправления со стороны государства, обеспечении возможности использовать язык меньшинства наряду с государственным в конкретном регионе пребывания, где эта группа является большинством, поощрении развития культуры и иных элементов идентичности на государственном уровне, инклюзивности представителей меньшинств в управлении государством, равном и справедливом пользовании природными ресурсами. Иными словами, в том, в какой степени признается и защищается самобытность конкретных групп и как это право реализуется.

Эмпирическая база и концепция

Для более детального обзора вышеперечисленных позиций следует обратиться к теоретической и эмпирической базе. Так, согласно мнению Ш. Вольфа, тремя доминирующими теориями самоуправления в многосоставных обществах являются объединение власти или консоционализм, интеграционизм и разделение власти³.

Опираясь на труды известных американских юристов А. Лейпхарта и Б. О'Лири, Ш. Вольф рассматривает консоционализм в качестве одного из ключевых элементов разрешения конфликтов в многосоставных обществах. В научной литературе проводится разграничение между корпоративным и умеренным консоционализмом⁴. Основное различие между ними заключается в том, что корпоративный основывается на предположении, что группы являются как внутренне однородными, так и внешне ограниченными, в то время как умеренный

² Приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 2200 А (XXI). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 05.12.2024).

³ Wolff S. Complex Power Sharing as Conflict Resolution: South Tyrol in Comparative Perspective // *Tolerance through Law: Selfgovernance and Group Rights in South Tyrol* / J. Woelk, F. Palermo, J. Marko (eds.). Leiden, 2008. P. 329–370; *Idem*. Peace by Design? Towards «Complex Power Sharing» // *Consociational Theory: McGarry and O'Leary and the Northern Ireland conflict* / R. Taylor (ed.). London : Routledge, 2009.

⁴ См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. ; под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М. : Аспект Пресс, 1997 ; O'Leary B. *Debating Consociational Politics: Normative and Explanatory Arguments* // *From Powersharing to Democracy* / ed. by S. Noel. Montreal ; Kingston, 2005.

подчеркивает, что самоуправляющаяся территория должна определять себя снизу вверх, а не управляться сверху вниз. Корпоративный консоциализм в некоторой степени проявляется в политической практике, например, Боснии и Герцеговины в соответствии с Дейтонскими соглашениями⁵, Северной Ирландии согласно «Соглашению Страстной пятницы»⁶, Ливана в соответствии с Национальным пактом 1943 г. и Таифским соглашением 1989 г.⁷

Примером умеренного консоциализма может служить Конституция Ирака, согласно которой «Киркук может присоединиться к Курдистану в соответствии с народным волеизъявлением. Мухафазам (провинциям) в других частях страны разрешается объединяться, формируя регионы, при наличии демократической поддержки в каждой мухафазе. В этом случае предлагается двойной демократический порог: голосование в ассамблее мухафазы и референдум. <...> Кроме того, мухафазы, в которых

доминируют шииты и которые не согласны с видением SCIRI⁸, могут оставаться отдельными, и, по сути, в любой мухафазе могут доминировать секуляристы, чтобы избежать включения в управляемые шариатом Шиастан или Суннистан»⁹.

Таким образом, умеренный консоциализм определяет порядок, согласно которому самоуправляемые провинции и центральная власть имеют четкие и исключительные полномочия, защищенные на конституционном уровне. Еще одной особенностью является то обстоятельство, что принятие решений по спорным ситуациям осуществляется на основе консенсуса между территориальными образованиями, центром и элитами.

Интеграционный подход подчеркивает, что с помощью избирательной системы и участия всех групп населения в выборах, а также межпартийного согласия достигается консенсус между различными группами и, таким образом,

⁵ В соответствии с Дейтонскими соглашениями от 14.12.1995 Босния и Герцеговина, оставаясь единым государством со столицей в Сараево, была разделена на две части: мусульманско-хорватскую Федерацию Боснии и Герцеговины (51 % территории) и Республику Сербскую (49 %). Сербы передали Федерации город Горажде, который соединялся с городом Сараево коридором, контролируемым международными силами. Город Сараево с прилегающими сербскими районами оставался в мусульманской зоне. Вопрос об административной принадлежности района Брчко передавался на рассмотрение Арбитражной комиссии Бадинтера (в марте 1999 г. объявлен нейтральной зоной).

⁶ «Соглашение Страстной пятницы», или Белфастское соглашение (Guid Friday Greeance or Bilfawst Greeance), ознаменовало конец противостояния юнионистов (ольстерские протестанты, желающие остаться в составе Соединенного Королевства) и ирландских националистов (католики, сторонники присоединения к Ирландии) по вопросу конституционно-правового статуса Северной Ирландии, которое продолжалось с 1960 г. Главными элементами Соглашения стали вопросы суверенитета, гражданские и культурные права, демилитаризация, правосудие и поддержание правопорядка, а также создание автономных органов власти. План реформы предусматривал уравнивание в количестве протестантов и католиков, служащих в полиции, создание комиссии для контроля за соблюдением прав человека, а также исключение из официального названия полиции слова «королевская», что имело значительную символическую окраску, подчеркивавшую дореволюционный статус Северной Ирландии. Соглашение было подписано в Белфасте 10 апреля 1998 г. (пятница) британским и ирландским правительствами и одобрено большинством политических партий Северной Ирландии. 3 мая 1998 г. Соглашение было одобрено избирателями Северной Ирландии в ходе референдума. В тот же день избиратели в Республике Ирландия проголосовали за изменение Конституции в соответствии с соглашением.

⁷ Соглашение о национальном примирении, положившее конец гражданской войне в Ливане. Соглашение изменило формулу разделения власти, где отдавалось предпочтение христианам, до соотношения 50:50 и усилило полномочия премьер-министра от суннитов по сравнению с полномочиями президента-христианина. После Таифского соглашения премьер-министр был ответствен перед законодательной властью, как и в традиционной парламентской системе.

⁸ SCIRI (Supreme Council for Islamic Revolution in Iraq) — иракская шиитская исламистская политическая партия.

⁹ McGarry J. Iraq: Liberal Consociation and Conflict Management: draft working paper, ms. in author's possession. 2006. P. 96.

смягчается их этноцентрическое политическое поведение¹⁰. В то время как консоционализм направлен на включение и представительство каждой этнической группы, интеграционизм направлен на деполитизацию этнической принадлежности и поощрение создания многоэтнических партий.

Л. Горовиц в классической работе по теории этнических конфликтов утверждает, что самым эффективным механизмом для избежания сепаратизма в многосоставных государствах является «укрепление тех конкретных интересов, которые имеют группы в неделимом обществе»¹¹.

Важным элементом системы самоуправления в многосоставных обществах является разделение власти. В контексте рассматриваемой проблемы теория разделения власти была выдвинута Г. Редером и Д. Ротшильдом. Как полагают ученые, «три стратегии играют центральную роль в разделении власти: гражданские свободы, власть большинства и система сдержек и противовесов»¹².

Ключевыми институциональными инструментами, с помощью которых предполагается осуществить разделение полномочий, являются прежде всего обширные законопроекты по правам человека. Разделение полномочий между ветвями власти должно привести к формированию множественного и меняющегося большинства и, таким образом, повысить вероятность того, что члены этнических меньшинств будут частью политического большинства по основным вопросам, а члены этнического большинства тем самым станут частью меньшинств¹³.

Практические аспекты

Вышеприведенный обзор трех основных теорий самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение обуславливает необходимость рассмотрения отдельных практических примеров.

Разберем урегулирование вопросов самоуправления на примере Южного Тироля, где успешное решение данной проблемы послужило яркой демонстрацией построения политического диалога между провинцией и центром, а также набор прав, предоставленный соответствующей этнической, религиозной и языковой группе. Как известно, южная часть земли Тироль была присоединена к Итальянскому королевству по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г., который сопровождал процесс распада Австро-Венгрии по результатам Первой мировой войны. Границы были установлены не по языковому принципу, а на основе ландшафта местности по альпийскому перевалу Бреннер. Таким образом, в составе Италии оказалась территория, население которой этнически и культурно ощущало себя австрийцами¹⁴. В 1930-е гг., после прихода к власти Б. Муссолини, началась итальянизация этих земель, что выражалось в запрете использовать немецкий язык на госслужбе, в школьном обучении, в топонимике, на радио и в прессе¹⁵. После окончания Второй мировой войны австрийское население Южного Тироля стало активно отстаивать свои политические права, в связи с чем была основана Южно-Тирольская народная партия, основной целью которой было воссоединение с Австрией. Однако на Парижской мирной конференции 1946 г. было установлено, что Южный Тироль остается в составе Италии при условии сохранения и гарантий немецкого языка и австрийской культуры¹⁶.

¹⁰ Horowitz D. L. The Alternative Vote and Interethnic Moderation: A reply to Fraenkel and Grofman // Public Choice. 2004. Vol. 121. No. 3–4. Dec. P. 507–517.

¹¹ Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. P. 628.

¹² Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars / R. G. Roeder, D. Rothchild (eds.). Ithaca, NY, 2005. P. 6.

¹³ Sustainable Peace. P. 17.

¹⁴ Göldinger W. Die Entstehung der Republik. Der Kampf um das Staatsgebiet // Geschichte der Republik Österreich. München ; Oldenbourg, 1954. S. 15–103.

¹⁵ Сулимов К. А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль). Проект Российского научного фонда № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств». URL: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁶ Peterlini H. K. 100 Jahre Südtirol. Geschichte eines jungen Landes. Innsbruck: Haymon, 2012. S. 118–129.

Соответствующий договор получил название по именам министров иностранных дел Австрии и Италии «Соглашение Грубера — Де Гаспери»¹⁷. Это Соглашение фактически стало первым примером реализации внутреннего права на самоопределение после принятия Устава ООН в 1945 г.

Особенностью Соглашения явилось то обстоятельство, что гарантом реализации прав региона Италии стало государство (Австрия), заинтересованное в сохранении языка и культуры этнического состава этого региона. Соглашение вплоть до сегодняшнего дня рассматривается как эталон осуществления самоуправления и предоставления международной гарантии, позволившей третьему государству вмешиваться во внутрисоюзные дела конкретной страны с целью защиты прав национального меньшинства. Вкратце суть Соглашения сводилась к следующему:

- равенство жителей Южного Тироля с учетом национального характера, культурного и экономического развития немецкоговорящей части населения;

- право на обучение в школах на немецком языке, равное использование в госучреждениях, в документах, топонимике немецкого и итальянского языков, одинаковые условия при приеме на работу, признание дипломов;

- законодательное и исполнительное самоуправление;

- свободное перемещение пассажиров, товаров и грузов;

- конституционное закрепление статуса региона¹⁸.

Впрочем, несмотря на все изменения, итальянское правительство стало массово населять указанный регион итаоговорящим населением¹⁹, создающим ощущение у тирольцев, что итальянское правительство не намерено в дальнейшем выполнять свои обязательства. В этой связи в регионе стали формироваться

террористические организации (самая известная — Комитет за освобождение Южного Тироля — и др.), пик деятельности которых пришелся на 1950–1960 гг. Итальянское правительство вынуждено было стягивать полицейские и военные силы для противодействия им. Ситуация казалась взрывоопасной и могла привести к активным военным действиям. Поэтому вопросы Южного Тироля стали главными во внешнеполитической повестке недавно получившей полную независимость Австрии, которой удалось поставить обозначенную проблему на очередной сессии ООН. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.1960 1497/XV «Положение населения провинции Больцано (Болцено), говорящего на немецком языке; проведение в жизнь Парижского соглашения от 5 сентября 1946 года» были установлены обязательность Парижского соглашения и необходимость поиска обоюдновыгодных решений вплоть до обращения в Международный суд ООН²⁰.

Важные переговоры по статусу самоуправляемой территории были проведены в 1960 г. так называемой Комиссией девятнадцати с участием представителей Южного Тироля и итальянского правительства (11 представителей со стороны правительства Италии, семь германоязычных тирольцев и один ладин), разрабатывавшей пакет реформ²¹. В 1964 г. были созданы две отдельные комиссии для содействия и надзора за осуществлением статута в отношении провинциальных и региональных аспектов автономии. В 1969 г. Земельным собранием Южного Тироля, Парламентом Итальянской Республики и Национальным советом Австрии был ратифицирован Статут автономии. В 1972 г. документ был утвержден в новой редакции. В общей сложности он содержал 137 пунктов, которые в деталях описывали права и реализацию языковых, культурных и иных прав в сочетании с комплексной системой сдержек и

¹⁷ *Steininger R. Autonomie oder Selbstbestimmung? Die Südtirolfrage 1945/46 und das Gruber-De Gasperi-Abkommen. Innsbruck ; Vienna ; Bolzano, Studien-Verlag, 2006. (Innsbrucker Forschungen zur Zeitgeschichte, 2).*

¹⁸ *Österreichische aussenpolitische Dokumentation. Sonderdruck Südtirol Dokumentation / Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten (Hrsg.) ; Universitäts- und Landesbibliothek Tirol. Wien, 1992.*

¹⁹ В Южном Тироле германоязычные составляли примерно 2/3 населения, а в Трентино фактически не были представлены (в них проживали небольшие германоязычные языковые общины: носителей цимбрийского (cimbrian) и мокенского (mòcheno) языков/диалекта, итаоговорящих — примерно 95 % и ладины — около 3,5 %.

²⁰ См.: ООН : официальный сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/155/07/pdf/nr015507.pdf> (дата обращения: 21.11.2024).

²¹ Сулимов К. А. Указ. соч.

противовесов, действующей между регионом и центральными властями.

Процесс имплементации (переходный период) отдельных положений статута занял более 20 лет (в части равенства представителей меньшинств в органах публичной власти). В 1992 г. после окончания переходного периода представители германоязычного населения Южного Тироля официально заявили австрийским властям, что удовлетворены пакетом реформ, а положения Парижского соглашения реализованы в полном объеме. С 1997 г. в соответствии со ст. 137 Закона об автономии действует еще одна комиссия, которая конкретно занимается вопросами защиты меньшинств и экономического, социального и культурного развития этнических групп в Южном Тироле²². Стоит отметить, что в результате конституционных реформ автономные самоуправляемые регионы приобрели универсальный симметричный статус наряду с другими, а регион Бальцано был переименован и получил аутентичное название — Alto Adige / Südtirol (ст. 116 Конституции Италии). После вступления Австрии и Италии в Европейский Союз, а также присоединения к Шенгенскому соглашению все административные сложности для взаимодействия Северного и Южного Тироля были полностью нивелированы с учетом отсутствия границ и наличия единой валюты — евро.

Диаметрально противоположным примером предоставления самоуправления цен-

тральными властями в связи с правом на внутреннее самоопределение является острый политический кризис на Украине, начавшийся в 2014 г. после событий на Майдане, вылившихся в гражданскую войну, объявление самоопределенных территорий независимыми государствами в связи с отказом центральных властей предоставлять автономию, признание²³ и дальнейшее вступление в состав Российской Федерации на основе международного договора²⁴. Как справедливо отмечает А. С. Исполинов, «произошедшее событие будет внимательно изучаться отечественными и зарубежными юристами-международниками как еще один пример современной практики государств в отношении права наций на самоопределение, а также внесет свой вклад в понимание современного международно-правового регулирования сецессии, т.е. выхода части государства из состава “материнского” государства»²⁵.

За период независимости на Украине выработался сценарий, согласно которому нахождение у власти представителей западных или восточных регионов страны так или иначе вызывало недовольство представителей элит этих регионов, что приводило к массовым демонстрациям и протестам. До определенного момента подобные акции удавалось «гасить» с использованием различных политических технологий. В связи с частой сменой власти, отсутствием опыта государственного строительства и игнорированием институтов самоуправления и

²² См. подробнее на сайте Земельного собрания Южного Тироля: URL: <http://www.landtag-bz.org/de/dreier-landtag.asp> (дата обращения: 22.11.2024).

²³ Указы Президента РФ от 21.02.2022 № 71 «О признании Донецкой Народной Республики»; от 21.02.2022 № 72 «О признании Луганской Народной Республики»; от 29.09.2022 № 685 «О признании Запорожской области»; от 29.09.2022 № 686 «О признании Херсонской области».

²⁴ Постановления Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта»; от 02.10.2022 № 37-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта»; от 02.10.2022 № 38-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта»; от 02.10.2022 № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта».

²⁵ Исполинов А. С. Вхождение четырех новых субъектов в состав РФ: Конституционный Суд Российской Федерации о праве на сецессию и условиях его реализации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 126.

методов урегулирования конфликтов в многосоставных государствах и разделенных обществах, отсутствие правового статуса второго по численности этноса на Украине — русских, нежелание решать вопросы гарантий русского языка и языков этносов, проживающих на территории Украины, привели в итоге после очередного «Майдана» к сецессии Крыма из состава Украины и несогласию восточных регионов страны с откровенной националистической политикой центральных властей в отношении России, русского языка, Русской православной церкви, пересмотру внеблокового статуса и др. Очередным витком напряженности послужил пересмотр Закона от 08.08.2012 № 5029-VI «Об основах государственной языковой политики», который закреплял возможность использования на государственном уровне языка представителей соответствующего региона, составляющих более 10 % населения. После отстранения законно избранного президента В. Ф. Януковича в результате вооруженного переворота Верховная Рада отменила Закон, что вызвало бурное негодование жителей регионов и местных властей. 28 февраля 2018 г. Закон утратил силу²⁶.

Следующим проявлением недалёковидности властей в части национальной политики стало принятие Верховной Радой 1 июля 2021 г. Закона № 1616-IX «О коренных народах Украины». Согласно Закону коренной народ — «автохтонная этническая общность, которая сформировалась на территории Украины, является носителем самобытного языка и культуры, имеет традиционные, социальные, культурные или представительские органы, осознает себя коренным народом Украины, составляет этническое меньшинство в составе ее населения и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины»²⁷. Согласно этому определению коренными народами Украины являются крымские татары, караимы, крымчаки. Предельно четко это положение прокомментировал В. В. Путин в статье, посвященной украинскому кризису: «И наконец, уже

в мае этого года действующий президент внес в Раду законопроект о “коренных народах”. Ими признаются лишь те, кто составляет этническое меньшинство и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины. Закон принят. Новые семена раздора посеяны. И это в стране — как уже отмечал — очень сложной по территориальному, национальному, языковому составу, по истории своего формирования»²⁸.

Несмотря на попытки Трехсторонней контактной группы (Россия, Украина, ОБСЕ) урегулировать конфликтную ситуацию посредством Минских соглашений, предусматривающих разоружение повстанцев, помилование и амнистию, проведение местных выборов на основе Закона «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей», конституционные изменения, гарантирующие русскоязычным гражданам Украины, проживающим на территории Донбасса, свободу русского языка и территориальную автономию, восстановление социально-экономических связей (включая социальные переводы, пенсии, коммунальное обеспечение и пр.), восстановление контроля над границей со стороны Украины во всей зоне конфликта после всеобъемлющего политического урегулирования²⁹, власти Украины исполнять соответствующие договоренности отказались, что привело к дальнейшей эскалации и сецессии восточных регионов. Стоит отметить, что Минские соглашения были одобрены специальной резолюцией Совета Безопасности ООН.

Как представляется, игнорирование институционального регулирования вопросов самоуправления, с учетом наличия многосоставных элементов, может привести в краткосрочной перспективе к дальнейшей дезинтеграции и фрагментации территорий Украины по всему периметру границ.

Как показал опыт Южного Тироля, территориального самоуправления самого по себе недостаточно для жизнеспособного решения конфликтов самоопределения. Ввиду сложно-

²⁶ Верховная Рада Украины приняла Закон «О признании утратившим силу Закона Украины “О принципах государственной языковой политики”».

²⁷ Рада приняла закон о коренных народах Украины, среди которых не значатся русские // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11801189> (дата обращения: 25.11.2024).

²⁸ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 12.11.2024).

²⁹ См.: Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

сти таких конфликтов с точки зрения прямого или косвенного участия в них сторон и их конкурирующих требований необходимы дополнительные механизмы для обеспечения возможности достижения стабильного и прочного урегулирования. Осознавая взрывоопасность ситуации, власти Италии смогли реализовать необходимую модель самоуправления для смягчения сепаратистских настроений и предотвращения дальнейшей сецессии территорий. Обратное произошло на Украине: отказ от диалога с повстанцами, недовольными действиями центральных властей, откровенная националистическая политика, нежелание следовать положениям Минских соглашений, применение армии против собственных граждан привели к ремедиальной сецессии соответствующих территорий.

Сложное разделение власти

В связи с продолжающейся фрагментацией политической карты мира и возникновением новых акторов международных отношений учеными из Кембриджского университета был введен термин «сложное разделение власти»³⁰. Сложное разделение власти относится к практике урегулирования конфликтов, в основе которой лежит определенный режим самоуправления, но общая институциональная структура которой включает ряд дополнительных механизмов для учета этнического разнообразия в многосоставных государствах. Таким образом, сложное разделение власти — «сложная институциональная структура, которая не может быть сведена к автономии / (этно)федерации, (тради-

ционной) модели разделения власти»³¹. Первым элементом, который следует рассмотреть в контексте этой проблемы, являются симметрия и асимметрия институционального устройства и число существующих уровней власти³². Режимы самоуправления в основном опираются на более чем два уровня власти.

Рассмотрим примеры указанных моделей, связанных с внедрением самоуправления. В случае Бугенвиля³³ и Северной Ирландии этими тремя уровнями являются центральное правительство, региональные и местные органы управления. В Боснии и Герцеговине, Брюсселе (Бельгия), Гагаузии (Молдова), Минданао (Филиппины), Южном Судане и Южном Тироле существует более трех уровней управления. В Боснии и Герцеговине это является результатом взаимодействия внутренних, муниципальных, региональных и международных факторов, повлиявших на создание государства и определивших его федеративный статус. Сложность процесса федерализации в Бельгии, который привел к созданию структуры, где регионы и общины одновременно являются составляющими общей федеральной структуры, объясняет четырехступенчатую систему.

В Филиппинах четырехуровневая структура управления была изменена созданием пятого уровня — юридического и политического образования Автономной области Мусульманского Минданао³⁴. Как и в случае Молдовы, где существовавшая ранее трехуровневая структура была изменена с учетом создания территориальной автономной единицы Гагаузия³⁵, Южный Судан представляет собой дополнительный уровень управления между центральным

³⁰ Kettley C., Sullivan J., Fyfe J. Self-Determination Disputes and Complex Power Sharing Arrangements: A Background Paper for Debate. Cambridge : Centre of International Studies, 2001. URL: <http://www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/download/background1.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

³¹ Kettley C., Sullivan J., Fyfe J. Op. cit.

³² McGarry J. Asymmetrical Federal Systems // *Ethnopolitics*. 2007. Vol. 6. No. 1.

³³ Территория, находящаяся в составе Папуа — Новой Гвинеи в качестве автономии. По результатам референдума 2019 г. жители острова проголосовали за независимость, которая будет провозглашена в 2029 г. (URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/11/world/asia/bougainville-independence-papua-new-guinea.html> (дата обращения: 26.11.2024)).

³⁴ Peace Agreement // URL: www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/documents_philippines_final.html (дата обращения: 12.11.2024).

³⁵ The Law on the Special Legal Status of Gagauzia (Gagauz Yeri) // URL: www.intstudies.cam.ac.uk/centre/cps/documents_moldova_law.html (дата обращения: 12.11.2024).

³⁶ Protocol between the Government of Sudan (GOS) and the Sudan People's Liberation Movement (SPLM) on Power-Sharing // URL: https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/peace_agreements/power_sharing_05262004.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

правительством и правительствами штатов, выражающий самообытность южных штатов³⁶.

Следует отметить, что оба вида разделения власти, хотя и в различной степени, допускают асимметричные структуры и функции, в то время как умеренное разделение власти в основном предполагает территориальные конфигурации, отражающие выраженные пожелания самоуправляющихся общин (независимо от основы такого самоопределения). Что особенно важно, центристы и сторонники разделения власти предпочитают территориальное самоуправление, основанное на административных, а не на этнических критериях, в попытке предотвратить институционализацию групповой идентичности и создать коалиции интересов, основанные на политике, а не на идентичности (центристы), или содействовать множественному и изменяющемуся большинству.

Сложность режимов самоуправления как механизма урегулирования конфликтов, связанных с самоопределением, обусловлена тем, что при разработке модели используются новаторские способы объединения традиционных структур горизонтального и вертикального разделения власти.

Горизонтальное разделение существует во всех случаях, когда в регионе присутствует значительное этническое представительство. Для достижения стабильного равновесия в условиях двойственного положения меньшинств необходимо создать такой взаимосвязанный механизм, который признавал бы и защищал все основные языковые и этнические группы в рамках существующей структуры территориально-политической организации.

Заключение

Как следует из доктринальных и практических положений, определенных в настоящей статье, базовым условием для достижения эффективного баланса в многосоставных обществах является наличие институциональных механизмов, инклюзивности и развитой избирательной системы, отвечающих специфике конкретного государства. В таких случаях самоуправление может быть достигнуто без радикальных последствий либо урегулировано на базе достижения консенсуса. Реализация самоуправления, объем компетенций и функций соответствующих субъектов могут варьироваться между горизонтальной, вертикальной либо смешанной формами в зависимости от этнической, языковой, конфессиональной и иной неоднородности.

Вместе с тем ни одна из теорий урегулирования конфликтов не подходит в полной мере для ситуаций, в которых оказываются многосоставные государства. При этом умеренный консоциализм, как показывает практика, является наиболее универсальной теорией, которая отвечает современному развитию государств. В рамках умеренного консоциализма существуют целый ряд механизмов, включая укрепление судебной системы, контроля и надзора за правопорядком, участие представителей этнических и языковых меньшинств в управлении государством, а также универсально применимое законодательство в области прав человека и совершенствование избирательной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исполинов А. С. Вхождение четырех новых субъектов в состав РФ: Конституционный Суд Российской Федерации о праве на сепарацию и условиях его реализации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181).

Каграманов А. К. Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 9–23.

Кудряшова И. В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15–33.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. ; под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М. : Аспект Пресс, 1997. 287 с.

Панов П. В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука. 2012. № 3. С. 31–49.

REFERENCES

Ispolinov AS. The entry of four new constituent entities into the Russian Federation: The Constitutional Court of the Russian Federation on the right to secession and the conditions for its implementation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2023;6(181):126. (In Russ.).

Kagramanov AK. Ethno-regional independence and autonomy as ways to exercise the right to self-determination. *Lex russica*. 2022;2:9-23. (In Russ.).

Kudryashova IV. How to arrange divided societies. *Politicheskaya nauka*. 2016;1:15-33. (In Russ.).

Lijphart A. Democracy in plural societies: A comparative exploration. Translated from English. Salmin AM, G.V. Kamenskaya, editor. Moscow: Aspect Press Publ.; 1997. (In Russ.).

Panov PV. Institutional stability of fragmented polities. *Politicheskaya nauka*. 2012;3:31-49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каграманов Азер Каграман оглы, кандидат юридических наук, доцент кафедры энергетического права, доцент кафедры практической юриспруденции, докторант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
akkagramanov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azer K. oglu Kagramanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Energy Law, Associate Professor, Department of Practical Jurisprudence, Doctoral Candidate, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
akkagramanov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 11 декабря 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 января 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 11.12.2024.

Revised 16.01.2025.

Accepted 15.08.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.119-130

Д. Б. Трошев
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Недружественные и враждебные действия иностранных государств как основания применения мер административно-правовой защиты государственного суверенитета

Резюме. Статья посвящена исследованию вопросов нормативного правового регулирования недружественных и враждебных действий зарубежных государств как оснований для активации мер административно-правовой защиты государственного суверенитета. Указанные действия, хотя обозначающие их слова — синонимы, фактически и юридически имеют разное содержание и требуют самостоятельной регламентации. Враждебные действия, в отличие от недружественных, крайне агрессивны и противоправны, соответственно, нуждаются в более строгих мерах реагирования, специальном порядке их введения и прекращения. Для этого наиболее целесообразно внесение точечных изменений в Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». Детальное изучение правовых основ ответа на недружественные действия позволило сделать ряд выводов: легальные основания реагирования на недружественные действия не конкретизированы и рассеяны по большому количеству нормативных правовых актов различной иерархии; различается порядок введения различных мер защиты от недружественных действий; отсутствует унифицированный подход со сроками введения и действия мер по защите суверенитета России от недружественных действий; зачастую вводимые меры по защите суверенитета не аргументируются должным образом, что вызывает проблемы правоприменения, в том числе в части обеспечения прав и свобод граждан и организаций. Проанализировав большое количество актов, автор констатировал, что необходимо уточнить критерии отнесения действий иностранных государств к недружественным, а также разрешить процессуальные вопросы введения мер защиты государственного суверенитета от таких действий.

Ключевые слова: суверенитет Российской Федерации; недружественные действия; враждебные действия; иностранные государства; административно-правовая защита; публично-правовое обеспечение; специальные экономические меры; современные вызовы и угрозы; национальная безопасность; органы публичной власти; пробелы законодательства

Для цитирования: Трошев Д. Б. Недружественные и враждебные действия иностранных государств как основания применения мер административно-правовой защиты государственного суверенитета. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 119–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.119-130

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764. URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00764/>.

Unfriendly and Hostile Actions of Foreign States as Grounds for Applying Measures of Administrative and Legal Protection of State Sovereignty

Denis B. Troshev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the study of issues related to the regulatory legal framework governing unfriendly and hostile actions by foreign states as grounds for activating measures of administrative and legal protection of state sovereignty. These actions, while synonymous from the standpoint of the Russian language, differ significantly in their factual and legal content and require distinct legal regulation. Hostile actions, unlike unfriendly ones, are extremely aggressive and unlawful, and consequently, necessitate stricter response measures, as well as a special procedure for their imposition and termination. For this purpose, it seems most appropriate to introduce targeted amendments to the Federal Law «On Measures to Influence (Counteract) the Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States». A detailed study of the legal foundations of unfriendly actions has led to the following conclusions: the legal grounds for responding to unfriendly actions are not specified and are scattered across a large number of regulatory legal acts of various hierarchies; the procedures for imposing different protective measures against unfriendly actions vary; there is no unified approach to the timelines for imposing and enforcing measures to protect Russia's sovereignty from unfriendly actions; often, the imposed measures for sovereignty protection are not properly justified, which creates problems in law enforcement, including in safeguarding the rights and freedoms of individuals and organizations. Having analyzed a significant number of acts, the author concludes that it is necessary to clarify the criteria for classifying actions of foreign states as unfriendly and to adjust the procedural issues related to imposing measures to protect state sovereignty from such actions.

Keywords: sovereignty of the Russian Federation, unfriendly actions, hostile actions, foreign states, administrative and legal protection, public law provision, special economic measures, modern challenges and threats, national security, public authorities; legislative gaps

Cite as: Troshev DB. Unfriendly and Hostile Actions of Foreign States as Grounds for Applying Measures of Administrative and Legal Protection of State Sovereignty. *Lex russica*. 2025;78(9):119-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.119-130

Acknowledgments. The study is funded by the Russian Science Foundation (Project No. 24-18-00764).

Введение

Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации предполагает в числе прочего прогнозирование, планирование, подготовку и реализацию объемного комплекса мероприятий, связанных с его защитой, как внутри территориальных границ страны, так и вне их, на международной арене. Во многом защита государственного суверенитета базируется на административно-правовых средствах, приобретая тем самым административно-правовой характер.

В научной литературе представлены различные определения понятия администра-

тивно-правовой защиты¹. Но всё же во многом они сводятся к совокупности правовых и организационных активных мер, нацеленных на предупреждение и устранение угроз для объекта защиты, противодействие деяниям, посягающим на такой объект, привлечение к ответственности субъектов, совершающих указанные деяния, а также восстановление нарушенного состояния объекта. В нашем случае объектом является государственный суверенитет.

Ряд правовых аспектов такой защиты достаточно давно и прочно урегулированы законодательством, отработаны на практике и особым сложностей, как с теоретическим содержанием, так и с правоприменительным воплощением,

¹ См., например: Кинев А. Ю. О некоторых проблемах административно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 27–30; Асташкина Е. Ю., Труфанов М. Е. Институт административно-правовой защиты личных неимущественных прав граждан: тенденции совершенствования // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 55–58.

не вызывают. Вместе с тем новые вызовы и угрозы породили и новые потребности в научном обосновании и правовом закреплении ряда категорий, имеющих существенное значение для действенности механизма защиты государственного суверенитета. В частности, стоит обратить пристальное внимание на такое понятие, как «недружественные действия иностранных государств». В последние годы приняты ряд федеральных законов, несколько десятков подзаконных актов, даны сотни поручений органов публичной власти страны², так или иначе касающихся реагирования на указанные действия. В науке появилось много работ, анализирующих различные аспекты реагирования на недружественные действия³. Но до сих пор слабоисследованными и противоречивыми в нормативном правовом регулировании остаются понятие недружественных действий иностранных государств, их соотношение со смежными категориями, в частности «враждебными действиями», правовые основания и порядок применения мер административно-правовой защиты суверенитета от недружественных и враждебных действий иностранных государств в условиях современных вызовов и угроз. В то же время от того, насколько четко, детально государство подойдет как к правовому закреплению вышеобозначенной терминологии, так и к регулированию процедурных мероприятий, во многом, на наш взгляд, зависит эффективность публично-правового обеспечения государственного суверенитета.

Понятие недружественных и враждебных действий иностранных государств

Слова «недруг» и «враг» и, соответственно, происходящие от них прилагательные «недружественный» и «враждебный» являются синонимами, например, в Толковом словаре Ожегова применительно к слову «недруг» указывается следующее значение: «То же, что и враг»⁴.

Слово «вражда» понимается как отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью⁵. В Карте слов и выражений русского языка⁶ «недруг» — это тот, кто недружелюбно, неприязненно относится к кому-либо, «вражда» — это отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью. Производные от них прилагательные: «недружественный» — отличающийся недоброжелательным, неприязненным отношением (как правило, к другому государству)⁷; «враждебный» — неприязненный, полный вражды, ненависти⁸.

В свою очередь, недружественный акт в словарях юридической тематики⁹ толкуется как действия одного государства против другого государства, его лиц (юридических, физических), не всегда противоправные, но недружелюбные по сути. Пример таковых — неудовлетворение одним государством аргументированных претензий другого государства, которое дипломатическими методами защищает лиц, находящихся под территориальной юрисдикцией первого государства.

Сравнительный этимологический анализ двух терминов: «недружественные» и «враждебные действия» — показывает, что они соотносятся как неагрессивные и не всегда противоправные и крайне агрессивные и противоправные. Таким образом, несмотря на сино-

² См., например: поручения Президента РФ по темам: Антисанкции, «Национальная безопасность», «Экономика и финансы» (URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders> (дата обращения: 20.05.2025)).

³ См., например: Ручкина Г. Ф. Регуляторное воздействие Банка России на финансовый рынок в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций // Банковское право. 2023. № 1. С. 7–11; Плотников И. Г. Развитие и совершенствование национальной инфраструктуры финансового рынка в условиях недружественных действий иностранных государств // Международное публичное и частное право. 2023. № 3. С. 35–39.

⁴ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=16516> (дата обращения: 23.05.2025).

⁵ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4006> (дата обращения: 23.05.2025).

⁶ URL: <https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/недруг> (дата обращения: 23.05.2025).

⁷ URL: <https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/недружественный> (дата обращения: 23.05.2025).

⁸ URL: <https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/враждебный> (дата обращения: 23.05.2025).

⁹ См., например: URL: https://gufo.me/dict/law/недружественный_акт (дата обращения: 23.05.2025).

нимичность данных словосочетаний, враждебные действия предполагают более агрессивный характер и высокую степень опасности по сравнению с недружественными, а также явную направленность на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств, создание угроз международной безопасности и стратегической стабильности.

В современных политико-правовых реалиях словосочетания «недружественные действия (акции)» и «враждебные действия» в контексте оценки поведения стран коллективного Запада используются достаточно часто, в том числе представителями органов публичной власти, например Президентом РФ в посланиях парламенту страны¹⁰.

Анализ законодательства и подзаконных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что всё же в них словосочетание «недружественные действия» используется намного чаще, чем «враждебные». В частности, недружественным действиям посвящен целый профильный законодательный акт — Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»¹¹ (далее — Закон № 127-ФЗ). Первая его статья очерчивает контуры этого понятия через содержание и направленность таких действий, а именно: 1) санкции (политического, экономического характера) по отношению как к России в целом, так и к ее представителям (физическим, юридическим лицам); 2) действия, угрожающие территориальной целостности нашей страны; 3) действия, нацеленные на дестабилизацию России (политическую, экономическую). Как мы видим, детального описания недружественных действий не дается; их перечень, по смыслу законодательства, может быть максимально обширным. Например, представляется, что к такому можно отнести непринятие иностран-

ным государством мер к дислоцированным на его территории группам мошенников, совершающих в отношении российских граждан и организаций преступные действия посредством цифровых технологий в целях завладения их денежными средствами, что создает прямые угрозы для финансового и экономического суверенитета России.

Помимо Закона № 127-ФЗ, положения, касающиеся определения недружественных действий и перечня их возможных проявлений, мы можем встретить и в ряде иных актов правотворчества различного иерархического уровня. Одним из первых в этом списке стоит назвать Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ, направленный на регулирование специальных экономических и принудительных мер¹² (далее — Закон № 281-ФЗ). Часть 2 ст. 1 Закона трактует недружественные действия как основание применения вышеуказанных мер. Примечательно, что фактически данные действия с точки зрения реакции на них России во многом сходны с деянием международно-правового характера, которое угрожает интересам и безопасности РФ или (и) покушается на свободы, права ее граждан. В целом Закон № 281-ФЗ обходит стороной понятие недружественных действий. Этого же подхода придерживаются и последующие нормативные правовые документы, регулирующие и развивающие сходные и пересекающиеся вопросы, в которых принято содержание недружественных действий обозначать через определение объекта, на который они посягают (могут посягать)¹³.

Обращаясь к актам подзаконным, мы встретим упоминание недружественных действий, например, в Стратегии национальной безопасности нашей страны¹⁴. Пункты 20 и 99 Стратегии описывают их через попытки со стороны зарубежных государств разрушить внутреннее единство России с опорой на социально-экономическую проблематику, протестные движе-

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Российская газета. 2021. № 87 ; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Российская газета. 2023. № 39 ; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 2024. № 46.

¹¹ СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

¹² Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (в ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.

¹³ Более подробно о понятии недружественных действий см.: Трошев Д. Б. Административно-правовая защита суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств : монография. М. : Проспект, 2024.

¹⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

ния, маргинальные группы, поддержку раскола нашего общества, провоцирование внутренней нестабильности в долгосрочной перспективе. Отдельным блоком отстоят недружественные действия, реализуемые посредством новейших технологий информационно-коммуникационного характера.

Понимание вариантов внешнего выражения недружественных действий дает Концепция внешней политики РФ¹⁵ (пп. 8 п. 19, пп. 4 п. 30, п. 36, 38, 39, пп. 3 п. 44, п. 45, 48, пп. 2 п. 50 и др.). Их описания сопровождаются словами: «воспрепятствовать» (союзническому, партнерскому сотрудничеству с рядом стран), «милитаризация» (пространства, региона), «вмешательство во внутренние дела» (в том числе посредством современных технологий), «ограничение доступа, возможностей» (к технологиям или правам в Арктической зоне), «усиление зависимости», «действия в отношении...» (разных объектов и направлений, например морской деятельности или воздушных судов, историко-мемориальных объектов), «русophobia» и пр.

Термин «враждебные действия» также используется в российском нормативном правовом поле, в частности в ст. 317, 328 и 336.2 Кодекса торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ¹⁶, п. 20 Доктрины информационной безопасности РФ¹⁷. В публично-правовом смысле данное словосочетание присутствует и в ст. 3 Федерального закона от 23.06.1995 № 93-ФЗ¹⁸, п. 8 Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.¹⁹, некоторых актах исполнительной власти федерального уровня (приказ Главного командующего ВМФ России, Минтранса России, Госкомрыболовства России от 29.01.2003 № 59/10/28), актах палат российского пар-

ламента (постановление Совета Федерации ФС РФ от 18.11.2020 № 478-СФ)²⁰ и др. Вместе с тем в вышеназванных актах либо понятие враждебных действий не раскрывается вовсе, либо фрагментарно представлены их отдельные проявления, например направленность на подрыв суверенитета, нарушение территориальной целостности, угрозы международному миру, безопасности и стратегической стабильности.

Более того, в официальных высказываниях органов публичной власти и их документах встречается смешение понятий. Например, в рамках заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г.²¹ санкции были представлены не в ранге недружественных, а именно как враждебные действия, что, однако, не укладывается в положения Закона № 127-ФЗ.

В связи с изложенным закономерно возникает вопрос, насколько актуально правовое закрепление термина «враждебные действия». Ввиду применяемых коллективным Западом средств и методов противоправного воздействия (в том числе поддержка вооруженных формирований Украины, проведение кибератак, информационно-психологических акций, попытки дестабилизации многонационального российского общества, формирование русофобских настроений в обществе и пр.) они явно не отражают ту степень опасности и угроз для суверенитета России, которую содержит используемое в национальном законодательстве понятие «недружественные действия». В свете вышеобозначенных позиций, а также с учетом потребностей правоприменительной практики в регламентации специальных мер административно-правовой защиты суверенитета РФ предлагается определить в российском нормативном правовом поле категорию «враждебные действия». В рамках реализа-

¹⁵ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

¹⁶ СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

¹⁷ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁸ Федеральный закон от 23.06.1995 № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2401.

¹⁹ Утверждены Президентом РФ 24 июля 2013 г. № Пр-1753.

²⁰ Постановление Совета Федерации ФС РФ от 18.11.2020 № 478-СФ «Об использовании воинского формирования Вооруженных Сил Российской Федерации в Нагорном Карабахе» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7379.

²¹ Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 23.05.2025).

ции данного предложения проще всего, на первый взгляд, включить «враждебные действия» в профильную Стратегию национальной безопасности РФ, с последующей отсылкой к этому положению Стратегии в прочих федеральных законах, например с формулировкой: «Для целей настоящего Федерального закона понятие “враждебные действия” используется в значении, определяемом Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной...».

Впрочем, результаты изучения большого количества федеральных законов дают понимание, что встречающаяся в них юридико-техническая конструкция «понятие используется в значении, определяемом...» ориентирует на нормы иных федеральных законов, а не на акты подзаконного правотворчества. Например, часть 10 ст. 20.1 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ, регулирующего вопросы лицензирования²², ссылается на Закон, касающийся иностранных инвестиций в стратегические объекты²³, применительно к понятию «иностранная инвестиция», а статусный законодательный акт о прокуратуре²⁴ отсылает к Закону о запрете отдельным категориям лиц иметь и открывать счета в зарубежных банках²⁵ в отношении понятия «иностранная финансовая инструмент». Более того, норму-отсылку в вышеобозначенном случае сложно было бы признать корректной, поскольку она указывала бы на документ стратегического планирования, который носит временный характер и по правилам законодательства о стратегическом планировании подлежит корректированию каждые шесть лет²⁶.

С учетом изложенного полагаем, что отсылка в федеральном законодательстве к терминологии

подзаконного нормативного правового акта не позволит должным образом легитимизировать соответствующее понятие. В этой связи категорию «враждебные действия» целесообразно закрепить законодательно, на наш взгляд, посредством внесения в Закон № 127-ФЗ. Одновременно потребуется и корректировка понятия недружественных действий во избежание их дублирования и возможных противоречий не только в нормативных правовых актах, но и в правоприменительной практике, особенно с учетом того, что существующая сегодня трактовка недружественных действий содержит ряд вышеуказанных пробелов.

Тем самым считаем необходимым провести законодательную градацию враждебных и недружественных действий с точки зрения как их определений, так и вводимых мер реагирования.

Относительно юридико-технической конструкции закрепления мер, которые могут применяться в ответ на враждебные или иные недружественные действия, правовым аналогом, как вариант, могут стать положения законодательства о специальных административно-правовых режимах. Обратимся к примеру Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»²⁷, в ст. 11 которого определен общий перечень мер и временных ограничений, возможных для активации при чрезвычайном положении, а в ст. 12 и 13 — дополнительные меры в зависимости от конкретных обстоятельств.

Введение в российское законодательство понятия «враждебные действия» потребует комплексного изменения большого количества законодательных актов. Например, кодифици-

²² Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

²³ Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

²⁴ Абз. 7 п. 1 ст. 41.9 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 39.

²⁵ Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2306.

²⁶ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

²⁷ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

рованных актов о налогах и сборах²⁸, административных правонарушений²⁹, специальных отраслевых законов³⁰ и многих других. Также потребуется корректировка еще более обширного перечня актов подзаконного характера, изданных главой государства, правительством страны, принятых ведомствами исполнительной власти федерального уровня (министерства, службы, агентства). Например, правительственным актом официально определен перечень недружественных для России стран и территорий³¹, который имеет огромное значение для дальнейшего принятия мер реагирования в отношении попавших в соответствующий список объектов. Очевидно, что в целях правовой легитимизации контрмер в ответ на враждебные действия также потребуется аналогичный перечень.

Правовые основания и порядок введения мер административно-правовой защиты суверенитета от недружественных действий иностранных государств в условиях современных вызовов и угроз

Далее обратимся к исследованию правовых оснований введения мер административно-правовой защиты государственного суверенитета от недружественных действий иностранных государств в современных реалиях. Данный вопрос имеет огромное значение не только в контексте обеспечения защиты государственного суверенитета в части публичных интересов, но и с точки зрения защиты частных интересов, а именно граждан России, российских юридических лиц. Широко известная фраза про разлетающиеся

щепки при рубке дров, к сожалению, может описывать ситуацию, когда ответная мера на недружественное действие «катком проедется» по конституционным правам и свободам граждан. Прецеденты попыток оспаривания подзаконных актов, направленных на защиту суверенитета России от недружественных действий «зарубежных партнеров» и ограничивающих, покушающихся, по мнению истцов, на такие права и свободы, уже имеются³².

Правоотношения по защите государственного суверенитета от недружественных действий возникают, изменяются и прекращаются на основаниях, предусмотренных законами и подзаконными правовыми актами.

В первую очередь стоит проанализировать соответствующие положения Законов № 127-ФЗ и № 281-ФЗ. Часть 2 ст. 3 Закона № 127-ФЗ в качестве основания введения мер называет некие обстоятельства, видимо, вытекающие из ч. 1 ст. 1 этого же Закона. Учитывая ранее сформулированный вывод о том, что недружественные действия не всегда могут быть противоправными и в силу этого необязательно предполагают автоматическое реагирование, можно допустить, что подобные основания должны быть детализированы на уровне иных актов. И действительно, мы находим отсылку к таким актам в этой же статье 3, предоставляющей право вводить меры Президенту России. Например, его Указом определено, в каком порядке компенсируется причиненный действиями США ущерб³³. Преамбула Указа закрепляет основания введения мер: недружественные и противоречащие международному праву действия «заокеанского партнера», выделяет пострадавших — Россию и Банк России, декларирует цель мер — защитить национальные

²⁸ П. 5 ст. 126 Налогового кодекса Российской Федерации (части первой) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

²⁹ Примечание 10 к ст. 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³⁰ Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6202.

³¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

³² См., например: определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2281-О // СПС «Консультант-Плюс».

³³ Указ Президента РФ от 23.05.2024 № 442 «О специальном порядке компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки» // СЗ РФ. 2024. № 22. Ст. 2937.

интересы страны. Слово «суверенитет» в данном Указе отсутствует, вместе с тем очевидна его направленность в том числе на защиту государственного суверенитета, как минимум в экономических и финансовых аспектах.

В иных актах главы государства встречаются и другие описания оснований введения мер защиты, например направленность недружественных действий на ограничение в чем-либо российских граждан, юридических лиц³⁴, Российской Федерации, в том числе в части их прав собственности (лишение незаконного характера или ограничения таких прав³⁵). Кстати, именно такая формулировка наиболее распространена в содержащих меры реагирования президентских актах.

В целом роль подзаконного блока нормативных правовых актов в регламентации различных аспектов защиты государственного суверенитета России велика и охватывает разные субъекты. Например, А. Н. Писарев, исследуя конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, отмечает, что некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности России, преимущественно создаются и действуют в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти Российской Федерации (а именно указами или постановлениями), хотя должны быть урегулированы отдельным федеральным законом³⁶.

Кроме того, следует отметить, что в зависимости от особенностей применения мер защиты суверенитета может быть установлена специфика оснований их введения и применения. Например, статья 4.2 Закона № 127-ФЗ определяет такие особенности для мер, направленных

на обеспечение экономического суверенитета и экономической безопасности РФ, в числе прочего предусматривая делегирование отдельных полномочий Президента РФ Правительству РФ, а также Центральному банку РФ. В качестве примера таких полномочий можно привести установление особого порядка валютного регулирования и валютного контроля.

В свою очередь, часть 2 ст. 1 Закона № 281-ФЗ определяет основания применения специальных экономических мер несколько иначе. В частности, таковые должны отвечать следующим требованиям: представлять собой совокупность обстоятельств; нуждаться в неотлагательной реакции; характеризоваться как международно-правовое деяние либо недружественное действие, исходящее как от государства, так и от его представителей (органы, должностные лица); создавать угрозу России (ее интересам, безопасности) и (или) нарушать права и свободы ее граждан.

Результаты исследования свидетельствуют, что обстоятельства, содержащиеся в Законах № 127-ФЗ и № 281-ФЗ в качестве аргументов введения мер защиты государственного суверенитета от недружественных действий, не исчерпывающие: их список может быть продолжен с опорой на иные нормативные правовые установления. Также предлагаем дополнительно обратить внимание и на ряд следующих аспектов.

1. Наличие прочих, кроме определенных Законами № 127-ФЗ и № 281-ФЗ, оснований введения мер административно-правовой защиты суверенитета.

Для иллюстрации данного тезиса можно обратиться к решению Правительства РФ³⁷ об особенностях государственной итоговой аттестации и приема на обучение в 2025 г. именно как реакции на недружественные акты со стороны зарубежных стран. Но в качестве право-

³⁴ Указ Президента РФ от 07.10.2022 № 723 «О применении дополнительных специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7055.

³⁵ Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3188.

³⁶ Писарев А. Н. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации // Правосудие. 2024. № 3. С. 99.

³⁷ Постановление Правительства РФ от 01.02.2025 № 77 «Об особенностях проведения государственной итоговой аттестации и приема на обучение в 2025 году» // СЗ РФ. 2025. № 6. Ст. 433.

вой основы такого решения указан законодательный акт³⁸, прямо предоставляющий такое право Правительству РФ. Издание этого акта непосредственно связано с суверенитетом в образовательной среде, к созданию которого стремится Россия³⁹.

В некоторых актах отсылка к федеральным законам, выступившим правовым основанием введения соответствующих мер, отсутствует, например в постановлении, касающемся правил предоставления субсидий туроператорам на возмещение затрат по вывозу туристов⁴⁰.

2. Различный порядок введения мер по защите суверенитета РФ от недружественных действий иностранных государств.

В частности, применительно к данному тезису необходимо учитывать следующие возможные варианты.

А. Решение о введении принимает Президент РФ, детализация этих мер содержится в иных подзаконных актах.

Сошлемся здесь на правительственное постановление, содержащее меры по реализации Указа Президента РФ от 19.12.2023 № 965⁴¹ и касающееся создания ряда обществ с ограниченной ответственностью в топливно-энергетической сфере и утверждения их уставов. Дальнейшая детализация этих мер может происходить за счет издания нормативных право-

вых актов федеральных министерств, служб и агентств⁴². При этом предложения по мерам защиты могут быть инициированы разными субъектами, например Советом Безопасности РФ, Советом Федерации и Государственной Думой ФС РФ, Правительством РФ (ст. 4 Закона № 281-ФЗ).

Б. Решение о введении принимается Правительством РФ, детальное же содержание мер фигурирует в актах подзаконного характера, как в случае установления особенностей разрешительной деятельности⁴³. По словам А. В. Корепиной, положения данного акта — пример моратория на экспертизы в лицензионно-разрешительной сфере⁴⁴.

В. Делегирование полномочий о введении мер иным органам публичной власти. Часть 3 ст. 4.2 Закона № 127-ФЗ прямо предусматривает право Президента РФ передать отдельные полномочия Правительству РФ и (или) Центральному банку РФ в части введения и применения мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение экономического суверенитета и экономической безопасности РФ.

3. Временный характер многих вводимых мер.

В отличие от ряда специальных административно-правовых режимов, например режима

³⁸ Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596.

³⁹ См., например: Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза // URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-Rossii-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения: 25.03.2024).

⁴⁰ Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 № 975 «Об утверждении Правил предоставления в 2022 году субсидий из федерального бюджета туроператорам на возмещение затрат, понесенных при выполнении мероприятий по обеспечению вывоза из иностранных государств туристов, находящихся в соответствии с приобретенным туристским продуктом в иностранных государствах, связанных с ограничениями, вызванными недружественными действиями отдельных иностранных государств в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 23. Ст. 3803.

⁴¹ Постановление Правительства РФ от 15.06.2024 № 810 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. № 965» // СЗ РФ. 2024. № 25. Ст. 3520.

⁴² Приказ Минэкономразвития России от 26.12.2022 № 750 «О комиссии по вопросам предоставления субсидий из федерального бюджета туроператорам на возмещение затрат, понесенных при выполнении мероприятий по обеспечению вывоза из иностранных государств туристов, находящихся в соответствии с приобретенным туристским продуктом в иностранных государствах, связанных с ограничениями, вызванными недружественными действиями отдельных иностранных государств в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1839.

⁴⁴ Корепина А. В. Экспертиза в условиях мораторного режима // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 48.

чрезвычайного положения, законодательство о недружественных действиях не ограничивает какими-либо конкретными сроками действие вводимых мер по защите суверенитета. Указывается лишь, что данные меры подлежат отмене при устранении обстоятельств, послуживших основанием их введения, а срок их применения устанавливается Президентом РФ. Анализ соответствующих актов главы государства показывает, что наиболее распространен подход, при котором акт действует до его отмены, как, например, Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 243⁴⁵. Есть и более сложные варианты. Так, некоторые нормы постановления Правительства РФ от 10.03.2022 № 336⁴⁶ действовали только в 2022 г. (в части непроведения контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля), другие же его положения остаются в силе по настоящий день.

Аргументация подобного подхода к срокам действия вводимых мер понятна: с учетом непредсказуемости и многофакторности недружественных действий ограничивать каким-либо конкретным периодом вводимые меры было бы неправильно. Но стоит закрепить в законодательстве разумный срок для ревизии той или иной бессрочной меры, что, на наш взгляд, дополнительно бы дисциплинировало органы исполнительной власти, отвечающие за соответствующие направления работы, вынуждая их проводить своевременную инвентаризацию мер.

4. Отсутствие непосредственной связи вводимых мер с защитой суверенитета, но предположение этого.

Если мы попытаемся охватить меры по защите суверенитета от недружественных действий «зарубежных партнеров», реализуемые с 2022 г., то увидим, что лишь часть из них аргументирована нормами Законов № 127-ФЗ и № 281-ФЗ. Например, будет ли к таковым относиться государственный контроль за соблю-

дением законодательства РФ об иностранных агентах, Положение о котором утверждено актом Правительства РФ?⁴⁷ Пункт 37 этого Положения предполагает в числе прочего оценку сведений о контролируемом лице на предмет предпосылок угрозы суверенитету, политической независимости, территориальной неприкосновенности и национальным интересам Российской Федерации. Меры реагирования, согласно Закону № 127-ФЗ, могут вводиться в отношении не только государств, но и их должностных лиц и граждан. Статус иностранного агента, в свою очередь, предполагает серьезные ограничения и специальную ответственность. И подобного рода актов и мер много.

В этой связи полагаем: отсутствие сегодня во многих подзаконных актах прямого упоминания суверенитета РФ не свидетельствует о том, что данные меры не направлены на его защиту. Тезис о неразрывной связанности суверенитета государственного с правами, свободами человека и гражданина, балансом публичных и частных интересов уже обоснован в одной из работ автора настоящей публикации⁴⁸. Имеющаяся многообразность и расплывчатость формулировок актов, нечеткость оснований введения мер защиты от недружественных действий зарубежных государств, различающийся процесс их активации обнажают изъяны российского законодательства в этой части и приводят к пониманию важности максимально оперативной его трансформации под реалии сегодняшних и будущих вызовов и угроз государственному суверенитету.

Заключение

Существенная часть совершаемых иностранными государствами и их представителями действий в отношении Российской Федерации, ее граждан и организаций, посягающих на государственный суверенитет, ни фактически, ни юридически не подходит под понятие

⁴⁵ Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств» // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 2949.

⁴⁶ Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

⁴⁷ Постановление Правительства РФ от 14.01.2023 № 18 «Об утверждении Положения о государственном контроле за соблюдением законодательства Российской Федерации об иностранных агентах» // СЗ РФ. 2023. № 4. Ст. 640.

⁴⁸ Zubarev S. M., Troshchikov D. B. The Concept and Essence of Public Law Enforcement of State Sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. No. 11 (3). P. 569–594.

враждебных действий и выпадает из правового поля. В этой связи в российское законодательство, а именно в Закон № 127-ФЗ, предлагается включить это определение, с указанием на их крайне агрессивный и противоправный характер (по сравнению с недружественными действиями), и акцентировать внимание на их направленности — посягательство на государственный суверенитет России. При этом должны быть четко определены критерии, позволяющие отграничить враждебные действия от недружественных, детально закреплены порядок введения и отмены мер реагирования на враждебные действия, срок действия, исчерпывающим образом определены сами такие меры, а также порядок защиты прав и свобод пострадавших граждан и организаций.

Помимо этого, российское законодательство расплывчато в настоящее время определяет понятие недружественных действий иностранных государств и их ключевые характеристики. В нормативных правовых актах различного иерархического уровня возможные недружественные действия представлены по-разному, в зависимости от предмета регулирования соответствующего акта. Аналогичный вывод актуален и для правовых оснований введения мер административно-правовой защиты государственного суверенитета от недружественных

действий иностранных государств, потому что их конкретизация зачастую является прерогативой Президента России, прочих публичных властных органов, т.е. находится в разряде административного усмотрения.

С одной стороны, сложившаяся практика правоприменения развязывает руки органам публичной власти и позволяет оперативно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, в том числе на международной арене. С другой — создает риски злоупотреблений предоставленными полномочиями и произвольной трактовки правовых оснований для введения исследуемых мер.

В этой связи полагаем, что законодательство должно как минимум содержать более детализированные критерии недружественных действий, которые будут использоваться в качестве аргументов при введении мер защитного характера. Помимо этого, в обновлении и точечной правовой доработке нуждается процесс активации и деактивации мер защиты от недружественных действий, в частности обязательное обоснование причин введения мер в преамбулах нормативных правовых актов, регламентация контроля по срокам действия мер и необходимость своевременной ревизии при изменении обстоятельств, послуживших основанием для введения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асташкина Е. Ю., Труфанов М. Е. Институт административно-правовой защиты личных неимущественных прав граждан: тенденции совершенствования // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 55–58.

Кинев А. Ю. О некоторых проблемах административно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 27–30.

Корепина А. В. Экспертиза в условиях мораторного режима // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 42–53.

Писарев А. Н. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации // Правосудие. 2024. № 3. С. 90–103.

Плотников И. Г. Развитие и совершенствование национальной инфраструктуры финансового рынка в условиях недружественных действий иностранных государств // Международное публичное и частное право. 2023. № 3. С. 35–39.

Ручкина Г. Ф. Регуляторное воздействие Банка России на финансовый рынок в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций // Банковское право. 2023. № 1. С. 7–11.

Трошев Д. Б. Административно-правовая защита суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств : монография. М. : Проспект, 2024. 128 с.

Zubarev S. M., Troshchev D. B. The Concept and Essence of Public Law Enforcement of State Sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. No. 11 (3). P. 569–594.

REFERENCES

Astashkina EY, Trufanov ME. Institute of administrative and legal protection of personal non-property rights of citizens: Development trends. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2021;10:55-58. (In Russ.).

Kinev AYu. On some problems of administrative and legal protection from unfair competition. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2022;12:27-30. (In Russ.).

Korepina AV. Examination in the conditions of the moratorium regime. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;7:42-53. (In Russ.).

Pisarev AN. Constitutional and legal bases of interaction between the state and civil society in ensuring the protection of state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation. *Pravosudie [Justice]*. 2024;3:90-103. (In Russ.).

Plotnikov IG. Development and improvement of the national financial market infrastructure in the context of unfriendly actions of foreign states. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2023;3:35-39. (In Russ.).

Ruchkina GF. The regulatory impact of the Bank of Russia on the financial market due to the unfriendly actions of some foreign states and international organizations. *Bankovskoe pravo [Banking Law]*. 2023;1:7-11. (In Russ.).

Troshev DB. Administrative and legal protection of the sovereignty of the Russian Federation from unfriendly actions of foreign states: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

Zubarev SM, Troshev DB. The concept and essence of public law enforcement of state sovereignty. *Kutafin Law Review*. 2024;11(3):569-594.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трошев Денис Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
d.troshev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Troshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
d.troshev@list.ru

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 5 июня 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 27.11.2024.

Revised 05.06.2025.

Accepted 15.08.2025.

О. И. Ильинская

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Денонсация международных договоров: теоретические и прикладные аспекты

Резюме. Включая в международный договор положение о денонсации, его участники тем самым создают для себя неконфронтационный путь возможного отказа от этого договора в дальнейшем. При этом условия денонсации, как показало изучение договорной практики, разнообразны и могут варьироваться в зависимости от предмета самого договора. Руководствуясь соответствующим положением договора, каждый его участник вправе отказаться от дальнейшего выполнения своих обязательств, однако такой отказ должен быть сделан в строгом соответствии с теми процедурными условиями, которые определили стороны непосредственно в самом договоре. Предусматривая право участников договора денонсировать его, государства одновременно с этим могут установить в нем специальные условия, гарантирующие достижение договорных целей даже в случае, если одна из сторон решит воспользоваться данным правом. Анализ договорной практики свидетельствует, что такие условия обычно включаются в договоры, регламентирующие сотрудничество сторон в какой-либо критически важной области (например, строительство объектов энергетики). В то же время внесение положений о денонсации в договоры об ограничении вооружений автору видится нецелесообразным, поскольку действие таких договоров, служащих укреплению системы коллективной безопасности, не должно ставиться в зависимость от текущего состояния отношений государств: положения о денонсации могут становиться, как показало исследование, своего рода лазейкой, с помощью которой государство может фактически произвольно, в любой момент отказаться от договора, если на каком-то этапе его отношения с другой стороной ухудшились. Денонсация подобных договоров является деструктивным фактором для системы коллективной безопасности. Утрата такими договорами силы должна происходить лишь в результате достижения компромисса всех сторон.

Ключевые слова: денонсация; международный договор; право международных договоров; международно-правовая наука; межгосударственная договорная практика; прекращение действия международных договоров; заявление о денонсации; процедура денонсации; выход из договора; отказ от договора

Для цитирования: Ильинская О. И. Денонсация международных договоров: теоретические и прикладные аспекты. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 131–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.131-142

Denunciation of Treaties: Theoretical and Applied Aspects

Olga I. Ilinskaya

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. By including a denunciation clause in a treaty, its participants thereby create a non-confrontational path for a potential future withdrawal from that treaty. The study of treaty practice shows that the conditions for denunciation are highly diverse and can be tailored by the parties depending on the subject matter of the treaty itself. Guided by the relevant provision of the treaty, each participant has the right to refuse further fulfillment of its

obligations; however, such refusal must be made in strict accordance with the procedural conditions determined by the parties directly within the treaty. While providing treaty participants with the right to denounce it, states may simultaneously include special conditions in the treaty that guarantee the achievement of the treaty's objectives, even if one of the parties decides to exercise the right to denounce it. The study of treaty practice indicates that such conditions are usually included in treaties governing cooperation between the parties in a critically important area (e.g., the construction of energy facilities). At the same time, the author finds the inclusion of denunciation clauses in arms limitation treaties inadvisable, as the operation of such treaties, which serve to strengthen the collective security system, should not depend on the current state of relations between states. As the research has shown, denunciation clauses included in these treaties can become a kind of «loophole», allowing a state to virtually arbitrarily withdraw from the treaty at any moment if its relations with another party deteriorate at some stage. The denunciation of such treaties is a destructive factor for the collective security system. The termination of such treaties should occur only as a result of a compromise reached by all its parties.

Keywords: denunciation; treaty; law of treaties; international legal science; interstate treaty practice; termination of treaties; notice of denunciation; denunciation procedure; withdrawal from a treaty; renunciation of a treaty

Cite as: Ilinskaya OI. Denunciation of Treaties: Theoretical and Applied Aspects. *Lex russica*. 2025;78(9):131-142. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.131-142

Введение

Денонсация (от франц. dénoncer — «расторгнуть») международного договора является процессуальным действием, осуществляемым участником договора, более не намеренным выполнять вытекающие из этого договора обязательства.

В межгосударственной договорной практике денонсация получила широкое распространение. Важно, что указанное понятие охватывает далеко не любое заявление участника договора о намерении отказаться от принятых по такому договору обязательств, а лишь то, которое базируется на общем согласии всех участников, ясно сформулированном в самом тексте.

Руководствуясь соответствующим положением договора, каждый его участник вправе отказаться от дальнейшего выполнения своих обязательств, однако такой отказ должен быть сделан в строгом соответствии с теми процедурными условиями, которые определили стороны непосредственно в самом договоре.

Проблема денонсации в международно-правовой науке и на практике

Научное осмысление денонсации берет начало лишь в конце XIX столетия, притом что практика

применения данного способа отказа от договорных обязательств была к тому времени известна уже почти целый век. Так, авторитетный правовед А. Н. Стоянов, обращаясь к исследованию проблемы утраты международным договором юридической силы, отметил, что «соглашение о прекращении трактатов получило форму письменного, а иногда и словесного, извещения заблаговременно, то есть до срока трактата, о намерении одного из контрагентов не продолжать далее действие договора. Это так называемая денунциация»¹.

Итальянский юрист П. Фиоре, рассуждая о способах прекращения действия международных договоров, обращал внимание на то, что утрата договором силы допустима «вследствие денонсации и во исполнение условий, предусмотренных в договоре или в нормах, установленных общим правом (common law)»².

Говоря о допустимости прекращения действия международных договоров по причине волеизъявления одной из сторон, швейцарский исследователь А. Ривье исходил из того, что подобный односторонний акт должен основываться на положениях самого договора³. Указанный автор при этом обращал внимание на то, что положения о денонсации можно обнаружить в самых разных по содержанию договорах⁴.

Представляется, что частое снабжение заключаемых международных договоров спе-

¹ Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков, 1875. С. 544.

² Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction or the Legal Organization of the Society of States. New York : Baker, Voorhis and Company, 1918. § 830. P. 349.

³ Rivier A. Principes du droit des gens. Paris, 1896. Т. II. P. 247.

⁴ Rivier A. Op. cit.

циальными положениями о праве каждого участника денонсировать договор имеет ряд причин. В первую очередь наличие условия о возможности денонсации договора можно рассматривать в качестве своего рода защитного механизма, использование которого позволяет государству отказываться от участия в тех международных договорах, выполнение обязательств по которым по той или иной причине становится обременительным или неприемлемым. Как известно, исходя из принципа суверенного равенства государств, каждое государство вправе самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою политическую, экономическую, социальную, культурную систему, а значит, не исключена ситуация, когда в какое-то время, вследствие, например, изменения внешнеполитического курса государства, те или иные международные договоры перестанут отвечать его интересам. В этом случае денонсация подобных договоров способна стать правомерным и неконфронтационным способом отказа от дальнейшего выполнения ставших неприемлемыми обязательств.

Кроме того, заявление о денонсации позволяет другим сторонам договора заранее спрогнозировать последствия, наступление которых вызывает отказ одного из государств от дальнейшего участия в договоре. Если речь идет о двустороннем договоре, то другая его сторона, получив уведомление о денонсации, также может заранее сфокусироваться на принятии мер, которые позволят нивелировать отрицательные последствия прекращения договора. Иными словами, заблаговременно сделанное заявление о денонсации дает контрагенту «время принять меры, какие окажутся удобными в сложившейся ситуации»⁵.

Впрочем, несмотря на широкое признание правомерности денонсации лишь в случае, если положение о ней закреплено в договоре, на практике остро встал вопрос о допустимости денонсации договоров, в которых соответствующие пункты отсутствуют. Решением данной

проблемы стал подписанный в 1871 г. Протокол, где было закреплено важнейшее указание, что «никакая держава не может освободить себя от обязательств договора, как не может изменить его условий без согласия договаривающихся сторон посредством дружеского взаимопонимания»⁶. Стоит отметить, что приведенная формула стала реакцией на односторонний отказ Российской империи в 1870 г. от тех положений Парижского мирного договора 1856 г., которыми устанавливался режим демилитаризации Черного моря.

Между тем некоторые представители международно-правовой науки придерживались иной точки зрения, согласно которой понятие «денонсация» охватывает любой односторонний отказ от международного договора, причем согласие другого участника значения не имеет. Среди них укажем, например, Н. А. Захарова, отстаивавшего приведенную позицию в своем научном труде⁷.

О возможности денонсации исключительно в случае, если положение о ней закреплено в договоре, говорилось и в труде правоведов Гарвардского университета: «...договор может быть денонсирован одной из сторон, только если такая денонсация предусмотрена договором... Она осуществляется в соответствии с условиями договора»⁸.

Практика денонсации не оставила незатронутым постулат о вечности трактатов. Например, Н. М. Коркунов считал, что «в современной международной практике осознана несостоятельность учения о вечной силе договоров, и поэтому всё более входит в обычай заключать договоры на определенный срок с указанием того, за сколько времени до истечения срока должны делаться заявления о желании прекратить его действие»⁹.

И. Блюнчли отмечал, что «трактат прекращается вследствие одностороннего отказа одного из контрагентов только в случае, если этот контрагент выговорил себе право свободного отказа...»¹⁰. Также он отметил, что «вечность

⁵ Ст. 3 Петербургской военной конвенции 1873 г. // Русско-германские отношения 1873–1914 гг. М. : Изд-во Централхива РСФСР, 1922. С. 29.

⁶ Лондонская конференция. СПб., 1871. С. 9–10.

⁷ Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг. : Тип. Д. П. Вейсбрут, 1917. С. 316.

⁸ Research in International Law. Draft Convention on the Law of Treaties // American Journal of International Law. 1935. Vol. 29. No. 4. P. 1177.

⁹ Коркунов Н. М. Международное право. СПб. : Изд. лейт. Шидловский, 1886. С. 120.

¹⁰ Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М. : Тип. Индрих, 1876. С. 273.

трактатов имеет так же мало смысла, как и вечность конституций...»¹¹.

Рассматривая денонсацию как односторонний акт государства, важно при этом исходить из того, что его правомерность основывается на заранее достигнутом и закреплённом в договоре соглашении о праве каждой из сторон отказаться от дальнейшего участия в нём.

Денонсация «освобождает участников договора от обязательства выполнять договор в дальнейшем» и «не влияет на права, обязательства и юридическое положение участников, возникшее в результате выполнения договора до его прекращения» (пп. «а», «б» п. 1 ст. 70 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская конвенция)).

Государство, желающее воспользоваться своим правом на денонсацию, должно следовать порядку, установленному в договоре, а его нарушение «является основанием для оспаривания действительности денонсации»¹².

Уведомление о денонсации «должно делаться в письменной форме», и оформлять его надлежит «в виде документа, препровождаемого другим участникам» (ст. 67 Венской конвенции). Таким образом, уведомление, сделанное, например, посредством сообщения в СМИ, не будет считаться правомерным.

Утрата договором силы вследствие заявления о денонсации наступает по прошествии того срока, который сами стороны зафиксировали в тексте. Каких-либо ограничений в части его продолжительности не установлено: он может исчисляться днями, месяцами или даже годами. В договорной практике имеются примеры, когда такой срок равнялся нескольким дням. Так, в Договоре о перемирии между Россией с одной стороны и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией с другой стороны, заключённом в Брест-Литовске 2(15) декабря 1917 г., было закреплено, что «Договаривающиеся стороны имеют право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за 7 дней до возобновления военных действий»¹³.

Если стороны договора не согласовали вопрос о сроке, для участников Венской конвенции действует правило о том, что «участник уведомляет не менее чем за двенадцать месяцев о своем намерении денонсировать договор или выйти из него» (п. 2 ст. 56).

В Проекте конвенции о международных договорах 1935 г. постулировалось, что «в течение периода между датой заявления о денонсации и вступления ее в силу договор продолжает действовать между участниками»¹⁴. Необходимо упомянуть, что заявление о денонсации должно выражать подлинную волю государства, а значит, решение о нем должно приниматься государством самостоятельно, без какого-либо неправомерного воздействия иных государств.

Непременным условием действительности волеизъявления в международном плане также является соблюдение требований внутригосударственного права. С учетом того что нормы внутригосударственного права гораздо менее ясно описывают порядок прекращения действия договоров, нежели порядок их заключения, международное право ограничивается в данном случае тем, что требует выражения согласия государства органом, уполномоченным его представлять.

Юридические последствия денонсации можно дифференцировать в зависимости от вида договора: если договор двусторонний, то его денонсация одним из участников влечет прекращение действия данного договора, если же многосторонний — денонсация одним участником по общему правилу не приводит к его прекращению¹⁵. Однако в договоре может быть зафиксировано положение о том, что выход из него даже одного участника будет иметь последствием утрату этим договором юридической силы. По этому поводу специальный докладчик на Венской конференции ООН по праву международных договоров Дж. Фицморис отметил, что включение таких положений в договор практикуется в случаях, когда речь идет о создании «взаимозависимых по характеру обязанностей»¹⁶. Примером может слу-

¹¹ Блюнчли И. Указ. соч. С. 273.

¹² Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 224.

¹³ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 47–51.

¹⁴ Draft Convention on the Law of Treaties // American Journal of International Law. 1935. Vol. 29. No. 4. P. 1180.

¹⁵ Для обозначения денонсации многостороннего соглашения чаще используется термин «выход из договора». Однако, сколь бы разнообразными ни были используемые понятия, они соответствуют сходным желаниям и характеризуются близким правовым режимом.

¹⁶ Fitzmaurice G. Second report on the Law of Treaties // Yearbook of the International Law Commission. 1957. Vol. II. P. 36.

жить статья 28 Конвенции о режиме проливов 1936 г., где содержится следующее положение: «Если за два года до истечения... двадцатилетнего периода¹⁷ ни одна из... Сторон не сообщит... предуведомление о денонсации, Конвенция останется в силе до того, как истекнут два года после посылки предуведомления о денонсации»¹⁸.

В отдельных международных договорах содержатся положения о том, что, если денонсация договора приведет к тому, что число его сторон не будет достигать минимума, установленного условиями договора, он утратит силу. Примером может служить статья 36 Таможенной конвенции о временном ввозе коммерческих дорожных перевозочных средств 1956 г., согласно которой «Конвенция теряет силу, если в течение любого непрерывного 12-месячного периода после ее вступления в силу число... сторон будет меньше пяти»¹⁹. Включение в договоры подобных условий, являющихся своего рода отступлением от общего подхода, отраженного в ст. 55 Венской конвенции²⁰, государствами практикуется нечасто.

Резюмируя рассмотренное, можно привести слова А. Н. Талалаева о том, что «правомерность денонсации вытекает из того, что ее условия определены в договоре соглашением сторон, т.е. в конечном счете из суверенитета договаривающихся государств»²¹.

Положения о денонсации могут давать определенные сведения о последствиях ее осуществления. В частности, может быть зафиксировано, что государство, известившее о денонсации договора, не освобождается от обязательств в связи с ним до вступления в силу денонсации (например, об этом говорится в п. 2 ст. 317 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.).

В силу определения их условий специальным положением договора денонсация и выход из договора квалифицируются как регулируемые.

Государство, намеренное реализовать закрепленное в договоре право на денонсацию,

должно придерживаться тех процедурных условий, которые зафиксированы в тексте. Можно выделить несколько вариантов формулирования таких условий. Во-первых, в договоре может быть закреплено, что его денонсация возможна не ранее чем через установленный промежуток времени после обретения данным договором юридической силы. И во-вторых, в договоре может быть установлено право его денонсировать без ограничения какими бы то ни было временными рамками, а если договор срочный — право заявить о денонсации может ограничиваться тем или иным сроком до завершения действия данного договора.

Что касается первой из упомянутых формул, то, на наш взгляд, к ней прибегают в тех случаях, когда стороны заинтересованы в предсказуемости их отношений в той или иной сфере. При этом установление срока, по прошествии которого возникает право денонсировать договор, подчинено, как представляется, определенному правилу. Так, закрепление непродолжительного срока целесообразно в тех случаях, когда убедиться в необходимости и эффективности данного договора каждая из сторон может достаточно быстро. Например, согласно ст. 9 Соглашения о спасании космонавтов 1968 г. «участник может уведомить о выходе из Соглашения через год после вступления его в силу...»²². В соответствии со ст. 58 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. «Высокая Договаривающаяся Сторона может денонсировать Конвенцию только по истечении пяти лет с даты, когда она стала Стороной Конвенции...»²³.

Напротив, если для оценки дальнейшей необходимости договора требуется значительное время, то при его заключении стороны закрепляют срок большей продолжительности, по окончании которого договор может быть денонсирован. Например, в ст. 13 Североатлантического пакта 1949 г. зафиксировано: «По истечении двадцатилетнего срока со дня вступления в силу договора любая договаривающаяся

¹⁷ Такой первоначальный срок действия Конвенции установлен в ней самой.

¹⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 13.

¹⁹ СПС «Гарант».

²⁰ В соответствии с указанной статьей «если договором не предусматривается иное, многосторонний договор не прекращается по причине только того, что число его участников стало меньше числа, необходимого для вступления в силу договора».

²¹ Талалаев А. Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М., 1985. С. 222.

²² Ведомости ВС СССР. 1969. № 4. Ст. 31.

²³ URL: <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 02.11.2024).

сторона может отказаться от участия в договоре через год после заявления о денонсации...»²⁴.

Закрепляя в договоре право его денонсировать, государства, как правило, предусматривают срок, необходимый для того, чтобы уведомление о денонсации обрело юридическую силу. Основываясь на практике, можно сказать, что его длительность бывает разной. Так, в ст. 52 Конвенции о правах ребенка 1989 г. говорится о праве любого ее участника денонсировать данную Конвенцию, однако «денонсация вступает в силу по истечении одного года после получения уведомления Генеральным секретарем»²⁵; в ст. 34 Договора между РФ и КНР о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1993 г. установлено, что договор является бессрочным и «прекратит действие по истечении шести месяцев после направления любой из Договаривающихся Сторон письменного уведомления о прекращении его действия»²⁶. Изредка можно встретить положение о том, что уведомление о денонсации влечет прекращение участия в договоре с момента получения уведомления. Например, в статьях соглашения Международного банка реконструкции и развития 1945 г. говорится, что «любой член может в любое время выйти из Банка, направив в центральное учреждение Банка письменное уведомление. Отказ от членства вступает в силу в день получения такого уведомления» (разд. 1 ст. VI)²⁷. Очевидно, что такие положения уместны лишь в общих многосторонних договорах, по той причине, что их денонсация одним или несколькими участниками не влияет на сохранение целостности договора и не препятствует иным участникам продолжать обеспечивать свои интересы. Бесспорно и то, что для двусторонних и многосторонних договоров с ограниченным количеством участников такие условия неприемлемы, поскольку создавали бы непредсказуемость в отношениях соответствующих государств.

Кроме того, встречаются договоры, предоставляющие право определения срока, по истечении которого денонсация вступит в силу, самой стороне, пожелавшей прекратить участие

в данном договоре. Примером может служить Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г., согласно ст. 15 которой государство, пожелавшее ее денонсировать, в уведомлении о денонсации вправе определить дату, с которой денонсация вступит в силу²⁸.

В срочных договорах нередко можно видеть положения о возможности их денонсации в любой момент, однако с тем условием, чтобы до окончания срока действия договора оставалось не меньше определенного договором количества месяцев или лет. Для примера обратимся к Договору между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1994 г., где установлено: «1. Договор будет действовать в течение пяти лет со дня вступления в силу. 2. Договор будет оставаться в силе на последующие пятилетние периоды, если одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его, уведомив об этом нотой другую Договаривающуюся Сторону не менее чем за шесть месяцев до даты истечения срока действия Договора»²⁹. В соответствии со ст. 18 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам и граждан Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации 2008 г. первоначальный срок его действия составлял пять лет, а автоматическое продление этого срока происходит на более короткие периоды — на три года³⁰. Порой договор может продлеваться и на более продолжительные периоды. Для иллюстрации обратимся к ст. 15 Международной конвенции по борьбе с заразными болезнями животных 1935 г.: «1. Настоящая Конвенция будет действительна в течение двух лет после введения ее в действие. 2. Она останется в силе на новый четырехлетний период и т.д. в отношении тех Договаривающихся Сторон, которые не денонсируют ее по крайней мере за шесть месяцев до истечения срока»³¹.

²⁴ Действующее международное право : в 3 т. Т. 2. М. : МНИМП, 1996.

²⁵ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

²⁶ Бюллетень международных договоров (далее — БМД). 2013. № 5.

²⁷ Международное частное право в документах. Т. 1 : Финансы. Валюта. Налоги. М. : Юрист, 1996.

²⁸ СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 202.

²⁹ СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1598.

³⁰ СПС «Гарант».

³¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. Отд. II. № 37.

Исследование межгосударственной договорной практики показывает, что при заключении договоров, регламентирующих сотрудничество сторон в какой-либо критически важной области, в них могут включаться специальные условия, гарантирующие достижение договорных целей даже в случае, если одна из сторон по какой-то причине решит воспользоваться закрепленным в таком договоре правом его денонсировать. Для иллюстрации сказанного обратимся к Соглашению между Правительством РФ и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в строительстве новых энергоблоков атомной электростанции на территории Республики Армения 2010 г., согласно п. 4 ст. 14 которого «после получения одной из Сторон уведомления другой Стороны о прекращении действия настоящего Соглашения Стороны незамедлительно проводят консультации о возможности выполнения *всех обязательств* Сторон по настоящему Соглашению (курсив мой. — О. И.)»³². На наш взгляд, указанное положение о незамедлительном проведении консультаций относительно возможности выполнения всех договорных обязательств как раз и является своего рода правовым барьером, призванным исключить возможность денонсации договора, например, в случае обострения отношений государств. Таким образом, включая в договор подобное условие, государства заботятся о том, чтобы изменения в политической области не стали основанием для прекращения сотрудничества в решении ключевых экономических задач, поскольку в ходе упомянутых консультаций сторона, изъявившая желание отказаться от договорных обязательств (денонсировать договор), должна будет представить убедительные доказательства невозможности дальнейшего выполнения своих обязательств. В противном случае, как следует из приведенной статьи, все обязательства по договору должны будут выполняться (в приведенном примере — строительство новых энергоблоков АЭС должно будет продолжаться), несмотря на прекращение договора. Аналогичное положение закреплено и в п. 4 ст. 21 Соглашения

между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции 2011 г.: «После получения одной из Сторон уведомления другой Стороны о прекращении действия настоящего Соглашения Стороны незамедлительно проводят консультации о возможности выполнения всех обязательств для строительства и ввода в эксплуатацию АЭС, а также оказания содействия в период ее гарантийного срока эксплуатации»³³.

Специфические положения о денонсации включаются в договоры, устанавливающие правила ведения военных действий, а также регламентирующие обращение с жертвами вооруженных конфликтов. В качестве примера приведем пункт 3 ст. 20 Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 г., согласно которому выход из нее «вступает в силу только по истечении шести месяцев со дня получения депозитарием уведомления о выходе. Однако если на момент истечения этого срока государство-участник, заявившее о выходе, вовлечено в вооруженный конфликт, выход вступает в силу лишь после окончания этого вооруженного конфликта»³⁴. Еще одним примером может служить пункт 3 ст. 20 Конвенции по кассетным боеприпасам 2008 г., где закреплена аналогичная формулировка. Указанные условия (отложенная денонсация) имеют целью не допустить отступление государства от договорных обязательств в тот период, когда они должны выполняться, в ином случае подобные договоры просто утратили бы значение.

Начиная со второй половины XX в. в договорной практике государств четко прослеживается тенденция снабжать заключаемые международные договоры по вопросам ограничения вооружений специфическими положениями о денонсации, суть которых сводится к тому, что денонсация таких договоров возможна в том случае, если участник договора сочтет, что «связанные с содержанием договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны»³⁵. Данная

³² БМД. 2011. № 10. С. 60–67.

³³ БМД. 2011. № 12. С. 55.

³⁴ Международное право. Ведение военных действий : сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М. : МККК, 1999. С. 317–335.

³⁵ Ст. IV Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. (Московский договор) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. М., 1970.

формула, впервые включенная в Московский договор, в дальнейшем нашла повсеместное отражение в договорах об ограничении вооружений, причем как общих³⁶, так и локальных³⁷. При этом в договоре устанавливается срок уведомления других участников (участника) о предстоящем выходе (обычно три — шесть месяцев). Таким образом, каждая сторона договора как суверенное государство сама и под свою ответственность оценивает касающуюся ее ситуацию, имея при этом возможность самостоятельно решить, что наступление подобных обстоятельств должно повлечь за собой отказ от договора. Разумеется, заявляющее об этом государство должно быть готово к возражениям, так как заявление о выходе базируется на фактах, которые — за исключением чрезвычайных случаев совпадения — неодинаково толкуются и квалифицируются сторонами.

Небезынтересно, что в п. 1 ст. 30 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г. (Договор Тлателолько) рассматриваемая формула выглядит несколько иначе: «любая Сторона может денонсировать Договор... если, по мнению этой Стороны, возникли или *могут возникнуть* связанные с содержанием Договора... обстоятельства, которые затрагивают ее высшие интересы или мир и безопасность одной или более Договаривающихся сторон (курсив мой. — О. И.)». Подобная формулировка вызывает вопросы: может ли государство доподлинно спрогнозировать наступление таких обстоятельств? Имеется ли в виду неизбежное наступление этих обстоятельств или достаточно установить лишь гипотетическую возможность? Когда эти ожидаемые обстоятельства должны возникнуть, чтобы их можно было рассматривать в качестве правомерного основания для денонсации? Иначе говоря, если их возникновение предполагается не в ближайшей перспективе, то, исходя из договорной формулировки, государство всё равно сможет осуществить денонсацию? Неясно и то, какой должна быть продолжительность их существования.

Кроме того, предоставление государству права самостоятельно квалифицировать те

или иные обстоятельства как затрагивающие мир и безопасность одной или более сторон, на наш взгляд, несовместимо с гл. VII Устава ООН, согласно которой определение наличия угроз миру и безопасности является исключительной прерогативой Совета Безопасности ООН.

В правовой литературе уже отмечалась «каучуковость» формулировки «исключительные обстоятельства, поставившие под угрозу высшие интересы страны»³⁸. Совершенно очевидно, что нужны внятные критерии, на основании которых государство может делать вывод, что возникшие обстоятельства носят исключительный характер и создают угрозу его высшим интересам. И здесь, как представляется, в первую очередь необходимо задаться вопросом, вследствие чего, по чьей вине должны возникнуть данные обстоятельства. Если они возникли не в результате поведения контрагента, то насколько правильным при этом будет денонсировать договор? Точнее, допустима ли в принципе будет ссылка на исключительные обстоятельства? Поясним на примере. Как известно, США в июне 2002 г. денонсировали Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., причиной чего стали террористические атаки на США 11 сентября 2001 г., осуществленные членами группировки «Аль-Каида». В данном случае США в обоснование отказа от упомянутого Договора ссылались как раз на возникшие «исключительные обстоятельства». Встает вопрос о соразмерности принятой меры (денонсация одного из важнейших договоров в области обеспечения безопасности) тому ущербу, который был причинен государству.

Сразу оговоримся: никто не собирается умалять чудовищные, разрушительные последствия данных террористических атак. Однако означает ли это, что возникшие обстоятельства каким-то образом были связаны с содержанием Договора? Напомним, что этот Договор, заключенный между США и СССР в эпоху «холодной войны», закреплял обязательство сторон не развертывать системы ПРО территории своей страны и не создавать основу для такой обороны и, кроме того, не развертывать системы ПРО отдельного района, кроме как в

³⁶ Например: п. 2 ст. 17 Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г.

³⁷ Например: п. 1 ст. 20 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 1996 г.

³⁸ Fisher G. Les accords sur la limitation des armes stratégiques // *Annuaire français de droit international*. 1972. Vol. 18. P. 42 ; Ильинская О. И. Доктринальные подходы к проблеме влияния коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 1 (158). С. 182.

тех количественных пределах, которые были предусмотрены специальной статьей Договора³⁹. Стоит вспомнить, что одним из важнейших мотивов его заключения было стремление двух держав, СССР и США, как можно скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений — именно такая формулировка содержится в преамбуле Договора. Иными словами, Договор являлся одним из ключевых элементов режима нераспространения ядерного оружия. В конечном итоге он был направлен на поддержание международной безопасности всего человечества, а отнюдь не только заключивших его государств. На практике же получилось, что непосредственным поводом для отказа от него стало преступление, совершенное рядом лиц. То есть обстоятельства, определенные США как «исключительные», с содержанием Договора, по сути, связаны не были. В этой связи уместно следующее соображение. Упоминаемые в договорах «исключительные» обстоятельства, поставившие под угрозу высшие интересы государства» должны быть, по нашему убеждению, следствием поведения именно *другой стороны (сторон) договора*, в ином случае стабильность подобных договоров оказывается под вопросом: в любой момент в государстве могут быть совершены масштабный террористический акт или даже их серия, причем с использованием различных средств, в том числе и воздушных судов (как это имело место в США в 2001 г.), произойти захват заложников и тому подобные преступления, и, как показала практика, подобные обстоятельства государство может беспрепятственно предъявить как «исключительные», чтобы освободиться от обязательств по такому договору, хотя в реальности эти факты с содержанием договора и не будут связаны.

Совершенно ясно, что действие договоров, направленных на укрепление международной безопасности, не должно прекращаться из-за совершаемых преступлений или появления иных обстоятельств, никак не связанных с обязательствами сторон, какими бы масштабными и серьезными они ни были.

Как показывает практика, анализируемая формулировка из-за размытости позволяет не

только «подтянуть» под нее практически любые внутренние потрясения в государстве (в приведенном примере это была серия террористических атак), но даже выдвинуть необоснованные обвинения в адрес другой стороны договора в якобы имеющем место его нарушении, с тем чтобы произвольно отказаться от взятых обязательств. Так, 2 августа 2019 г. США, руководствуясь статьей XV Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности 1987 г., в одностороннем порядке вышли из Договора⁴⁰, причем для обоснования такого шага были предъявлены надуманные обвинения России в нарушении Договора. Еще в феврале того же года Президент РФ В. В. Путин, выступая с Посланием к Федеральному Собранию РФ, заявил о обоснованности таких обвинений, одновременно приведя факты, свидетельствующие о грубом нарушении указанного Договора самими Соединенными Штатами⁴¹. Как видим, в данном случае для обоснования отказа от Договора оказалось достаточно выдвинуть ложное обвинение в адрес России в его нарушении и заявить об «угрозе высшим интересам».

В связи со сказанным целесообразно отказаться от включения в договоры столь расплывчатых формулировок, как «связанные с содержанием договора исключительные» обстоятельства, которые в действительности являются факторами ненадежности договорных отношений. Более того, по нашему глубокому убеждению, в международные договоры по вопросам ограничения вооружений вообще не следовало бы включать положений о денонсации, с тем чтобы не допускать возникновения ситуаций, подобных вышеописанной, когда от договора, не одно десятилетие игравшего важную роль в укреплении системы коллективной безопасности, его участник на фоне ухудшения отношений с другой стороной договора может фактически произвольно отказаться. Думается, что утрата такими договорами силы может происходить лишь в результате согласованного решения всех сторон.

Несколько иной подход зафиксирован в п. 1 ст. 13 Договора о безъядерной зоне южной части Тихого океана 1985 г., согласно кото-

³⁹ Указанные обязательства были закреплены в п. 2 ст. I Договора, а конкретные количественные ограничения — в ст. III.

⁴⁰ Выход США из Договора о РСМД 2 августа 2019 г. // URL: <https://www.state.gov/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20.02.2019 // СПС «Гарант».

рому право его участников выйти из Договора напрямую увязано с нарушением кем-либо из них тех положений Договора, которые являются существенными для достижения заявленных целей⁴². Конечно, такая формулировка, в отличие от проанализированной выше чрезвычайно абстрактной формулы, включенной, как было отмечено, во многие другие договоры, по крайней мере исключает возможность обоснования выхода обстоятельствами (какими бы серьезными они ни были), не связанными с поведением других участников договора. Вместе с тем и такой подход видится неудачным и даже опасным, поскольку, моделируя ситуацию, предусмотренную указанной статьей Договора, несложно понять, что в ней заложена потенциальная возможность превращения данного региона планеты в ядерный полигон: стоит кому-либо из участников нарушить свои обязательства, это сразу же автоматически открывает возможность для всех других участников отказаться от Договора. Ясно, что подобное развитие событий чрезвычайно нежелательно и потенциально угрожает безопасности на Земле. И здесь вновь приходится повторить, что договоры, регулирующие отношения государств в сфере обеспечения международной безопасности, в силу особой важности для всего человечества должны прекращаться в особом порядке, предполагающем единогласное решение всех участников.

Думается, что в случае нарушения договорных обязательств речь должна идти об ответственности государства-деликвента, а не о ликвидации столь важного договора. Договорные обязательства являются прежде всего международно-правовыми. Их нарушение влечет за собой ответственность согласно общему международному праву, к которому отсылает статья 73 Венской конвенции, за исключением обстоятельств, исключающих противоправность. Однако данную проблему всё же нельзя сводить к праву международной ответственности государств: в соответствии с договором стороны принимают на себя обязанности, как правило, взаимные, причем существуют причины неисполнения договора, свойственные договорной системе. Так, любой факт, обосновывающий утрату силы или приостановление действия договора, обосновывает тем самым и его неисполнение.

Констатируя, что невыполнение договора влечет ответственность государства, отметим, что эффективность данной гарантии относительна, так как зависит от воли государства, признающего или не признающего свою ответственность; в противном случае государства могут и должны воспользоваться процедурой мирного урегулирования их спора, которая может быть установлена либо условиями самого договора, либо соответствующим документом. Кроме того, нарушение договорной обязанности позволяет пострадавшему государству применять контрмеры.

Заключение

Подводя итоги исследования, можем заключить, что частое снабжение международных договоров специальными положениями о праве каждого участника денонсировать договор, имеет ряд причин.

В первую очередь условие о возможности денонсации договора можно рассматривать в качестве своего рода защитного механизма, использование которого позволяет государству отказываться от участия в тех международных договорах, выполнение обязательств по которым по какой-то причине становится обременительным или неприемлемым. Как известно, исходя из принципа суверенного равенства государств, каждое государство вправе самостоятельно, без вмешательства извне определять свою политическую, экономическую, социальную, культурную систему, а значит, не исключена ситуация, когда в какое-то время, вследствие, например, изменения внешнеполитического курса государства, те или иные международные договоры перестанут отвечать его интересам.

В этом случае денонсация подобных договоров способна стать правомерным и неконфронтационным способом отказа от дальнейшего выполнения ставших неприемлемыми обязательств. Кроме того, заявление о денонсации позволяет другим сторонам договора заранее спрогнозировать последствия, наступление которых вызывает отказ одного из государств от дальнейшего участия в договоре. Если речь идет о двустороннем договоре, то другая его сторона, получив уведомление о денонсации,

⁴² В статье 22 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г. тоже воспринят такой подход.

также может заранее сфокусироваться на принятии мер, которые позволят нивелировать отрицательные последствия прекращения договора. При этом условия денонсации, как показало изучение договорной практики, разнообразны и могут варьироваться в зависимости от предмета самого договора. Руководствуясь соответствующим положением договора, каждый его участник вправе отказаться от дальнейшего выполнения своих обязательств, однако такой отказ должен быть сделан в строгом соответствии с теми процедурными условиями, которые определили стороны непосредственно в самом договоре.

Заявление о денонсации должно выражать подлинную волю государства, а значит, решение о нем должно приниматься государством самостоятельно, без какого-либо неправомерного воздействия иных государств. Непременным условием действительности волеизъявления в международном плане также является соблюдение требований внутригосударственного права. Принимая к сведению тот факт, что нормы внутригосударственного права гораздо менее ясно описывают порядок прекращения действия договоров, нежели порядок их заключения, международное право ограничивается в данном случае тем, что требует выражения согласия государства органом, уполномоченным его представлять.

Научное осмысление денонсации берет начало лишь в конце XIX столетия, притом что

практика применения данного способа отказа от договорных обязательств была к тому времени известна уже почти целый век.

Предусматривая право участников договора денонсировать его, государства одновременно с этим могут включить в этот договор специальные условия, гарантирующие достижение договорных целей даже в случае, если одна из сторон решит воспользоваться данным правом. Изучение договорной практики свидетельствует, что такие условия обычно вносятся в договоры, регламентирующие сотрудничество сторон в какой-либо критически важной области (например, строительство объектов энергетики).

В то же время включение положений о денонсации в договоры об ограничении вооружений нецелесообразно, поскольку действие таких договоров, служащих укреплению системы коллективной безопасности, не должно ставиться в зависимость от текущего состояния отношений государств: вносимые в эти договоры положения о денонсации могут становиться, как показала новейшая практика, своего рода лазейкой, с помощью которой государство может фактически произвольно, в любой момент отказаться от договора, если на каком-то этапе его отношения с другой стороной обострились. Естественно, денонсация подобных договоров является деструктивным фактором для всей системы коллективной безопасности. Утрата такими договорами силы может происходить лишь в результате достижения компромисса всех сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М. : Тип. Индрих, 1876. 634 с.

Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг. : Тип. Д. П. Вейсбрют, 1917. 464 с.

Ильинская О. И. Доктринальные подходы к проблеме влияния коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1 (158). С. 179–188.

Коркунов Н. М. Международное право. СПб. : Изд. лейт. Шидловский, 1886. 344 с.

Русско-германские отношения 1873–1914 гг. М. : Изд-во Централхива РСФСР, 1922. 208 с.

Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков : Унив. тип., 1875. 743 с.

Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире: Вопросы права международных договоров в свете работы Венской конференции ООН 1968–1969 гг. М. : Международные отношения, 1973. 247 с.

Талалаев А. Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М. : Международные отношения, 1985. 294 с.

Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction or the Legal Organization of the Society of States. New York : Baker, Voorhis and Company, 1918. 750 p.

Rivier A. Principes du droit des gens. T. II. Paris, 1896. 518 p.

Yearbook of the International Law Commission. 1957. Vol. II. 151 p.

REFERENCES

- Bluntschli J. Modern international law of civilized nations as a legal code. Moscow: Indrikh Publishing house; 1876. (In Russ.).
- Zakharov NA. A course on International law. Petrograd: D. P. Weisbrut Printing house; 1917. (In Russ.).
- Ilinskaya OI. Doctrinal approaches to the problem of the influence of a fundamental change in circumstances on the operation of treaties. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(1):179-188. (In Russ.).
- Korkunov NM. International law. St. Petersburg: Lieutenant Shidlovsky; 1886. (In Russ.).
- Russian-German relations in 1873–1914. Moscow: Publishing House of the Central Archive of the RSFSR; 1922. (In Russ.).
- Stoyanov AN. Essays on the history and dogmas of international law. Kharkov: University Publishing House; 1875. (In Russ.).
- Talalaev AN. International treaties in the modern world: Issues of the Law of Treaties in the light of the work of the 1968–1969 UN Vienna Conference. Moscow: International Relations Publ.; 1973. (In Russ.).
- Talalaev AN. The law of treaties. Operation and application of contracts. Moscow: International Relations Publ.; 1985. (In Russ.).
- Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction or the Legal Organization of the Society of States. N.Y.: Baker, Voorhis and Company; 1918.
- Rivier A. Principes Du Droit Des Gens. T. II. Paris; 1896.
- Yearbook of the International Law Commission. 1957. Vol. II.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильинская Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
oiilinskaya@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Ilinskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
oiilinskaya@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 2 декабря 2024 г.
Статья получена после рецензирования 26 декабря 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2025 г.*

*Received 02.12.2024.
Revised 26.12.2024.
Accepted 15.08.2025.*

Е. В. Титова

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация

Организационно-правовая модель функционирования университетского кампуса: вопросы теории и практики

Резюме. В статье анализируются организационно-правовые аспекты, финансово-имущественные схема и договорные элементы модельного механизма взаимодействия внутри неправосубъектного некорпоративного объединения научно-образовательных организаций, промышленных партнеров и иных субъектов, использующих инфраструктуру междууниверситетских кампусов. Выделен ряд ключевых факторов, которые предлагается учитывать при разработке общей организационно-правовой модели функционирования междууниверситетского кампуса. Дана характеристика организационной составляющей управления кампусом как регионально ориентированной, проектной модели с преобладающим государственным участием, элементами концессионного управления и управления, основанного на соглашении о консорциуме (или иной договорной конструкции). Проведена классификация невластных субъектов университетских кампусов по критерию осуществляемой деятельности и функциональной роли. Отмечается, что создание сети региональных кампусов существенно меняет роль университетов в социально-экономическом развитии регионов, а целевое назначение инфраструктуры междууниверситетского кампуса прочно связано с публичными функциями и целями его использования. Подчеркивается, что успех проекта зависит от адаптации университетов к новым условиям, конструктивных отношений с региональной публичной властью и бизнесом, а также баланса между федеральными и региональными потребностями. Предлагаемая модель управления кампусом сочетает активную роль региональной публичной власти, экосистему технологического предпринимательства, сетевое взаимодействие и цифровую трансформацию. Особое внимание уделяется необходимости четкого определения ролей и ответственности участников, а также учету региональной специфики. Акцентируется необходимость внесения изменений в законодательство для эффективной реализации проекта.

Ключевые слова: организационно-правовая модель; инновационная образовательная среда; межвузовский кампус; финансовая модель; университет; региональное развитие; цифровой университет; консорциум; экосистема технологического предпринимательства; метод юридического моделирования

Для цитирования: Титова Е. В. Организационно-правовая модель функционирования университетского кампуса: вопросы теории и практики. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 143–153. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.143-153

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20273 «Организационно-правовая модель социальной и научно-образовательной инклюзии на базе современных кампусов научной кооперации организаций Челябинской области с использованием новой региональной инфраструктуры научно-образовательной среды (кампуса международного уровня)». URL: <https://rscf.ru/project/24-28-20273/>.

Organizational and Legal Model for the Functioning of a University Campus: Issues of Theory and Practice

Elena V. Titova

South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes organizational and legal aspects, financial and property issues, and contractual elements of a model mechanism for interaction within a non-legal entity, non-corporate association of scientific and educational organizations, industrial partners, and other entities using the infrastructure of interuniversity campuses. A number of key factors are identified that are proposed to be taken into account when developing a common organizational and legal model for the functioning of an interuniversity campus. The organizational component of campus management is characterized as a regionally oriented, project-based model with predominant state participation, elements of concession management, and management based on a consortium agreement (or other contractual structure). Non-governmental entities of university campuses are classified based on the type of activity performed and functional role. It is noted that the creation of a network of regional campuses significantly changes the role of universities in the socio-economic development of regions, and the purpose of the infrastructure of the interuniversity campus is strongly linked to the public functions and purposes of its use. It is emphasized that the success of the project depends on the adaptation of universities to new conditions, constructive relations with regional public authorities and business, as well as a balance between federal and regional needs. The proposed campus management model combines the active role of regional public authorities, an ecosystem of technological entrepreneurship, networking and digital transformation. Particular attention is given to the need for clear definition of the roles and responsibilities of participants, as well as consideration of regional specifics. The need to amend the legislation for the effective implementation of the project is emphasized.

Keywords: organizational and legal model; innovative educational environment; interuniversity campus; financial model; university; regional development; digital university; consortium; ecosystem of technological entrepreneurship, legal modeling method

Cite as: Titova EV. Organizational and Legal Model for the Functioning of a University Campus: Issues of Theory and Practice. *Lex russica*. 2025;78(9):143-153. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.143-153

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-20273, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-20273/> «An organizational and legal model of social and scientific and educational inclusion based on modern campuses for scientific cooperation of organizations of the Chelyabinsk region using the new regional infrastructure of the scientific and educational environment (international level campus)».

Введение

Идеи и принципы моделирования как приема для умозаключений берут начало со времен естественно-научных работ Аристотеля. Позднее с различной интенсивностью концепция модели развивается, получает научное и методологическое оформление и к XIX–XX вв. находит воплощение практически во всех сферах научного знания, включая правоведение.

Под моделью в юриспруденции предлагается понимать «аналитическое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса

или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных условий и субъективных факторов общественного развития»¹. Она «включает в себя описание (характеристику) тех либо иных элементов, являющихся частями единой системы, составляющих основу соответствующего объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни»².

Конструирование организационно-правовой модели деятельности кампусов применительно к реализации федерального проекта «Создание сети современных кампусов» призвано выполнить несколько функций: во-первых, системно-

¹ Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 31.

² Плетников В. С. Указ. соч. С. 31.

аналитическую, поскольку «моделирование в этом случае является связующим звеном между теоретическим аспектом и практическим, что делает данный метод эффективным инструментом исследования»³, и выступает как средство познания и инструмент управления. Во-вторых, такая модель, как теоретико-методологический конструкт позволяет решить исследовательскую задачу согласно заранее определенным параметрам и сформировать инструментарий для практической реализации цели федерального проекта — некорпоративной интеграции университетов в единую новую или обновленную инфраструктуру кампусов мирового уровня. В-третьих, модель взаимодействия резидентов университетских кампусов как пример организационного проектирования позволит упорядочить организационно-структурные характеристики стадии эксплуатации кампусов и привести их в систему, способную стать основой для достижения эффективности, адаптивности и результативности федерального проекта.

Предметом исследовательского интереса юридической науки преимущественно выступают организационные структуры отдельных видов юридических лиц. Целью данной статьи является разработка модельного механизма взаимодействия внутри неправосубъектного некорпоративного объединения научно-образовательных организаций, промышленных партнеров и иных участников реализации проекта кампуса, использующих его инфраструктуру. Такой организационный и правовой механизм предлагается рассмотреть в следующих аспектах:

1) цели и задачи междууниверситетского кампуса как несубъектного объединения во взаимосвязи с федеральным проектом «Создание сети современных кампусов» национального проекта «Молодежь и дети»;

2) субъектный состав участников проекта, их права и обязанности, а также характер их взаимосвязей в рамках выбранной схемы;

3) финансово-имущественная схема кампуса, которая представляет собой описание движения денежных потоков и имущества между собственником научно-образовательной инфраструктуры, концессионером (если проект реализуется по концессионному соглашению), органами публичной власти (концедентом), резидентами кампуса, управляющей компанией, внешними и промышленными партнерами, нерезидентами, организациями и пользователями кампуса;

4) общая договорная схема, включающая разные уровни договоров, заключаемых на различных этапах реализации проекта кампуса и опосредующих различные по характеру отношения участников проекта.

Понятие, правовые и иные факторы, предопределяющие общую организационно-правовую модель междууниверситетских кампусов, и идентификация субъектов проекта

Понятие «кампус», содержащееся в постановлении Правительства РФ от 28.07.2021 № 1268 (ред. от 16.11.2024) «О реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизма концессионных соглашений в рамках федерального проекта «Создание сети современных кампусов» национального проекта «Молодежь и дети»»⁴, нашло развитие в Стандарте инновационной образовательной среды (кампусов), утвержденном Министерством науки и высшего образования РФ 12 декабря 2024 г., введенном в действие 1 января 2025 г. (далее — Стандарт кампусов).

Кампус как инновационная образовательная среда представляет собой совокупность функционально связанных объектов недвижимого и движимого имущества, технологически связанного с таким недвижимым имуществом и предназначенного для его эксплуатации, объединенных единым назначением по комплекс-

³ *Большаков И. Н.* Методы проектирования системных моделей в аналитических исследованиях // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. СПб., 2017. Т. 3. С. 216–219.

⁴ Первоначально постановление Правительства РФ от 28.07.2021 № 1268 реализацию проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных соглашений предусматривало в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» национального проекта «Наука и университеты». Впоследствии постановлением Правительства РФ от 16.11.2024 № 1571 были внесены изменения. В настоящее время кампусы создаются в рамках федерального проекта «Создание сети современных кампусов» национального проекта «Молодежь и дети».

ному обеспечению образовательной, инновационной, научной, научно-технической деятельности, предназначенных в том числе для проживания и (или) размещения, медицинского обеспечения, отдыха и туризма, занятий физической культурой и спортом, организации питания, культурной деятельности, удовлетворения иных потребностей обучающихся, педагогических, научных и других работников образовательных и (или) научных организаций.

Межвузовские кампусы представляют собой кампусы, резидентами которых являются две и более образовательные организации, расположенные в том же населенном пункте, что и кампус.

В качестве базового документа, предопределяющего общую организационно-правовую схему междуниверситетского кампуса, взят Стандарт кампусов, который устанавливает общие требования к организационной модели управления проектом по созданию и обеспечению функционирования кампуса; аналитические показатели, характеризующие социально-экономические эффекты от создания и функционирования кампуса; базовые требования к функциональности, сервисам и услугам, инфраструктуре и материально-техническому оснащению, проектированию и процессам эксплуатации, информационной открытости, экосистеме технологического предпринимательства кампуса.

К числу ключевых факторов, которые должны быть учтены при разработке общей организационно-правовой модели междуниверситетского кампуса, предлагаем отнести следующие:

1. Статус кампуса как единого объекта научно-образовательной инфраструктуры, отвечающего принципу научной, образовательной и технологической целостности, функционирующего по модели «цифровой университет» — инновационной форме организации деятельности образовательной организации, основанной на цифровой модели представления и применения физических и виртуальных объектов для обеспечения эффективного менеджмента и управления образовательной организацией на основе развития процессов цифровой трансформации по основным направлениям деятельности.

В исследованиях, посвященных модели цифрового университета, отмечается, что «ци-

фровой университет представляет собой совершенно иную сущность по сравнению с традиционным университетом»⁵. Особенностью реализации организационно-правовой схемы проекта кампусов является то, что деятельность субъектов проекта должна осуществляться в цифровой научно-образовательной среде, под которой разработчики Стандарта кампусов предлагают понимать комплекс нормативных правовых, организационных, методических и нормативно-технических документов (стандартов, классификаторов, словарей, справочников, рубрикаторов), обеспечивающий на основе единого архитектурного подхода разработку и функционирование в интегрированной системе управления и информационно-коммуникационной сети взаимодействующих элементов, предназначенных для эффективного управления активами научно-образовательной сферы и входящими в ее состав организациями, базами данных, базами знаний, информационными и иными ресурсами в целях научно-технологического развития и обеспечения качества и доступности образования на национальном уровне. Следует отметить, что приведенная дефиниция цифровой образовательной среды кампуса разнится с определением данного понятия, содержащимся в федеральном проекте «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование», а перечисленные ее содержательные составляющие должны стать управленческим системно работающим сервисом-интегратором.

2. Целевое назначение инфраструктуры / имущественного комплекса междуниверситетского кампуса и «прикрепление» такого имущества к определенной публичной функции, а также цели его использования. По мнению А. В. Винницкого, именно «на основе установленной цели формируется наиболее эффективный для ее достижения правовой механизм использования имущества. Поскольку целевое назначение публичного имущества продиктовано возложенными на государство и муниципальные образования функциями, то при дифференциации объектов собственности на основе данного критерия мы имеем дело именно с публично-правовой их классификацией, раскрывающей суть и предназначение имущества»⁶.

⁵ Хрусталева Н. В. Концептуализация понятия «цифровой университет» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 5-1. С. 147–152.

⁶ Винницкий А. В. Публичная собственность. М. : Статут, 2013. С. 332.

3. Обеспечение правосубъектности и платежеспособности основных бенефициаров федерального проекта «Создание сети современных кампусов» — университетов — в процессе совместного использования кампусной инфраструктуры в образовательной, исследовательской, технологической деятельности, а также осуществлении мероприятий молодежной политики из-за отсутствия регуляторной среды, необходимой для подобного рода совместной деятельности.

Субъектный состав организационно-правовой модели деятельности кампусов, которую с определенной долей условности можно назвать «консорциальная модель управления», характеризуется разнородностью, разностью статусов участников (органы публичной власти, образовательные организации, коммерческие структуры) и их функциональных ролей, а также отсутствием отношений подчиненности.

Основываясь на приводимом в Стандарте кампусов составе участников реализации проекта по созданию университетских кампусов, организационную модель управления ими можно охарактеризовать как регионально ориентированную, проектную модель с преобладающим государственным участием, элементами концессионного управления и управления, основанного на соглашении о консорциуме (или иной договорной конструкции). В пользу такой характеристики свидетельствует ярко выраженная ориентация на региональную специфику, его социально-экономические особенности, потребности в образовании и науке. Управление же проектом создания кампуса осуществляется на уровне субъекта Российской Федерации, а региональный штаб (или рабочая группа) является ключевым органом управления, обеспечивающим координацию деятельности различных участников проекта. В состав штаба входят руководители региональных органов исполнительной власти, курирующие ключевые направления развития региона, а председателем является высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, что свидетельствует о высоком уровне поддержки проекта со стороны публичной власти и ее активной роли в финансировании, планировании и реализации проекта. Задачи и распределение функционала между участниками регионального штаба определяются в нормативном правовом акте субъекта Российской Федерации (или ином нормативном акте в случаях, если председатель регионального штаба не высшее должностное

лицо субъекта Российской Федерации). Изменение состава участников регионального штаба или перераспределение функционала между его участниками проводится путем внесения изменения в нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации (или иной нормативный акт в случаях, если председатель регионального штаба не высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации). Ответственность за своевременное внесение изменений в состав участников регионального штаба возлагается на председателя регионального штаба. В случае внесения изменений председателю регионального штаба необходимо направить письменное уведомление в Минобрнауки России.

Проектный подход в управлении кампусом осуществляется с использованием дорожной карты и регионального проектного офиса, что предполагает четкое определение целей, задач, сроков и ресурсов проекта, а также мониторинг и контроль за его реализацией.

Создание сети региональных кампусов знаменует существенное изменение роли университетов в социально-экономическом развитии регионов. Традиционно университеты, фокусируясь на образовании и научных исследованиях, действовали в рамках федеральных стратегий и показателей, часто с некоторой автономией. Проект кампусов вносит коррективы в эту парадигму, выдвигая на первый план региональную ориентированность и коллаборацию с индустриальными партнерами путем создания исследовательских и предпринимательских структур на территории кампусов, тем самым переориентируя университеты с исполнения федеральных задач на деятельное участие в региональном развитии. Участие в создании и функционировании региональных кампусов подразумевает активное вовлечение университетов в решение социально-экономических задач региона. Они должны не только готовить кадры, востребованные на региональном рынке труда, но и генерировать инновации, способствующие развитию местной экономики и улучшению качества жизни. Очевидно, что происходит смещение фокуса с абстрактных показателей на конкретные результаты для региона. Традиционно основными показателями эффективности университета были рейтинги, количество публикаций в научных журналах, доля иностранных студентов и т.д. Эти показатели по-прежнему важны, но не всегда напрямую отражают вклад университета в развитие конкретного региона. Университеты как участ-

ники кампусов, согласно модели управления последними, должны ориентироваться на достижение показателей, установленных региональным штабом во главе с высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Это могут быть показатели по трудоустройству выпускников в регионе, количеству созданных стартапов, объему привлеченных инвестиций, реализации совместных проектов с региональными предприятиями и т.д. Фактически университет становится инструментом достижения региональных целей.

Усиление взаимодействия с региональной властью и бизнесом становится одной из ключевых задач университетов. И если на текущем этапе взаимоотношения с региональной властью и бизнесом, как правило, ограничиваются проведением научных конференций и семинаров, а также заключением договоров о сотрудничестве, то проект кампусов подразумевает тесное взаимодействие с региональной властью на всех этапах: от планирования и строительства до эксплуатации и развития. Университеты должны активно взаимодействовать с региональными предприятиями, чтобы понимать их потребности в кадрах и инновациях, и адаптировать образовательные программы и научные исследования под эти нужды. Фактически создается экосистема, в которой университет становится ключевым элементом, связывающим науку, образование и бизнес в регионе.

Что касается *элементов концессионного управления* в организационно-правовой модели деятельности университетских кампусов, то необходимо отметить, что при создании такой модели нужно учитывать участие концессионера в управлении проектом, если используется концессионная модель финансирования строительства кампуса. Концессионное соглашение должно рассматриваться в качестве ключевого элемента модели. Региональная публичная власть — субъект Российской Федерации — выступает в роли концедента, передавая частному инвестору (концессионеру) права на строительство и эксплуатацию инфраструктуры кампуса на определенный срок. В свою очередь, концессионер обязуется создать и поддерживать эту инфраструктуру в соответствии с требованиями, установленными соглашением. Концессионер несет ответственность за строительство, содержание и эксплуатацию кампуса в соответствии с условиями концессионного соглашения.

По рекомендации, содержащейся в Стандарте кампусов, реализация совместных межвузов-

ских научно-технологических, образовательных и иных проектов в межвузовском кампусе может быть организована на основании соглашения о консорциумах и (или) иных договоров.

В связи с этим следует вести речь о *распределенном управлении кампусом* в контексте вышеописанных элементов организационной модели (управление кампусом органами публичной власти субъекта РФ, концессия, консорциум, цифровизация), в которой полномочия и ответственность за различные аспекты функционирования кампуса разделены между различными участниками, а решения принимаются совместно и с учетом интересов всех сторон.

Невластные субъекты, участвующие в деятельности университетских кампусов, по критерию осуществления деятельности и функциональной роли условно подразделяются на три группы:

1) основные операторы и управляющие структуры (управляющая компания и технопарк);

2) резиденты и пользователи инфраструктуры кампуса (университеты, студенты, преподаватели, сотрудники, внешние посетители и организации, которые ведут деятельность на территории кампуса в соответствии с его профилем);

3) субъекты инновационной и предпринимательской экосистемы кампуса (представлены бизнес-инкубатором, университетским стартапом и университетской стартап-студией);

4) партнеры кампуса (индустриальные и внешние партнеры). Особый статус этих субъектов обусловлен их ключевой ролью в расширении возможностей кампуса и ускорении его развития. Индустриальные партнеры обеспечивают кампус необходимыми ресурсами, экспертизой, рынком для выпускников и предпринимательскими связями, которые позволяют кампусному проекту достигать поставленных целей и оказывать существенное влияние на социально-экономическое развитие региона.

Финансово-имущественные и договорные элементы организационно-правовой модели университетских кампусов

Под финансово-имущественной схемой организационно-правовой модели университетских кампусов предлагается понимать описание движения денежных потоков между субъектами университетского кампуса (финансовую модель)

и формы закрепления имущества за его участниками на различных стадиях реализации проекта, в зависимости от их организационно-правового статуса и функциональной роли.

Основой для описания финансово-имущественной схемы является финансовая модель университетского кампуса как сочетания бюджетных и внебюджетных источников средств, необходимых для осуществления его деятельности. Следует отметить, что вопросы по выбору методик определения оптимального организационно-экономического механизма функционирования кампуса совершенно справедливо относят к числу дискуссионных и малоразработанных. Обусловлено это как новизной самого проекта по созданию сети университетских кампусов, так и множественностью функций, возлагаемых на него федеральным проектом. Так, межвузовский кампус рассматривается исследователями как «инновационный центр развития города, выполняющий функции образовательной организации высшего образования (ООВО), ядра инновационной системы и субъекта инновационной инфраструктуры (инновационного института смешанного типа, консолидирующего в себе функции всех типов), формирующий инновационную среду и участвующий в ее развитии»⁷. Российскую модель кампусов предлагается даже «наделить статусом муниципального образования; кампус предлагается учредить в качестве муниципалитета со всеми организационными особенностями местного самоуправления, которые предусмотрены в Конституции Российской Федерации и федеральных законах Российской Федерации о местном самоуправлении, в том числе с собственным местным бюджетом и муниципальной службой»⁸.

Действительно, проблема формирования финансовой модели кампуса или его организационно-экономического механизма функционирования в том, что межвузовские кампусы, в отличие от монокампусов, не имеют единой юридической сущности, т.е. межвузовский кампус не является юридическим лицом, а функционирует по принципу коммунальной квартиры или многоквартирного дома.

Предлагаем в качестве ключевых правообразующих факторов для финансово-имущественной схемы рассматривать: 1) титул владения университетами площадями кампуса (например, аренда, ограниченное вещное право); 2) финансово-экономическую модель, используемую при создании университетского кампуса (например, концессионное соглашение или прямое финансирование из федерального бюджета); 3) специальную правоспособность университетов (в частности, необходимо учитывать ограничения по распоряжению имуществом, которое допускается только с согласия учредителя, или, например, требования Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»); 4) особенности правового регулирования статуса технопарков⁹; 5) возможность установления специальных (преференциальных) правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности с использованием кампусной инфраструктуры; 6) систему эффективного планирования, прогнозирования и анализа доходов и расходов университетского кампуса, для чего потребуется комплекс мер по контролю расходования средств через их консолидацию, например в управляющей компании.

В основу построения финансовой модели университетских кампусов могут быть положены принципы: 1) инклюзивности — вовлечение в региональные проекты устойчивого развития всех членов университетского консорциума; 2) системности — всесторонняя обработка информационных потоков и анализ принимаемых управленческих решений; 3) комплексности — автоматизация процедур преобразования данных на всех стадиях управления проектной и инновационной деятельностью университетского кампуса; 4) гибкости — внедрение новых инструментов контроля и управления проектами кампуса; 5) эффективности — осуществление постоянного контроля работоспособности коммуникаций на различных стадиях инновационного цикла проектов кампуса.

В целях реализации указанных принципов возможно создание бюджетной комиссии как

⁷ Лысов П. Г. Организационно-экономический механизм функционирования межвузовского кампуса // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 5005–5024.

⁸ Еременко А. Кампус по-российски: университет-муниципалитет // Государственная служба. 2008. № 5. С. 132–140.

⁹ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024) // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 41.

одного из элементов организационной структуры управления университетским кампусом.

Под *договорной схемой* организационно-правовой модели университетского кампуса предлагается понимать взаимоувязанную систему правоотношений участников проекта кампуса, включающую определенный перечень соглашений (контрактов, договоров), обеспечивающих оптимальное и эффективное управление и взаимодействие в процессе функционирования кампуса.

Структура договоров, входящих в договорную схему кампуса, подразумевает классификацию соглашений по степени важности:

— генеральные договоры (договоры первого уровня);

— вторичные договоры (договоры второго уровня), непосредственно обеспечивающие исполнение обязательств участниками кампуса, зафиксированных в соглашениях первого уровня;

— вспомогательные договоры (договоры третьего уровня), направленные на решение точечных (локальных) задач в рамках деятельности университетского кампуса.

В качестве договоров первого уровня могут выступать соглашение о консорциуме и концессионное соглашение о создании университетского кампуса, если кампус строится (реконструируется) с использованием механизмов государственно-частного партнерства (так как такое соглашение влияет на финансовую модель и экономические показатели кампуса).

Второй уровень представлен договорами об оказании услуг по использованию инфраструктуры кампуса; договорами аренды/субаренды научно-образовательной инфраструктуры (если формой закрепления площадей в кампусе, созданном по концессионным соглашениям, является аренда); агентскими или иными договорами в целях оказания сопутствующих сервисных услуг резидентам и пользователям кампуса; договорами, опосредующими деятельность бизнес-инкубаторов и университетских стартап-студий, и др.

Третий уровень составляют договоры купли-продажи (поставки) материалов; лицензионные договоры (например, для функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры — технологической системы кампуса); договоры НИОКР; подряда (например, на

создание инновационной продукции); ремонта и технического обслуживания; договоры на транспортное обслуживание (перевозка студентов) и иные текущие договоры.

Особо стоит уделить внимание *консорциуму и соглашению о консорциуме* как базовой и ключевой договорной модели реализации совместных межвузовских научно-технологических, образовательных и иных проектов в университетском кампусе.

В научных публикациях, посвященных коллаборации в высшем образовании, под консорциумом как особой организационной структурой понимают объединение на добровольной основе юридически самостоятельных организаций различного уровня (регионального, международного и т.д.) для выполнения какого-либо социально значимого проекта с использованием объединенных материальных, технических и профессиональных ресурсов, с возможным последующим получением не имеющего аналогов в мире результата и способствующего устойчивому развитию входящих в объединение учреждений, в том числе наращиванию инновационного потенциала¹⁰.

Отсутствие законодательного регулирования консорциумов в российском праве является серьезной проблемой. В различных исследованиях и аналитических статьях, в которых рассматриваются те или иные аспекты университетских консорциумов, отмечаются следующие негативные последствия и риски, связанные с этой неурегулированностью.

Во-первых, неопределенность правового статуса и ответственности. Отсутствие четкого определения понятия «консорциум» и его правового статуса в российском законодательстве приводит к неопределенности в вопросах ответственности участников. У консорциума отсутствует субъектность, поскольку он представляет собой объединение, не обладающее правами юридического лица, а его создание не влечет появления нового субъекта права. В случае возникновения споров или претензий сложно определить, кто несет ответственность за действия консорциума: каждый участник в отдельности или все солидарно. Это создает риски для всех участников, особенно для тех, кто обладает наибольшими ресурсами или лучшей репутацией. Отсутствие четкого правового регулирования консорциумов делает

¹⁰ Василенко Н. В., Костенко А. А., Назаретян К. А. Коллаборация в высшем образовании: организационные перспективы консорциумов // Вопросы управления. 2017. № 1 (44). С. 196–204.

их деятельность уязвимой и ставит под угрозу реализацию совместных проектов, а риск возложения ответственности на отдельных участников консорциума сдерживает университеты от активного сотрудничества. Справедливости ради следует отметить отсутствие специального нормативного регулирования этого договора и в правопорядках других стран. Существуют лишь рекомендации и материалы в отношении заключения договора, в том числе руководства по составлению контрактов, разработанные Европейской экономической комиссией ООН в 1973 и 1979 гг.¹¹

Во-вторых, несмотря на то что признаки консорциума совпадают с признаками договора простого товарищества, применить по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) нормы ГК РФ о простом товариществе (гл. 55), смешанных договорах или договорах, которые не предусмотрены законом или иными правовыми актами (п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ), к кампусным консорциумам затруднительно. Скорее мы имеем дело с еще одной разновидностью «непростого товарищества», нетипичной договорной конструкцией совместной деятельности при отказе от договора простого товарищества, на этот раз вынужденном¹².

Примерное содержание соглашения о создании консорциума может включать в себя условия о внутренних отношениях организаций — резидентов кампуса и о ведении совместных дел в отношении их внешних заказчиков. В сложной системе договорных отношений кампусного консорциума возникает как минимум два комплекса правоотношений: один между самими участниками консорциума и второй между членами консорциума и региональной публичной властью как «заказчиком» целевых показателей университетского кампуса, перед которым они выступают отдельно или совместно.

К важным элементам соглашения о кампусном консорциуме, на наш взгляд, относятся условия о программах совместных научных исследований; планы мероприятий; развития инфраструктуры; привлечения кадров; вопросы финансового обеспечения деятельности кампу-

са, включая расходы на содержание «общего» имущества и технологии цифровой образовательной среды; целевые показатели деятельности кампуса и др. Специальным условием соглашения один из университетов — резидентов кампуса должен быть выделен в качестве лидера, на которого возлагаются обязанности по руководству консорциумом.

Заключение

Создание сети современных кампусов в регионах существенным образом переориентирует университеты, подведомственные федеральным министерствам, выдвигая на первый план их ориентированность на потребности субъекта Российской Федерации и коллаборацию между собой и с индустриальными партнерами.

Основываясь на проведенном исследовании, можно охарактеризовать организационную модель управления университетским кампусом как целевую, регионально ориентированную, проектную модель с сильным государственным участием и элементами концессионного управления, служащую эффективному достижению образовательных и научных целей как университетов, так и публичной власти. Такая модель предполагает четкое определение правового статуса имущества, установление правил его использования и распоряжения им, а также дифференциацию объектов собственности на основе их целевого назначения. Действенность модели оценивается на основе критериев, отражающих степень достижения поставленных целей. Данная организационная модель управления университетским кампусом направлена на создание современного образовательного и научного центра, отвечающего потребностям региона и способствующего его социально-экономическому развитию. Успешная реализация модели требует эффективной координации деятельности различных участников проекта, а также учета региональной специфики и потребностей.

Распределенное управление кампусом в контексте ранее описанной модели представ-

¹¹ Гражданское и торговое право капиталистических государств / отв. ред. Е. А. Васильев. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 1993. С. 260.

¹² Кирпичев А. Е. Типичная кауза и принцип *Turpenzwang* в нетипичных договорах: поручение о приобретении в рассрочку, пользовательское соглашение интернет-сайта, совместная деятельность сторон, отрицающих существование между ними простого товарищества // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 3 (74). С. 73.

ляет собой систему, в которой полномочия и ответственность за различные аспекты функционирования кампуса разделены между различными участниками, а решения принимаются совместно и с учетом интересов всех сторон. Это позволяет оптимизировать ресурсы, повысить эффективность и обеспечить устойчивое развитие кампуса.

Создание сети современных университетских кампусов является важным инструментом социально-экономического развития регионов и повышения конкурентоспособности страны. Успешная реализация проекта требует комплексного подхода, учитывающего региональную специфику, потребности бизнеса и населения, а также эффективную координацию деятельности всех участников.

Для успешной реализации федерального проекта «Создание сети современных кампусов» требуется внесение изменений в действующее законодательство в части создания преференций (включая налоговые) и особых правовых режимов для современной инновационной среды университетских кампусов; сохранения и расширения механизмов коммуникации и сетевого взаимодействия университетов; дополнения законодательства специальными нормами, позволяющими использовать консорциумную модель объединения университетов на базе университетских кампусов. Важным элементом является создание эффективной финансовой модели и системы управления кампусом, обеспечивающей прозрачность и подотчетность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большаков И. Н. Методы проектирования системных моделей в аналитических исследованиях // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. Т. 3. СПб., 2017. С. 216–219.

Василенко Н. В., Костенко А. А., Назаретян К. А. Коллаборация в высшем образовании: организационные перспективы консорциумов // Вопросы управления. 2017. № 1 (44). С. 196–204.

Винницкий А. В. Публичная собственность. М. : Статут, 2013. 732 с.

Гражданское и торговое право капиталистических государств / отв. ред. Е. А. Васильев. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 1993.

Еременко А. Кампус по-русски: университет-муниципалитет // Государственная служба. 2008. № 5. С. 132–140.

Кирпичев А. Е. Типичная кауза и принцип *Typenzwang* в нетипичных договорах: поручение о приобретении в рассрочку, пользовательское соглашение интернет-сайта, совместная деятельность сторон, отрицающих существование между ними простого товарищества // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 3 (74). С. 69–75.

Лысов П. Г. Организационно-экономический механизм функционирования межвузовского кампуса // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 5005–5024.

Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

Хрусталева Н. В. Концептуализация понятия «цифровой университет» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 5-1. С. 147–152.

REFERENCES

Bolshakov IN. Methods of designing system models in analytical research. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po myagkim vychisleniyam i izmereniyam*. 2017;3:216-219. (In Russ.).

Vasilenko NV, Kostenko AA, Nazaretyan KA. Collaboration in higher education: Organizational perspectives of consortia. *Voprosy upravleniya*. 2017;1(44):196-204. (In Russ.).

Vinnitsky AV. Public property. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Vasilev EA, editor. Civil and commercial law of capitalist states. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1993. (In Russ.).

Eremenko A. Campus in Russian: University-Municipality. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2008;5:132-140. (In Russ.).

Kirpichev AE. Typical science and the *Typenzwang* principle in atypical contracts: An assignment to purchase by installments, a user agreement for an Internet site, joint activities of the parties denying the existence of a simple

partnership between them. *Uchenye trudy rossiyskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoeva*. 2024;3(74):69-75. (In Russ.).

Lysov PG. Organizational and economic mechanism of functioning of the interuniversity campus. *Kreativnaya ekonomika*. 2022;16(12):5005-5024. (In Russ.).

Pletnikov VS. The model of the state in modern Russian jurisprudence: Methodology and practice of application. Dr. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2021. (In Russ.).

Khrustaleva NV. Conceptualization of the concept of «digital university». *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2024;5-1:147-152. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)
д. 76, Ленина пр., г. Челябинск 454080, Российская Федерация
titovaev@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Titova, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
titovaev@susu.ru

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 19 марта 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 18.11.2024.

Revised 19.03.2025.

Accepted 15.07.2025.

Криминальные риски в метавселенной и возможные стратегии их минимизации

Резюме. Метавселенная представляет собой эволюционную форму цифрового общества, характеризующуюся развитием социальных атрибутов и интеграцией виртуального и реального миров. Она функционирует как сложная виртуальная социальная система, основанная на реальной социальной структуре и охватывающая различные сферы жизни, такие как политика, экономика и культура. Социальное и транзакционное поведение людей в виртуальной среде постепенно оказывает обратное воздействие на реальную жизнь, формируя новые модели взаимодействия и коммуникации. Технология дополненной реальности позволяет отображать виртуальные объекты на основе реального мира, что усиливает ощущение погружения и подчеркивает необходимость гармоничного сочетания виртуального и реального пространств. Как новое направление развития киберпространства, метавселенная обладает децентрализованной логической архитектурой и обеспечивает интеграцию виртуального и реального миров. Однако последняя порождает новые криминальные риски, влияющие на правовую защиту гражданских прав, прав собственности и интеллектуальной собственности, а также на цифровые финансовые системы и механизмы регулирования. Преступления в виртуальном пространстве продолжают трансформироваться, демонстрируя новые формы поведения и самовыражения. На основе детального анализа концепции, характеристик и социальных аспектов метавселенной, а также моделей противоправного деяния в ней предлагаются стратегии минимизации криминальных рисков. В частности, эффективное противодействие преступлениям в метавселенной требует создания многосубъектной надзорной системы, основанной на технологиях искусственного интеллекта и блокчейна. Эта система должна использовать данные и платформы как ключевые элементы регулирования для обеспечения безопасности и защиты прав пользователей.

Ключевые слова: метавселенная; виртуальная реальность; интеграция реальности и виртуального мира; криминальные риски; многосубъектная надзорная система; преступление; интеллектуальная собственность

Для цитирования: Пан Дунмэй. Криминальные риски в метавселенной и возможные стратегии их минимизации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 154–168. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.154-168

Criminal Risks in the Metaverse and Possible Strategies for Their Minimization

Pan Dongmei
Heilongjiang University
Harbin, People's Republic of China

Abstract. The metaverse is an evolutionary form of digital society characterized by the development of social attributes and the integration of virtual and real worlds. It functions as a complex virtual social system based on a real social structure and covering various spheres of life such as politics, economics and culture. The social and transactional behavior of people in a virtual environment is gradually having the opposite effect on real life,

forming new models of interaction and communication. Augmented reality technology allows you to display virtual objects based on the real world, which enhances the feeling of immersion and emphasizes the need for a harmonious combination of virtual and real spaces. As a new direction in the development of cyberspace, the metaverse has a decentralized logical architecture and ensures the integration of virtual and real worlds. However, this integration gives rise to new criminal risks, affecting the legal protection of civil rights, property and intellectual property rights, as well as digital financial systems and regulatory mechanisms. Crimes in the virtual space continue to transform, demonstrating new forms of behavior and self-expression. Based on a detailed analysis of the concept, characteristics, and social aspects of the metaverse, as well as patterns of wrongdoing in this space, strategies for minimizing criminal risks are proposed. In particular, effective counteraction to crimes in the metaverse requires the creation of a multi-subject supervisory system based on artificial intelligence and blockchain technologies. This system should use data and platforms as key regulatory elements to ensure the safety and protection of users' rights.

Keywords: metaverse; virtual reality; integration of reality and virtuality; criminal risks; multi-agent supervisory system; crime; criminal risks; intellectual property

Cite as: Dongmei Pan. Criminal Risks in the Metaverse and Possible Strategies for Their Minimization. *Lex russica*. 2025;78(9):154-168. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.154-168

Введение

После переименования Facebook в Meta¹ тема метавселенной стала одной из ключевых в современной цифровой повестке. 2021 год был объявлен «первым годом метавселенной»², что сопровождалось активным внедрением продуктов, основанных на данной концепции. 8 сентября 2023 г. Министерство промышленности и информационных технологий КНР совместно с четырьмя другими государственными органами опубликовало «Трехлетний план действий по инновационному развитию индустрии метавселенной (2023–2025)»³. В документе подчеркивается, что ключевая характеристика метавселенной заключается в «интеграции виртуального и реального». Данная особенность предполагает возможность взаимодействия виртуальных и реальных пространств, что может привести к размыванию границ между ними. Если поль-

зователи метавселенной не осознают этих границ и воспринимают виртуальное социальное взаимодействие или виртуальные игры как зоны без правовых ограничений, это может привести к незаконной или даже преступной деятельности, что повлияет на устойчивое развитие индустрии метавселенной. Поэтому необходимо комплексное исследование вопросов регулирования поведения пользователей в виртуальных социальных сценариях метавселенной.

В последние годы научные исследования в Китае, касающиеся преступлений в метавселенной, сосредоточились на ключевых аспектах, таких как непристойное поведение, имущественные преступления и уголовно-правовое регулирование в метавселенной. Эти достижения охватывают как макроуровень (например, предложение системы двойного управления «закон + технология», принцип юридической нейтральности⁴ и характеристики прав соб-

¹ Компания Meta и социальная сеть Facebook признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

² См.: «元宇宙元年 [Первый год метавселенной] // URL: http://m.legalweekly.cn/fzgz/2022-01/06/content_8653533.html (дата обращения: 10.06.2025).

³ См.: 工业和信息化部办公厅、教育部办公厅、文化和旅游部办公厅、国务院国资委办公厅、广电总局办公厅关于印发《元宇宙产业创新发展三年行动计划（2023-2025年）》的通知 [Уведомление Главного управления Министерства промышленности и информационных технологий, Главного управления Министерства образования, Главного управления Министерства культуры и туризма, Главного управления Комиссии Государственного совета по управлению государственными активами, а также Главного управления Национальной радио- и телевизионной администрации о публикации «Трехлетнего плана действий по инновационному развитию индустрии метавселенной (2023–2025)»] // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202309/content_6903023.htm (дата обращения: 10.06.2025).

⁴ См.: 程金华: 《元宇宙治理的法治原则》, 载《东方法学》2022年第2期, 第20-30页 [Чэн Цзиньхуа. Принципы верховенства закона в управлении метавселенной // Восточное право. 2022. № 2. С. 20–30].

ственности на виртуальные активы⁵), так и микроуровень регулирования (включая анализ принципов компенсации ущерба, связанного с виртуальными аватарами⁶, и механизмов борьбы с преступлениями в метавселенной, учитывающих отсутствие традиционных временных и пространственных ограничений⁷). Это основные направления развития юридических исследований в области метавселенной. Тем не менее вследствие ограниченного понимания специфики данной концепции большинство ученых сталкиваются с проблемами нечеткого или ошибочного восприятия природы и характеристик метавселенной, что приводит к тому, что объектами их исследований часто не являются «реальные проблемы», связанные с технологией метавселенной.

Концепция, характеристики и атрибуты метавселенной

1. Концепция метавселенной и характеристики интеграции виртуального и реального

Концепция виртуальной реальности берет начало в книге Стенли Вейнбаума «Очки Пигмалиона»⁸, опубликованной в первой половине XX в., где были описаны первые идеи внешних проявлений виртуальной реальности. Однако долгое время после этого значительных технологических прорывов в области виртуальной реальности не наблюдалось. Лишь в 1996 г.

технология 3D-изображения была успешно интегрирована в культурно-развлекательную индустрию. Восстанавливая реальность, она усиливала ощущение погружения и сопричастности пользователей⁹. Значительный прогресс был достигнут в сфере виртуальной социальной активности и онлайн-игр, которые обладают большой социальной и философской значимостью. Например, некоторые онлайн-игры и другие произведения искусства того времени стали ключевыми элементами социальной деятельности поколения миллениалов.

В 2018 г. компания Facebook представила концепцию метавселенной¹⁰, направленную на интеграцию технологий и отраслей, соединяющих виртуальное и реальное пространства. Идея метавселенной, первоначально воспринимаемая как коммерческий маркетинговый ход, получила широкое освещение в массмедиа. В результате понимание метавселенной расширилось от технической плоскости до более глобального измерения будущих форм социальной цивилизации. На уровне акцентирования внимания на погружении, моделировании, контроле и переживании ощущений она постепенно трансформировала мир, создав новую парадигму взаимосвязи между виртуальным и реальным. Люди больше не рассматривают виртуальный мир как подчиненный элемент современного мира, а подчеркивают его независимую ценность для социального взаимо-

⁵ См.: 刘宪权: 《元宇宙空间非法获取虚拟财产行为定性的刑法分析》, 载《东方法学》2023年第1期, 第49-61页 [Лю Сяньцюань. Квалификация незаконного приобретения виртуальной собственности в пространстве метавселенной // Восточное право. 2023. № 1. С. 49–61].

⁶ См.: 李学良: 《元宇宙中猥亵行为的法益侵害性》, 载《上海法学研究》集刊2022年第23卷, 第96-103页 [Ли Сюэлянь. Правовые блага, связанные с непристойным поведением в метавселенной // Шанхайское юридическое исследование. 2022. Т. 23. С. 96–103].

⁷ См.: 刘宪权: 《元宇宙空间刑法中危害行为的》异化《及新样态》, 载《苏州大学学报(哲学社会科学版)》2023年第3期第63-73页 [Лю Сяньцюань. «Отчуждение» и «новая форма» преступного деяния в пространстве метавселенной // Журнал Сучжоуского университета. 2023. № 3. С. 63–73].

⁸ См.: 刘雨、刘赫: 《西方科幻技术想象图谱——从机器拜物教到后人类情动》, 载《东北师大学报(哲学社会科学版)》2023年第5期, 第76-82页 [Лю Юй, Лю Хэ. Атлас технологического воображения западной научной фантастики: от фетишизма машин до постчеловеческих эмоций // Журнал Северо-Восточного педагогического университета. Серия «Философия и общественные науки». 2023. № 5. С. 76–82].

⁹ См.: [美] 贾德·伊桑·鲁格尔、马修·维斯、亨利·詹金斯等: 《聚焦: 平台之间的游移——电影、电视、游戏与媒介融合》, 于帆译, 载《世界电影》2011年第1期, 第22-55页 [Ругел Дж. И., Вайс М., Дженкинс Г. [и др.]. Фокус: сдвиг между платформами — конвергенция кино, телевидения, игр и медиа / пер.: Юй Фань // Мировое кино. 2011. № 1. С. 22–55].

¹⁰ См.: 杰森·鲁宾曾在2018年为Facebook提出50页PPT的元宇宙战略愿景 [Джейсон Рубин представил Facebook 50-страничное видение стратегии в отношении метавселенной в 2018 г.] // URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/428146929> (дата обращения: 10.06.2025).

действия и производства, а также важность его интеграции с реальностью¹¹.

Отсюда концепция метавселенной представляет собой результат эволюции технологий и идей, которые на определенном этапе достигают глубокой интеграции виртуального и реального миров. Поскольку данная идея, объединяющая технологии и промышленные явления высокой степени синтеза виртуального и реального, выходит за рамки значений, описываемых предыдущей парадигмой Интернета, она нашла выражение в существующей, относительно подходящей и лаконичной категории метавселенной. Следует отметить, что технологии интеграции виртуального и реального возникли раньше, тогда как использование термина «метавселенная» для их описания появилось позже. Таким образом, метавселенная является проявлением процессов интеграции виртуального и реального, а само объединение этих двух плоскостей составляет ее основу.

2. Социальные атрибуты метавселенной

Метавселенная — это интернет-форма, которая интегрирует технологии цифрового двойника, блокчейна, облачных вычислений и иммерсивную технологию, и, таким образом, ее можно назвать «иммерсивным Интернетом полной реальности»¹². С функциональной точки зрения, согласно исследовательскому отчету о развитии метавселенной¹³, опубликованному Центром исследований новых медиа Университета Цинхуа в 2021 г., метавселенная предоставляет захватывающий пользовательский опыт на основе технологий расширенной реальности, создает цифровое отражение реального мира с использованием технологии цифровых двойников, а также объединяет виртуальные и реальные экономические, социальные системы и системы идентификации,

основанные на технологии блокчейн. Кроме того, она обеспечивает возможность создания контента и редактирования виртуальной среды каждым пользователем.

Виртуальное пространство метавселенной существенно отличается от традиционных онлайн-платформ. Пользователи метавселенной не ограничиваются применением заранее определенных сервисов, предоставляемых платформами, а получают возможность создавать ценность и участвовать в экономическом взаимодействии внутри цифрового пространства. Как отметил Дэвид Базуки, соучредитель Roblox, метавселенная предоставляет уникальную возможность каждому пользователю генерировать экономическую выгоду, выходя за рамки игровой механики. Это различие можно сравнить с противопоставлением понятий «жизнь» и «путешествие»¹⁴. Примером такого подхода служат NFT (non-fungible tokens, невзаимозаменяемые токены). В отличие от стандартных игровых предметов NFT содержат уникальный цифровой код, обеспечивающий их неповторимость и превращая их из простых элементов игры в полноценные активы, обладающие характеристиками реальных товаров. Таким образом, они позволяют интегрировать механизмы реальной торговли в виртуальное пространство. При этом материальные аспекты цифрового труда в метавселенной соответствуют современным экономическим требованиям и тенденциям.

Как подчеркнул Кристиан Фукс, цифровая рабочая сила интегрирует три ключевых процесса труда: познавательный, коммуникативный и кооперативный¹⁵. В условиях высокоразвитого метавселенского пространства, основанного на иммерсивных технологиях, контент, создаваемый пользователями, отражает не только их личные предпочтения и эмоциональные со-

¹¹ См.: 张明、陈胤默、路先锋、王喆：《元宇宙：概念特征、发展现状、特征及经济影响》[Чжан Мин, Чэнь Иньмо, Лу Сяньфэн, Ван Чжэ. Метавселенная: концепция, развитие, характеристики и воздействие на экономику] // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1775487676894281571&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.06.2025).

¹² См.: 王雯静, 邢冬梅：元宇宙中的身体在场与多维度风险分析, 载《湖州师范学院学报》2025年第3期, 第83-85页 [Ван Вэньцзин, Син Дунмэй. Физическое присутствие и многомерный анализ рисков в метавселенной // Журнал Хучжоуского педагогического университета. 2025. № 3. С. 83–85].

¹³ См.: 清华大学发布《2020-2021年元宇宙发展研究报告》[Университет Цинхуа опубликовал исследовательский отчет о развитии метавселенной (2020–2021)] // URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/428086698> (дата обращения: 10.06.2025).

¹⁴ См.: 元宇宙会是人类未来«极乐园»吗? [Станет ли метавселенная «раем блаженства» в будущем человечества?] // URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/430782873> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁵ Fuchs Ch. Digital Labor and Karl Marx. New York : Routledge, 2014. P. 207–208, 254.

стояния, но также социальное взаимодействие и реальную жизнь за пределами материальных продуктов. Несмотря на то что цифровая рабочая сила в метавселенной производит продукты с повышенной степенью виртуализации, ее сущность сохраняет материальные атрибуты.

Социальные атрибуты метавселенной в основном отражаются в следующих моментах.

Субъектами метавселенной выступают «цифровые люди», чьи смысловые выражения синхронизированы с действиями «физических людей» в реальном мире и не подчиняются исключительно алгоритмам или программам. Существование «цифровых людей» и развитие виртуальных практик становятся ключевыми факторами прогресса общества метавселенной.

С точки зрения социальных отношений метавселенная, благодаря технологиям цифрового двойника и расширенной реальности, делает взаимодействие между людьми основополагающей формой существования в виртуальной среде. Люди создают контент и ценности через взаимодействие, что способствует формированию новых социальных связей.

С позиции социального регулирования метавселенная функционирует на основе логики, которая не ограничивается ни программным кодом, ни институтами реального мира, для поддержания порядка и обеспечения развития. Правила функционирования метавселенной основаны на принципах равенства и автономии участников.

По социальной природе метавселенная представляет собой общество незнакомцев, где виртуальные аватары могут быть изменены, а региональные и государственные ограничения значительно снижены. Это способствует укреплению духа договоренностей и норм общения между участниками.

В целом метавселенная является продвинутой версией цифрового общества, характе-

ризующейся социальными атрибутами. Она представляет собой виртуальную социальную форму, основанную на реальной социальной структуре и охватывающую различные аспекты, такие как политика, экономика и культура¹⁶.

Классификация криминальных рисков в пространстве метавселенной

Метавселенная обладает такими основными характеристиками, как контекстуализация, физическое участие, виртуальная идентичность, иммерсивное социальное общение, игровое взаимодействие и эмоциональный опыт¹⁷. После широкого внедрения метавселенной как социального сценария под совместным воздействием трех ключевых факторов: погружения, технологий цифровых двойников и систем цифровых валют¹⁸ — преступные деяния, такие как личностные, имущественные преступления и нарушения порядка общественного управления в пространстве метавселенной, также приобретут новые формы. Криминальные риски в пространстве метавселенной проявляются в следующих аспектах.

1. Риски совершения преступлений против личности. Технологии интерактивного взаимодействия с элементами погружения способствовали формированию новых видов прав на защиту личности от преступлений, а также увеличили их уязвимость к нарушениям. Технологии взаимодействия с метавселенной можно классифицировать на три основные категории: технологии расширенной реальности (XR), включающие виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR) и смешанную реальность (MR); интерфейс мозг — компьютер (BCI); голографические проекции¹⁹. Новые характеристики прав на защиту личности от преступлений в условиях развития метавселен-

¹⁶ См.: 任可、杨道玲: 《元宇宙相关产业现状与潜在风险研究》, 载《中国经贸导刊》2022年第4期, 第62-65页 [Жен Кэ, Ян Даолин. Текущая ситуация и потенциальные риски в отраслях, связанных с метавселенной // Китайский экономический и торговый вестник. 2022. № 4. С. 62–65].

¹⁷ См.: 张洪忠、斗维红、任昊炯: 《元宇宙: 具身传播的场景想象》, 载《新闻界》2022年第1期, 第76-84页 [Чжан Хунчжун, Доу Вэйхун, Жень Вуцзюнь. Метавселенная: воображаемая сцена физического общения // Круги прессы. 2022. № 1. С. 76–84].

¹⁸ См.: 季卫东: 《元宇宙的秩序: 虚拟人、加密资产以及法治创新》, 上海人民出版社2023版, 第25页 [Цзи Вэйдун. Порядок в метавселенной: виртуальные люди, криптоактивы и инновации верховенства закона. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2023. С. 25].

¹⁹ См.: 李明泽: 《元宇宙犯罪的新特点: 与网络犯罪的比较分析》, 载《预防青少年犯罪研究》2024年第5期, 第82页 [Ли Минцзе. Новые характеристики метавселенной преступности: сравнительный анализ с киберпреступностью // Исследование по профилактике преступности несовершеннолетних. 2024. № 5. С. 82].

ной обусловлены прогрессом вышеуказанных технологий и характеризуются двумя ключевыми аспектами.

А. Возникновение новых личностных правовых благ. Устройства взаимодействия с метавселенной оказывают влияние на тела пользователей двумя основными способами. Первый заключается в улучшении восприятия через расширенные технологии, такие как дополненная реальность, что позволяет пользователям увеличить возможности человеческого восприятия. Второй способ связан с непосредственным воздействием на мозг пользователя через интерфейсы мозг — компьютер, что открывает новые горизонты восприятия и управления информацией. Первый метод, по сути, усиливает способности восприятия пользователя, что с точки зрения регулирования может усугубить нарушения законных интересов вследствие противоправных действий. Второй метод, напротив, создает уникальные риски, связанные с возможным вторжением в мозговые процессы, которые традиционные правовые системы не всегда могут эффективно охватить. Под воздействием новых технологий формируются новые правовые категории защиты. Например, злоумышленники могут использовать интерфейсы мозг — компьютер для стимуляции центров мозга, ответственных за сексуальные функции, что может привести к совершению «виртуального сексуального насилия» или краже конфиденциальных данных из мозга жертвы. В связи с этим некоторые исследователи предложили концепцию «конфиденциальность мозга», подчеркивая необходимость защиты данных мозга как нового типа личной информации. Таким образом, после совершенствования технологий мозг — компьютер центр сексуальных ощущений в мозге должен быть признан объектом правовой защиты и включен в систему охраняемых прав личности.

В качестве примера рассмотрим проблему сексуального насилия в виртуальных социальных сценариях метавселенной. В декабре 2021 г. инцидент с сексуальными домогательствами во время тестирования игры одной компании был признан «первым зарегистри-

рованным случаем сексуальных домогательств в метавселенной». Женщина-игрок сообщила, что спустя всего 60 с после входа в игру трое мужчин-игроков с использованием виртуальных аватаров подошли к ней, проявляли неподобающее поведение в отношении ее персонажа и зафиксировали это на видео. В апреле 2022 г. одна из игроков опубликовала сообщение о том, что она пережила «виртуальное изнасилование» в игре после того, как заснула с включенным дисплеем на голове. Ее разбудил кто-то другой, пока она спала. Когда она открыла глаза, то увидела незнакомца, совершающего непристойные действия над телом ее виртуального персонажа. Реалистичность ситуации была настолько высока, что она испытала физическое и психологическое воздействие, как если бы это произошло в реальном мире²⁰.

Из этих примеров можно сделать вывод, что некоторые из спорных форм сексуального насилия в виртуальных социальных сценариях в основном связаны с тем, что преступники имитируют непристойные действия с непосредственным прикосновением в реальном мире через виртуальных персонажей, заставляя жертв наблюдать или замечать, тем самым причиняя им психологический дискомфорт.

Б. Степень, в которой противоправные действия нарушают законные интересы личности, значительно возросла. С практической точки зрения, чем больше внешние воздействия на жертву, тем более серьезными могут быть негативные последствия для ее организма и тем значительнее ущемление законных интересов вследствие преступного деяния. Благодаря интеграции интерактивных устройств и цифровых удостоверений личности пользователи могут полностью погружаться в метавселенную. В этом ощущении погружения можно выделить два ключевых аспекта. Первый — это цифровая идентификация, обеспечивающая распознавание личности. Пользователи способны создавать цифровые аватары, почти неотличимые от реальных представлений физической личности, что позволяет им осуществлять полное погружение во взаимодействие через виртуальную личность²¹. Второй аспект — это физическое

²⁰ См.: 莫然、张东妮: 《元宇宙纠纷解决机制的构建与发展》, 载《学术探索》2023年第4期, 第73-84页 [Mo Жан, Чжан Дунни. Построение и развитие механизма разрешения споров в метавселенной // Академические исследования. 2023. № 4. С. 73–84].

²¹ См.: 吴焱: 《元宇宙: 法律图谱与规范逻辑》, 中国人民大学出版社 2023 年版, 第15-38页 [У Е. Метавселенная: юридический атлас и нормативная логика. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2023. С. 15–38].

погружение, обеспеченное интерактивными устройствами. Чувство реальности, усиленное технологиями расширенной реальности, дополняет эффект погружения и одержимости, создаваемый виртуальными мирами и цифровыми аватарами, что может вызывать у пользователей сильное психологическое напряжение²². В отличие от традиционного Интернета, который обеспечивает лишь визуальное погружение, данный подход позволяет стимулировать все органы чувств жертвы, увеличивая таким образом вероятность нарушения законных интересов личности в результате противоправных действий в метавселенной.

2. Риски совершения имущественных преступлений. В эпоху метавселенной блокчейн был официально внедрен для создания экономической системы метавселенной, способствуя формированию безопасной и надежной экономической экосистемы. Большие возможности технологии блокчейн также способствовали широкому распространению цифровых активов в эпоху метавселенной. Каждый пользователь может осуществлять прямой обмен ценностями в пространстве метавселенной и даже выпускать собственные валютные единицы. Виртуальные активы, такие как валюта, коллекционные предметы и услуги в метавселенной (соответствующие данным о физических объектах в ее пространстве), могут стать объектами имущественных преступлений. Три категории государственной собственности и четыре категории частной собственности,

предусмотренные статьями 91 и 92 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее — УК КНР)²³, могут быть трансформированы в цифровую форму и приобрести статус виртуальной собственности в пространстве метавселенной²⁴. Подавляющее большинство случаев незаконного завладения виртуальной собственностью в нем подпадает под составы имущественных преступлений. Нет оснований для исключения из категории имущественных преступлений таких деяний, как кража, мошенничество и грабеж²⁵.

А. Действие, связанное с незаконным присвоением различного рода виртуальной собственности в метавселенной путем тайного хищения, полностью соответствует признакам состава преступления кражи (ст. 264 УК КНР). В частности, в контексте метавселенной данное преступление может проявляться следующим образом: во-первых, злоумышленник использует виртуальный аватар для совершения скрытого и прямого хищения чужой виртуальной собственности; во-вторых, виновник осуществляет несанкционированное изменение данных о виртуальной собственности через взлом, контроль или дестабилизацию систем метавселенной, что позволяет ему установить фактический контроль над соответствующей виртуальной собственностью.

Б. В метавселенной существует система финансовых счетов для управления виртуальными валютами, а также инфраструктура для контроля иных объектов экономической цен-

²² См.: 李明泽: 《元宇宙犯罪的新特点: 与网络犯罪的比较分析》, 载《预防青少年犯罪研究》2024年第5期, 第82-83页 [Ли Минцзе. Новые характеристики преступности в метавселенной: сравнительный анализ с киберпреступностью // Исследование по профилактике преступности несовершеннолетних. 2024. № 5. С. 82–83].

²³ Согласно ст. 91 УК КНР три категории государственной собственности включают в себя государственную собственность; коллективную собственность трудовых коллективов; социальные пожертвования или специальные фонды, нацеленные на помощь бедным и другие общие блага. В соответствии со ст. 92 УК КНР к четырем категориям частной собственности относятся законные доходы, сбережения, постройки и другие средства существования граждан; средства производства, принадлежащие в соответствии с законом отдельному лицу, семье; законная собственность индивидуального хозяйства и частного предприятия; паи, акции, облигации и другая собственность, принадлежащая отдельному лицу в соответствии с законом. См.: 高敏娟. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике: монография / под науч. ред. Н. А. Сидоровой, И. А. Васильева; пер.: Пан Дунмэй, Ван Гуанлун. М.: Проспект, 2021. С. 241.

²⁴ См.: 刘宪权: 《元宇宙空间财产犯罪的刑法规制》, 载《法学评论》2024年第2期, 第26页 [Лю Сяньцюань. Уголовно-правовое регулирование имущественных преступлений в пространстве метавселенной // Юридический обзор. 2024. № 2. С. 26].

²⁵ См.: 刘宪权: 《元宇宙空间非法获取虚拟财产行为定性的刑法分析》, 载《东方法学》2023年第1期, 第56页 [Лю Сяньцюань. Квалификация незаконного приобретения виртуальной собственности в пространстве метавселенной. С. 56].

ности, таких как цифровые коллекционные предметы. Аналогично тому, как программное обеспечение наделяет банкоматы функциями распознавания, различные системы метавселенной также оснащены технологиями распознавания и другими возможностями. В случае если лицо незаконно завладеет виртуальной собственностью другого пользователя путем использования функций распознавания метасистемы, такое деяние может быть квалифицировано как мошенничество (ст. 266 УК КНР).

В. NFT являются основными носителями собственного виртуального имущества в пространстве метавселенной²⁶. Благодаря характеристикам, таким как уникальность, NFT превращают виртуальное имущество в специфические объекты с особой правовой и экономической значимостью. Иными словами, если виртуальной собственностью пользователя метавселенной незаконно завладеют третьи лица, владелец данной собственности утрачивает возможность ее контроля. Пострадавший пользователь может требовать возврата своей виртуальной собственности исключительно на законных основаниях или иным способом. Характеристики NFT, такие как уникальность, создают возможности для имущественных правонарушений, связанных с незаконным завладением виртуальной собственностью другими лицами. В случае если злоумышленник использует физическое насилие, принуждение или другие формы давления для завладения виртуальной собственностью пользователя метавселенной, такие действия могут быть квалифицированы как разбой (ст. 263 УК КНР).

3. Криминальные риски, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности. Авторские права и права на товарные знаки, выступающие объектом преступлений против интеллектуальной собственности в реальном мире, при трансформации в пространстве метавселенной становятся ключевым элементом защиты авторских прав в цифровой

среде. В частности, наиболее распространенным типом объектов авторского права в данной области является модель анализа производных данных, например бизнес-аналитическая. Указанный вид перестроенной и комбинированной модели анализа данных обладает оригинальностью и защищается законодательством об авторском праве. Права правообладателя охватывают распространение, воспроизведение и использование контента. Применение подобной модели без разрешения правообладателя может не только рассматриваться как нарушение авторских прав, но и в случае наступления серьезных последствий повлечь уголовную ответственность за незаконное использование объектов с нарушением авторских прав.

В сфере цифровых коллекционных предметов, если уникальные графические символы, созданные с использованием дизайна данных, особенно оцифрованные элементы товарного знака, конкурируют с зарегистрированными товарными знаками в реальном мире по вышеуказанным характеристикам товарного знака, это может вызвать путаницу относительно первоначальных прав на товарный знак и даже привести к нарушению исключительных прав правообладателя²⁷. Например, продажа поддельных зарегистрированных товарных знаков NFT другим пользователям или предприятиям в метавселенной без разрешения правообладателя будет квалифицирована как подделка зарегистрированных товарных знаков (ст. 213 УК КНР)²⁸. Следовательно, как создание цифровых коллекционных предметов NFT, так и кража моделей анализа данных могут быть связаны с нарушением прав на товарный знак и представлять собой уголовно наказуемые деяния.

Кроме того, платформы для торговли цифровыми коллекционными предметами NFT обязаны проводить проверку соответствия правовым требованиям. Как поставщики сетевых услуг нового типа торговые платформы

²⁶ См.: 陈吉栋:《超越元宇宙的法律想象:数字身份、NFT与多元规制》,载《法治研究》2022年第3期,第52页 [Чэнь Цзидун. Юридическое воображение за пределами метавселенной: цифровая идентификация, NFT и многостороннее регулирование // Исследование по вопросам верховенства права. 2022. № 3. С. 52].

²⁷ См.: 杨猛:《元宇宙空间刑事风险与类型化规制》,载《东方法学》2025年第2期,第112页 [Ян Мэн. Криминальные риски и классификация регулирования в пространстве метавселенной // Восточное право. 2025. № 2. С. 112].

²⁸ См.: 杨猛:《数据犯罪的底层逻辑与预控——以刑事合规角度为切入》,载《上海法学研究》集刊2022年第20卷,第185页 [Ян Мэн. Логика, лежащая в основе преступлений, связанных с данными, и предварительный контроль за ними: с точки зрения соблюдения уголовно-правовых норм // Шанхайское юридическое исследование. 2022. Т. 20. С. 185].

NFT должны демонстрировать повышенную осторожность по сравнению с традиционными поставщиками сетевых услуг и внедрять эффективные механизмы проверки интеллектуальной собственности²⁹. Предварительная проверка прав собственности на цифровые коллекционные предметы NFT обязательна. Несоблюдение данных обязательств может повлечь уголовную ответственность за неправомерное использование данных в метавселенной.

В пространстве метавселенной существует большое количество оригинального пользовательского контента (user generated content, UGC) и приложений IP (протоколы для межсетевого взаимодействия), стирающих границу между виртуальным и реальным мирами, что существенно усложняет управление правами интеллектуальной собственности. Кроме того, использование технологии обработки данных DeepSeek в экосистеме метавселенной еще больше усложняет процессы, такие как определение и передача цифровых авторских прав и прав на товарные знаки. Это способствует диверсификации противоправных действий, связанных с нарушением прав использования метавселенной, увеличивая риски киберпреступной деятельности³⁰.

4. Риски совершения финансовых преступлений в пространстве метавселенной. Права на операции (доходы) в пространстве метавселенной в основном связаны с финансированием атрибутов собственности на данные. Наиболее типичной областью является платформа для торговли цифровыми предметами коллекционирования NFT. На платформе для торговли цифровыми предметами коллекционирования NFT незаконно фрагментируются и используются совместно, что, в свою очередь, сопряжено с криминальными рисками, такими как незаконное привлечение средств в форме вкладов от населения (ст. 176 УК КНР) и отмывание денег

(ст. 191 УК КНР), нарушающими порядок финансового регулирования.

Финансовые атрибуты прав на операции (доходы) в метавселенной в основном можно свести к двум аспектам: во-первых, на основе отображения реальности в метавселенной физические финансовые транзакции могут быть легко трансформированы в перемещение финансовых активов внутри цифровой среды, что включает отношения кредитора и должника из сферы традиционных финансов. Однако данное преобразование также создает значительные риски для регулирования³¹, такие как вероятность традиционных финансовых преступлений вроде отмывания денег и незаконного привлечения средств в форме вкладов от населения. Во-вторых, ввиду специфических технологий виртуальных финансов метавселенной операционный доход связан с финансовыми характеристиками NFT. Это охватывает широкий спектр прав, таких как право платформы на выпуск финансовых продуктов, право инвесторов на обратный выкуп, право пользователей на хранение личных данных, потребительских записей и других информационных данных, накопленных на платформе, а также право платформы на управление данными. Поэтому финансовые права, основанные на базовых и производных данных, формируют комплексное содержание финансовых прав на данные, одновременно представляя риски противоправных действий, угрожающих законным интересам.

На виртуальном рынке наблюдается значительное количество спекулятивных пузырей. К сочетанию метавселенной и финансовых инструментов необходимо относиться с особой осторожностью, чтобы избежать отделения виртуальных валют от их реальной стоимости, а также предотвратить спекуляции фиатными валютами³². Более того, криминальные риски, связанные с правами на получение операци-

²⁹ См.: 王江桥: 《NFT交易模式下的著作权保护及平台责任》, 载《财经法学》2022年第5期, 第78页 [Ван Цзянцяо. Защита авторских прав и ответственность платформы в рамках модели транзакций NFT // Право и экономика. 2022. № 5. С. 78].

³⁰ См.: 邓亮: 《元宇宙业态下新型经济犯罪风险及其治理》, 载《人民论坛》2022年第13期, 第86页 [Дэн Лян. Риски новых экономических преступлений и их регулирование в метавселенной // Народный форум. 2022. № 13. С. 86].

³¹ См.: 杨猛: 《元宇宙空间刑事风险与类型化规制》, 载《东方法学》2025年第2期, 第113页 [Ян Мэн. Криминальные риски и классификация регулирования в пространстве метавселенной. С. 113].

³² См.: 张宇润、董宇: 《论法定数字货币征信难题和法律对策》, 载《安徽大学学报(哲学社会科学版)》2021年第2期, 第106-113页 [Чжан Юйжунь, Дун Юй. О трудностях, связанных с кредитными отчетами в сфере фиатных цифровых валют, и правовых мерах для их регулирования // Журнал Аньхойского университета. Серия «Философия и общественные науки». 2021. № 2. С. 106-113].

онного дохода в пространстве метавселенной, заключаются в структуре финансовых транзакций на виртуальной торговой платформе, а также присущи самим финансовым продуктам. В определенной степени развитие виртуального пространства метавселенной окажет влияние на традиционные финансовые транзакции и существующий порядок регулирования. Проведение транзакций в рамках метавселенной как финансовой среды связано с системными рисками. Следовательно, крайне важно заранее выявлять и контролировать риски, сопряженные с реализацией прав управления метавселенной.

5. Риски совершения преступлений, нарушающих порядок общественного управления.

Технологии иммерсивного взаимодействия и блокчейна обеспечивают интеграцию порядка в метавселенной с реальным миром, делая цифровое выживание пользователей в метавселенной эквивалентным их существованию в реальном обществе. На начальных этапах развития метавселенной формируется двухуровневое общество, которое пока не оказывает значительного влияния на устройство реального мира. Однако при достижении стадии сосуществования виртуального и реального миров под воздействием высокой степени погружения и надежной экономической системы пространство метавселенной будет характеризоваться более устойчивым порядком жизни. Вместе с тем такие формы поведения, как распространение слухов, могут вызывать более серьезные нарушения реального порядка социального управления в пространстве метавселенной. Следует учитывать, что в настоящее время порядок в метавселенной почти полностью соответствует порядку социального управления³³.

Данные, являясь фундаментальной основой метавселенной, представляют собой ее ключевую составляющую. В рамках метавселенной данные обладают атрибутами различных правовых благ. Правовые интересы, связанные с данными метавселенной, которые выражают

правила функционирования этой системы, тесно связаны с обеспечением безопасности информационных систем. Например, если злоумышленник осуществляет атаку на код, определяющий структуру пространства метавселенной, это может быть квалифицировано как один из составов преступлений в компьютерной сфере (ст. 285–287 УК КНР). Более того, нарушение целостности данных, определяющих правила работы метавселенной, может оказать существенное влияние на устойчивость повседневной жизни пользователей в этой цифровой экосистеме³⁴. Такое поведение можно охарактеризовать как использование метавселенной в качестве объекта противоправной деятельности. Когда метавселенная достигнет цели интеграции виртуального и реального миров и пользователи осознают концепцию цифрового выживания, преднамеренное уничтожение данных, поддерживающих пространство метавселенной, или данных, определяющих ее правила функционирования, может рассматриваться как преступные деяния, нарушающие общественный порядок (гл. 6 УК КНР «Преступления против общественного порядка и порядка управления»).

С точки зрения нарушения порядка общественного управления виртуальное пространство метавселенной демонстрирует более выраженные социальные атрибуты и характеристики взаимодействия по сравнению с обычным киберпространством. В современной научной юридической среде Китая принято считать, что киберпространство относится к категории общественных мест. Согласно судебному толкованию уголовного права действия, такие как провокация беспорядков и организация азартных игр в виртуальном пространстве, должны рассматриваться как нарушение порядка общественного управления³⁵. При превращении виртуального пространства метавселенной в интегрированную экосистему платформ с бесшовным взаимодействием существует вероятность проникновения в него государственных

³³ См.: 李明泽: 《元宇宙的公共场所性辨析》, 载《长春师范大学学报》2024年第1期, 第51-56页 [Ли Минцзе. Анализ природы общественных мест в метавселенной // Журнал Чанчуньского педагогического университета. 2024. № 1. С. 51–56].

³⁴ См.: 刘宪权: 《元宇宙空间中数据的分类分级与刑法保护》, 载《比较法研究》2023年第4期, 第58页 [Лю Сяньцюань. Классификация данных в метавселенной и их уголовно-правовая защита // Сравнительное правоведческое исследование. 2023. № 4. С. 58].

³⁵ См.: 王福铭: 《元宇宙虚拟空间犯罪治理路径研究》, 载《网络安全技术与应用》2024年第5期, 第150页 [Ван Фумин. Пути регулирования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве метавселенной // Технологии и приложения для обеспечения сетевой безопасности. 2024. № 5. С. 150].

и социальных сервисов, что может привести к совершению преступлений, нарушающих общественный порядок, таких как несанкционированные собрания, митинги и демонстрации.

Многосторонний подход к предупреждению преступности в пространстве метавселенной

Децентрализованный характер виртуального пространства метавселенной предопределяет необходимость реализации логики управления информационных технологий на основе многостороннего сотрудничества. Цифровая платформа метавселенной станет ключевым элементом управления, однако это не подразумевает ослабление роли государства в регулировании. Наоборот, государство берет на себя повышенные обязательства по координации и организации переговорного процесса между различными государственными органами, цифровыми платформами, организациями метавселенной и гражданами. Опираясь на свое доминирующее положение в реальном обществе, государство определяет права и обязанности всех участников, разрабатывает правовую основу для метавселенной и создает интегрированную систему многоуровневого регулирования с участием множества заинтересованных сторон.

С учетом того что платформы, данные, алгоритмы и технологии являются ключевыми элементами многостороннего управления, адекватное понимание взаимосвязи между системой правового регулирования и указанными составляющими способствует выявлению реальной роли каждого участника в предотвращении преступлений в метавселенной.

1. С точки зрения цифровых платформ необходимо усилить совместное управление и внедрить систему аутентификации личности. Цифровые платформы в метавселенной выполняют функции поставщиков ключевых технологий, хранят обширные объемы публичных и конфиденциальных данных и выступают в качестве посредников между государственными органами и организациями метавселенной. Они играют важную роль в создании интегрированной системы регулирования для метавселенной. Цифровые платформы должны внедрить

механизм аутентификации пользователей на основе реального имени и передавать соответствующие данные в отдел государственных услуг для регистрации и сертификации.

2. Следует установить многоуровневый механизм защиты данных и механизмы обмена ими между платформой и регулирующими органами. Многоуровневый механизм безопасности данных является фундаментальной основой для определения мер и создания эффективной системы защиты данных³⁶. Метавселенная содержит огромное количество общедоступных и конфиденциальных данных, значение которых существенно возросло в виртуальном пространстве. Определение уровня безопасности данных критически важно для предотвращения нарушений и преступлений.

Необходимо маркировать и шифровать данные различных уровней, внедрять многостороннюю аутентификацию и разрешения для доступа к высокозащищенным данным, контролировать устройства сбора биометрической информации и создавать полноценную многоуровневую систему проверки для сбора, хранения и использования данных.

Данные являются основой для управления метавселенной и осуществления надзора со стороны различных регулирующих ведомств. Платформа должна предоставлять правительству, банкам, финансовым регуляторам, органам общественной безопасности и другим заинтересованным сторонам право на просмотр операционных данных без нарушения коммерческой тайны и четко определять обязанности каждой стороны в соответствии с законодательством.

3. С точки зрения алгоритмов необходимо сосредоточиться на анализе профиля пользователя и разработке моделей раннего предупреждения. Во время взаимодействия пользователей метавселенной через сенсорные устройства генерируются подробные данные, которые предоставляют богатый набор материала для анализа поведения пользователей. Детальная информация, такая как интересы пользователей, поведенческие привычки и время ожидания, позволяет создавать точные профили пользователей, которые можно сравнивать с алгоритмическими моделями, напри-

³⁶ См.: 陈吉栋:《超越元宇宙的法律想象:数字身份、NFT与多元规制》,载《法治研究》2022年第3期,第53-54页[Чэнь Цзидун. Юридическое воображение за пределами метавселенной: цифровая идентификация, NFT и многостороннее регулирование // Исследование по вопросам верховенства права. 2022. № 3. С. 53–54].

мер преступного поведения или риска стать жертвой. Это позволяет выявить ключевые группы риска для проведения целенаправленного анализа правоохранительными органами и информирования общественности. Кроме того, правовая система и нормативные акты метавселенной должны быть интегрированы в архитектуру алгоритмических инструкций для автоматического выполнения проверок соответствия и ограничений.

4. Необходимо применять прогрессивные технологии и усиливать контроль за контентом. Объем интерактивного контента, генерируемого в метавселенной, увеличивается экспоненциально. Контроль над таким контентом должен перейти от полуавтоматических методов проверки к полностью автоматизированным механизмам, основанным на технологиях искусственного интеллекта. Информация во время мониторинга общественных мест и транзакционных цепочек в качестве раннего предупреждения должна направляться в соответствующие регулирующие органы для своевременного реагирования. Блокчейн рассматривается как ключевая технология управления метавселенной благодаря созданию распределенного реестра, где любые изменения данных проверяются и регистрируются несколькими узлами сети. Это делает информацию о метавселенной полной, прозрачной и отслеживаемой. С помощью этой технологии идентификационная информация пользователей может быть объединена на разных платформах, что обеспечивает единое представление цифровых аватаров. Регулирующие органы могут создать публичную сеть, объединяющую платформы, для агрегации публичной информации, повышения надежности и прозрачности социальной и экономической деятельности в виртуальном пространстве, а также для усиления техниче-

ской поддержки в борьбе с преступлениями в метавселенной³⁷.

Заключение

В современный период развития технологий Интернет переходит в эру Web 3.0. Благодаря значительному прогрессу технологий виртуальная реальность больше не воспринимается как простое отражение действительности, а представляет собой независимо существующее и развивающееся параллельное пространство, дополняющее физическую реальность. Область существования человека теперь не только охватывает физическое пространство, но также расширяется на виртуальные пространства, такие как метавселенная. В результате возрастания возможностей виртуальных технологий человек эволюционировал от чисто биологических к гибридным формам существования, в результате чего образовалось новое измерение восприятия — виртуальное. Это не только расширяет спектр киберпреступлений, связанных с «шестым чувством» (цифровой сенсорикой), но и порождает новые формы противоправных действий, таких как преступления против личности и собственности в виртуальной среде. Появление новых технологий неизбежно вызывает изменения в общественных отношениях, тогда как правовые системы, характеризующиеся инерционностью и стабильностью, пока не способны эффективно защищать права, возникающие в контексте виртуального восприятия. Следовательно, необходимо провести комплексный анализ факторов, способствующих совершению преступлений в метавселенной, и разработать профилактические стратегии юридического и социального управления для обеспечения рекомендаций на основе опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

程金华: 《元宇宙治理的法治原则》, 载《东方法学》2022年第2期 [Чэн Цзиньхуа. Принципы верховенства закона в управлении метавселенной // Восточное право. 2022. № 2].

刘宪权: 《元宇宙空间非法获取虚拟财产行为定性的刑法分析》, 载《东方法学》2023年第1期 [Лю Сяньцюань. Квалификация незаконного приобретения виртуальной собственности в пространстве метавселенной // Восточное право. 2023. № 1].

³⁷ См.: 王福铭: 《元宇宙虚拟空间犯罪治理路径研究》, 载《网络安全技术与应用》2024年第5期, 第151页 [Ван Фумин. Пути регулирования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве метавселенной. С. 151].

李学良:《元宇宙中猥亵行为的法益侵害性》,载《上海法学研究》集刊2022年第23卷 [Ли Сюэлян. Правовые блага, связанные с непристойным поведением в метавселенной // Шанхайское юридическое исследование. 2022. Т. 23].

刘宪权:《元宇宙空间刑法中危害行为的»异化»及»新样态»》,载《苏州大学学报(哲学社会科学版)》2023年第3期第63-73页 [Лю Сяньцюань. «Отчуждение» и «новая форма» преступного деяния в пространстве метавселенной // Журнал Сучжоуского университета. Серия «Философия и общественные науки». 2023. № 3].

刘雨、刘赫:《西方科幻技术想象图谱——从机器拜物教到后人类情动》,载《东北师大学报(哲学社会科学版)》2023年第5期 [Лю Юй, Лю Хэ. Атлас технологического воображения западной научной фантастики: от фетишизма машин до постчеловеческих эмоций // Журнал Северо-Восточного педагогического университета. Серия «Философия и общественные науки». 2023. № 5].

[美] 贾德·伊桑·鲁格尔、马修·维斯、亨利·詹金斯等:《聚焦:平台之间的游移——电影、电视、游戏与媒介融合》,于帆译,载《世界电影》2011年第1期 [Ругел Дж. И., Вайс М., Дженкинс Г. [и др.]. Фокус: сдвиг между платформами — конвергенция кино, телевидения, игр и медиа / пер.: Юй Фань // Мировое кино. 2011. № 1].

王雯静、邢冬梅:《元宇宙中的身体在场与多维度风险分析》,载《湖州师范学院学报》2025年第3期 [Ван Вэньцзин, Син Дунмэй. Физическое присутствие и многомерный анализ рисков в метавселенной // Журнал Хучжоуского педагогического университета. 2025. № 3].

任可、杨道玲:《元宇宙相关产业现状与潜在风险分析》,载《中国经贸导刊》2022年第4期 [Жен Кэ, Ян Даолин. Текущая ситуация и потенциальные риски в отраслях, связанных с метавселенной // Китайский экономический и торговый вестник. 2022. № 4].

张洪忠、斗维红、任昊炯:《元宇宙:具身传播的场景想象》,载《新闻界》2022年第1期 [Чжан Хунчжун, Доу Вэйхун, Жен Вуцзюн. Метавселенная: воображаемая сцена физического общения // Круги прессы. 2022. № 1].

季卫东:《元宇宙的秩序:虚拟人、加密资产以及法治创新》,上海人民出版社2023版 [Цзи Вэйдун. Порядок в метавселенной: виртуальные люди, криптоактивы и инновации верховенства закона. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2023].

李明泽:《元宇宙犯罪的新特点:与网络犯罪的比较分析》,载《预防青少年犯罪研究》2024年第5期 [Ли Минцзе. Новые характеристики преступности в метавселенной: сравнительный анализ с киберпреступностью // Исследование по профилактике преступности несовершеннолетних. 2024. № 5].

莫然、张东妮:《元宇宙纠纷解决机制的构建与发展》,载《学术探索》2023年第4期 [Мо Жан, Чжан Дунни. Построение и развитие механизма разрешения споров в метавселенной // Академические исследования. 2023. № 4].

吴焯:《元宇宙:法律图谱与规范逻辑》,中国人民大学出版社2023年版 [У Е. Метавселенная: юридический атлас и нормативная логика. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2023].

刘宪权:《元宇宙空间财产犯罪的刑法规制》,载《法学评论》2024年第2期 [Лю Сяньцюань. Уголовно-правовое регулирование имущественных преступлений в пространстве метавселенной // Юридический обзор. 2024. № 2].

陈吉栋:《超越元宇宙的法律想象:数字身份、NFT与多元规制》,载《法治研究》2022年第3期 [Чэнь Цзидун. Юридическое воображение за пределами метавселенной: цифровая идентификация, NFT и многостороннее регулирование // Исследование по вопросам верховенства права. 2022. № 3].

杨猛:《元宇宙空间刑事风险与类型化规制》,载《东方法学》2025年第2期 [Ян Мэн. Криминальные риски и классификация регулирования в пространстве метавселенной // Восточное право. 2025. № 2].

杨猛:《数据犯罪的底层逻辑与预控——以刑事合规角度为切入》,载《上海法学研究》集刊2022年第20卷 [Ян Мэн. Логика, лежащая в основе преступлений, связанных с данными, и предварительный контроль за ними: с точки зрения соблюдения уголовно-правовых норм // Шанхайское юридическое исследование. 2022. Т. 20].

王江桥:《NFT交易模式下的著作权保护及平台责任》,载《财经法学》2022年第5期 [Ван Цзяньцяо. Защита авторских прав и ответственность платформы в рамках модели транзакций NFT // Право и экономика. 2022. № 5].

邓亮:《元宇宙业态下新型经济犯罪风险及其治理》,载《人民论坛》2022年第13期 [Дэн Лян. Риски новых экономических преступлений и их регулирование в метавселенной // Народный форум. 2022. № 13].

张宇润、董宇:《论法定数字货币征信难题和法律对策》,载《安徽大学学报(哲学社会科学版)》2021年第2期 [Чжан Юйжун, Дун Юй. О трудностях, связанных с кредитными отчетами в сфере фиатных цифровых валют, и правовых мерах для их регулирования // Журнал Аньхойского университета. Серия «Философия и общественные науки». 2021. № 2].

李明泽:《元宇宙的公共场所性辨析》,载《长春师范大学学报》2024年第1期 [Ли Минцзе. Анализ природы общественных мест в метавселенной // Журнал Чанчуньского педагогического университета. 2024. № 1].

刘宪权:《元宇宙空间中数据的分类分级与刑法保护》,载《比较法研究》2023年第4期 [Лю Сяньцюань. Классификация данных в метавселенной и их уголовно-правовая защита // Сравнительное правоведческое исследование. 2023. № 4].

王福铭:《元宇宙虚拟空间犯罪治理路径研究》,载《网络安全技术与应用》2024年第5期 [Ван Фумин. Пути регулирования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве метавселенной // Технологии и приложения для обеспечения сетевой безопасности. 2024. № 5].

Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике : монография / под науч. ред. Н. А. Сидоровой, И. А. Васильева ; пер.: Пан Дунмэй, Ван Гуанлун. М. : Проспект, 2021.

Fuchs Ch. Digital Labor and Karl Marx. New York : Routledge, 2014.

REFERENCES

程金华:《元宇宙治理的法治原则》,载《东方法学》2022年第2期 [Chen Jinhua. Principles of the rule of law in the management of the metaverse. *Eastern Law*. 2022;2]. (In Chinese).

刘宪权:《元宇宙空间非法获取虚拟财产行为定性的刑法分析》,载《东方法学》2023年第1期 [Liu Xianquan. Qualification of illegal acquisition of virtual property in the metaverse space. *Eastern Law*. 2023;1]. (In Chinese).

李学良:《元宇宙中褻亵行为的法益侵害性》,载《上海法学研究》集刊2022年第23卷 [Li Xueliang. Legal benefits related to indecent behavior in the metaverse. *Shanghai Legal Research*. 2022;23]. (In Chinese).

刘宪权:《元宇宙空间刑法中危害行为的»异化»及»新样态»》,载《苏州大学学报(哲学社会科学版)》2023年第3期第63-73页 [Liu Sanchuan. «Alienation» and the «new form» of a criminal act in the space of the metaverse. *Journal of Suzhou University (Philosophy and Social Sciences)*. 2023;3]. (In Chinese).

刘雨、刘赫:《西方科幻技术想象图谱——从机器拜物教到后人类情动》,载《东北师大学报(哲学社会科学版)》2023年第5期 [Liu Yu, Liu He. Atlas of the Technological Imagination of Western Science Fiction: from Machine Fetishism to Posthuman Emotions. *Journal of the Northeastern Pedagogical University (Philosophy and Social Sciences)*. 2023;5]. (In Chinese).

[美] 贾德·伊桑·鲁格尔、马修·维斯、亨利·詹金斯等:《聚焦:平台之间的游移——电影、电视、游戏与媒介融合》,于帆译,载《世界电影》2011年第1期 [(USA) Judd Ethan Rugeley, Matthew Weiss, Henry Jenkins, and others. Focus: The shift between platforms is the convergence of film, television, games, and media. Translated by Yu Fan. *World cinema*. 2011;1]. (In Chinese).

王雯静,邢冬梅:《元宇宙中的身体在场与多维度风险分析》,载《湖州师范学院学报》2025年第3期 [Wang Wenjing, Xing Dongmei. Physical presence and multidimensional risk analysis in the metaverse. *Journal of Huzhou Pedagogical University*. 2025;3]. (In Chinese).

任可、杨道玲:《元宇宙相关产业现状与潜在风险研究》,载《中国经贸导刊》2022年第4期 [Wives Ke, Yang Daolin. The current situation and potential risks in industries related to the metaverse. *Chinese Economic and Trade Bulletin*. 2022;4]. (In Chinese).

张洪忠、斗维红、任昊炯:《元宇宙:具身传播的场景想象》,载《新闻界》2022年第1期 [Zhang Junjun, Dow Vachon, Wives Wuzzon. The metaverse: An imaginary scene of physical communication. *Circles of the press*. 2022;1]. (In Chinese).

季卫东:《元宇宙的秩序:虚拟人、加密资产以及法治创新》,上海人民出版社2023版 [Ji Weidong. Order in the metaverse: Virtual humans, crypto assets, and rule of law innovations. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. 2023]. (In Chinese).

李明泽:《元宇宙犯罪的新特点:与网络犯罪的比较分析》,载《预防青少年犯罪研究》2024年第5期 [Li Mingjie. New characteristics of the metaverse of crime: A comparative analysis with cybercrime. *Juvenile Delinquency Prevention Research*. 2024;5]. (In Chinese).

莫然、张东妮:《元宇宙纠纷解决机制的构建与发展》,载《学术探索》2023年第4期 [Mo Zhan, Zhang Dongni. Construction and development of a dispute resolution mechanism in the metaverse. *Academic Research*. 2023;4]. (In Chinese).

吴焯:《元宇宙:法律图谱与规范逻辑》,中国人民大学出版社2023年版 [The Metaverse: A Legal Atlas and Normative Logic. Beijing: Publishing House of the Chinese People's University; 2023].

刘宪权:《元宇宙空间财产犯罪的刑法规制》,载《法学评论》2024年第2期 [Liu Xianquan. Criminal law regulation of property crimes in the space of the metaverse. *Legal review*. 2024;2]. (In Chinese).

陈吉栋:《超越元宇宙的法律想象:数字身份、NFT与多元规制》,载《法治研究》2022年第3期 [Chen Jidong. The legal imagination beyond the metaverse: Digital identification, NFT, and multilateral regulation. *Research on the Rule of Law*. 2022;3]. (In Chinese).

杨猛:《元宇宙空间刑事风险与类型化规制》,载《东方法学》2025年第2期 [Yang Meng. Criminal risks and classification regulation in the metaverse space. *Eastern Law*. 2025;2]. (In Chinese).

杨猛:《数据犯罪的底层逻辑与预控——以刑事合规角度为切入》,载《上海法学研究》集刊2022年第20卷 [Yang Meng. The logic underlying data-related crimes and their preliminary control: From the point of view of criminal compliance. *Shanghai Legal Research*. 2022;20]. (In Chinese).

王江桥:《NFT交易模式下的著作权保护及平台责任》,载《财经法学》2022年第5期 [Wang Jianqiao. Copyright protection and platform liability under the NFT transaction model. *Law and economics*. 2022;5]. (In Chinese).

邓亮:《元宇宙业态下新型经济犯罪风险及其治理》,载《人民论坛》2022年第13期 [Dan Liang. The risks of new economic crimes and their regulation in the metaverse. *People's Forum*. 2022;13]. (In Chinese). 杨猛:《元宇宙空间刑事风险与类型化规制》,载《东方法学》2025年第2期 [Yang Meng. Criminal risks and classification regulation in the metaverse space. *Eastern Law*. 2025;2]. (In Chinese).

张宇润、董宇:《论法定数字货币征信难题和法律对策》,载《安徽大学学报(哲学社会科学版)》2021年第2期 [Zhang Yurun, Dong Yu. On the difficulties associated with credit reports in the field of fiat digital currencies and legal measures to regulate them. *Journal of Anhui University (Philosophy and Social Sciences)*. 2021;2]. (In Chinese).

李明泽:《元宇宙的公共场所性辨析》,载《长春师范大学学报》2024年第1期 [Li Mincez. Analysis of the nature of public places in the metaverse. *Journal of Changchun Pedagogical University*. 2024;1]. (In Chinese).

刘宪权:《元宇宙空间中数据的分类分级与刑法保护》,载《比较法研究》2023年第4期 [Liu Xianquan. Classification of data in the metacosmic space and their criminal legal protection. *Comparative legal research*. 2023;4]. (In Chinese).

王福铭:《元宇宙虚拟空间犯罪治理路径研究》,载《网络安全技术与应用》2024年第5期 [Wang Fuming. Ways to regulate crimes committed in the virtual space of the metaverse. *Technologies and applications for network security*. 2024;5]. (In Chinese).

Gao Minxuan. The origin, formation and development, improvement of criminal legislation in the People's Republic of China: A monograph. Sidorova NA, Vasileva IA, editors. Translated by Pan Dongmei and Wang Guanglong. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Christian Fuchs. Digital Labor and Karl Marx. New York: Routledge; 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пан Дунмэй, доктор юридических наук, профессор Юридического университета Хэйлунцзянского университета
д. 74, Сюэфу ул., г. Харбин 150080, Китайская Народная Республика
pangdongmei71@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pan Dongmei, Doctor of Law, Professor, University of Law, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China
pangdongmei71@163.com

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 августа 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 17.11.2024.

Revised 12.08.2025.

Accepted 15.08.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008